

Глава вторая

В. И. ЛЕНИН И РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ 60-х ГОДОВ

I

В 1881 г. известный шестидесятник Н. В. Шелгунов писал в одном из внутренних обозрений демократического журнала «Дело»: «Шестидесятые годы явились моментом необыкновенного подъема нашего духа, небывалого напряжения наших умственных сил и небывалого еще развития критической мысли... Не было в то время ни одной области ведения, куда бы не заглянула критическая мысль, и не было ни одного общественного явления, которого бы она не коснулась. Земля и небо, рай и ад, выражаясь фигурально, вопросы личного счастья, вопросы счастья общественного, изба мужика, дом вельможи — все было осмотрено и обследовано критическою мыслью... *Умственная революция, которую мы пережили в шестидесятых годах, была не меньше умственной революции, которую переживала Франция с половины XVIII века*.¹ Другой из руководящих демократических органов — «Отечественные записки» — в том же году, рассуждая о пережитом Россией с 50-х годов, писал: «Оглядываясь с высоты восьмидесятых годов на пройденное пространство, чувствуешь прилив бодрости и мужества, освежаешь свою веру в прогресс и людей».²

¹ Н. Ш. [Н. В. Шелгунов]. Внутреннее обозрение. «Дело», 1881, № 3 (курсив наш, — Ш. Л.).

² «Отечественные записки», 1881, № 8, стр. 199 (рецензия на «Повести» писательницы Н. Д. Хвощинской (псевдоним «Н. Крестовский»)).

Из литературы и публицистики, частной переписки и воспоминаний русских людей можно извлечь многие десятки и сотни подобных отзывов, касающихся «святого времени», как назвал однажды А. П. Чехов 60-е годы, времени, когда, как замечал другой автор (популярный критик и историк литературы Андреевич-Соловьев), «был порыв, была страсть, было вдохновение» и «новый человек» был одержим «верой в себя», в «возможность изменить жизнь сообразно с требованиями разума», с идеалом, чтобы «всем было хорошо» (в последних словах автор цитировал, не называя, Н. А. Добролюбова).

Известно, что условное понятие «шестидесятые годы» не вполне совпадает с календарными 1860-ми годами. Исторический период 60-х годов справедливо принято открывать серединой 50-х годов (примерно завершающим этапом и концом Крымской войны) и заключать серединой—второй половиной 60-х годов. А в рамках 60-х годов столь же закономерно намечают две полосы — нарастающего подъема освободительного движения, наибольший размах получившего в годы непосредственной подготовки и осуществления крестьянской реформы, и наступившего затем временного спада движения, усиления правительственной реакции, об руку с которой в той или иной мере шла реакция «общественная».

Это внутреннее членение периода 60-х годов не было скрыто от взора многих современников. В статье, посвященной выходу «Колокола» на французском языке и относящейся к самому концу 1867 г., А. И. Герцен указывал: «Масса идей, идеалов, вопросов, сомнений, фактов, ринутых в оборот, в общее брожение в продолжение семи лет (Герцен имел в виду приблизительно время с 1856 до 1862 г., — *Ш. Л.*), изумительна. Были промахи, но, глядя на них отступя и сквозь мрачное пятилетие, только и остается, что общее благословение светлой полосе и людям утра».³ Шелгунов даже считал впоследствии, что «самое яркое по общественному возбуждению время было лишь до 19 февраля 1861 г., т. е. до освобождения»;⁴ с этим нельзя согласиться — именно к 1861 г. относится наивысший «накал» общественного возбуждения (чему не противоречит тот факт, что уже в начале 1861 г., сразу по объявлении крестьянской реформы, в правительственных кругах обозначился перевес крайней правой, и отставленный тогда от дел Николай Милютин писал прямо о «реакции», о том, что «хотят

³ А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. XX, кн. 1, М., 1960, стр. 11.

⁴ Н. В. Шелгунов, Соч., изд. 3-е, т. III, СПб., б. г., стр. 195 (XII очерк из серии «Очерки русской жизни»).

законопатить все щели, чрез которые проходит свежий воздух в высшие сферы»⁵).

Сказанное сейчас показывает, насколько был прав В. И. Ленин, когда он в 1901 г., поправляя мемуариста-шестидесятника А. Ф. Пантелеева, подчеркивал, что еще до знаменитых петербургских пожаров весны 1862 г. «*ход жизни*» резко направлялся в сторону реакции и независимо от пожаров»⁶.

Из каких явлений и событий складывается понятие «шестидесятые годы», разными своими сторонами привлекавшее столь острое внимание В. И. Ленина?

Прежде всего это, конечно, тот перелом в социально-экономическом и в какой-то степени в государственно-политическом развитии России, который связан с падением крепостного права и с последовавшим за ним циклом других реформ, и наряду с этим тот подъем демократической борьбы, в обстановке которого проводилась сама крестьянская реформа. Это — коренной поворот в ходе освободительного движения, переход его от дворянского к разночинскому, или буржуазно-демократическому, этапу. Это — та «умственная революция», о которой говорится в приведенном выше высказывании Н. В. Шелгунова, подъем передовой общественной мысли и подъем передовой культуры, нашедший выражение в различных ее областях — в литературе и критике, журналистике, в гуманитарных и естественных науках и педагогике, в искусстве, сдвиги в быту, нравственных представлениях, в частности об общественном положении женщины. Это — важные изменения в расстановке, во взаимных отношениях общественных сил, углубление размежевания сил демократии и либерализма, постепенное оформление тех общественных направлений, которые, видоизменяясь в тех или иных отношениях, продолжали в дальнейшем действовать на протяжении десятилетий.

Необходимо подчеркнуть, и это отчасти уже вытекает из только что сказанного, что было бы глубоко неправильно приводить все то, что связано с понятием «шестидесятые годы»,

---

⁵ Гр. Джаншиев. Эпоха великих реформ. Изд. 9-е. СПб., 1905. стр. 659. Нелишне тут заметить, что и в наиболее относительно «либеральную» пору alexандровского царствования политика власти отличалась двойственностью — реакционные тенденции в той или иной мере всегда в ней сказывались. Прав был М. П. Драгоманов, писавший в начале 80-х годов, что «собственно прогресса сколько-нибудь последовательного при Александре II никогда не было» («Вольное слово», 1883, № 60, 1 мая, стр. 2).

⁶ В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 29, примечание (ср. также примечание на стр. 27, где В. И. Ленин дает оценку расправе царского правительства над группой дворянских либералов Тверской губернии в 1862 г.).

к какому-то общему, единому знаменателю, не видеть или недооценивать противоречивости хотя бы даже только умственных, культурных в самом широком смысле явлений, которые в это понятие входят. 60-е годы — время ожесточенной идейной борьбы, резких столкновений между разными общественными силами. Тенденция к замалчиванию или по крайней мере к возможному сглаживанию этих противоречий и столкновений была характерной в период 80-х годов, да и позднее, для либеральной публицистики и историографии; она захватывала порой и определенные элементы либерально-народнической публицистической и исторической литературы. На широком «единстве» самых разнородных общественных кругов историки и публицисты либерального и, частью, либерально-народнического направлений настаивали особенно, когда дело касалось *кануна* крестьянской реформы. Об «идиллии» (определение самого автора) согласованных действий «образованных людей» «без различия оттенков политического мировоззрения» говорил, например, создатель выдержавшей небывало большое для своего времени число изданий книги «Эпоха великих реформ» Г. А. Джаншиев.⁷ С теми либо другими вариациями в том же смысле высказывались многие литераторы и историки конца XIX и начала XX в.

Такая точка зрения была решительно неприемлема для В. И. Ленина. Имея в виду так называемое «наследство» 60-х годов, он заявлял, что «считать его за нечто единое — плохая традиция плохих (80-х) годов».⁸ Различие и борьбу тенденций, прежде всего демократической и либеральной тенденций в общественном движении, В. И. Ленин не переставал вскрывать и подчеркивать начиная с ранней работы «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» и до некоторых выступлений в советские годы.

Наиболее полные и разносторонние характеристики и оценки 60-х годов, того существенного и нового, что они внесли в жизнь России, значения событий той эпохи для последующей истории страны даны В. И. Лениным в таких работах, как «Что такое „друзья народа“», «От какого наследства мы отказываемся?», «Гонители земства и Аппибалы либерализма», «Памяти Герцена», в серии статей, приуроченных к 50-летию крестьянской реформы. Круг источников, привлекавшихся В. И. Лениным при освещении 60-х годов, как и других этапов в развитии русской общественной мысли и революционного

⁷ Гр. Джаншиев. Эпоха великих реформ, стр. 258.

⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, стр. 18 (письмо А. Н. Потресову от 26 января 1899 г.).

движения, широк и разнообразен.⁹ Всеобъемлющим является вместе с тем круг проблем, охваченных ленинскими трудами, как перечисленными, так и многими другими.

В. И. Ленин — историк крестьянской реформы. Он на основе подлинно марксистского анализа показал причины реформы, условия, в каких она проводилась, ее действительный характер и содержание, объективное историческое значение. Еще в 1897 г. в статье «От какого наследства мы отказываемся?» В. И. Ленин, приступая к изложению взглядов Скалдина, писал: «Начнем с крестьянской реформы — этого исходного пункта, к которому неизбежно должен восходить и по спору каждый, желающий изложить свои общие воззрения по экономическим и публицистическим вопросам».¹⁰ В советской исторической литературе общепризнанным является положение, что именно В. И. Ленин впервые с предельной глубиной вскрыл экономические причины падения крепостного права.¹¹ При этом, разумеется, следует учитывать не только работы В. И. Ленина, специально посвященные реформе 1861 г., но весь комплекс ленинских работ, касающихся экономического развития России, русского аграрно-крестьянского вопроса. В сжатой формулировке статьи «„Крестьянская реформа“ и пролетарски-крестьянская революция» (1911) ответ на вопрос, какая сила заставила крепостников взяться за реформу, гласит: «Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удерживать старых, рушившихся форм хозяйства».¹² А в исследовании «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин, задолго до приведенных строк, писал: «Крепостное поместье должно было представлять из себя самодовлеющее, замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром. Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распада старого режима».¹³

⁹ См. статью-доклад М. В. Нечкиной «В. И. Ленин — историк революционного движения России» в сборнике «В. И. Ленин и историческая наука» (М., 1968).

¹⁰ В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? Полн. собр. соч., т. 2, стр. 509.

¹¹ См., например: «Вопросы истории», 1961, № 2, стр. 137 (рецензия М. Е. Найденова).

¹² В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 173.

¹³ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 184. Положения Ленина противостояли позиции, например, П. Б. Струве, полагавшего, что «крепостное хозяйство, как таковое,

Другая коренная причина, вызвавшая крушение крепостного строя, — рост крестьянского недовольства, значительное усиление борьбы крестьянских масс против крепостничества. На это не раз указывал В. И. Ленин. Вспомним брошюру Ленина «К деревенской бедноте» (1903). Ленин писал здесь: «Когда было крепостное право, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли. Крестьяне не боялись зверских преследований правительства, не боялись экзекуций и пуль, крестьяне не верили понам, которые из кожи лезли, доказывая, что крепостное право одобрено священным писанием и узаконено богом. . . крестьяне поднимались то здесь, то там, и правительство, наконец, уступило, боясь общего восстания всех крестьян».¹⁴ Повторяя позднее, по поводу 50-й годовщины отмены крепостного права, то же положение, В. И. Ленин указывал: «Крестьянские „бунты“, возрастаая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить *сверху*, чем ждать, пока свергнут *снизу*».¹⁵

Крестьянским настроениям и чаяниям, крестьянской борьбе В. И. Ленин неизменно уделял громадное внимание в своей

экономически не созрело к своей отмене в 1861 году» (Петр Струве. Крепостное хозяйство. СПб., 1913, стр. 154). В статье «Основные моменты в развитии крепостного хозяйства в России XIX в.», легшей в основу названной книги Струве и напечатанной еще в 1899 г., когда Струве был «легальным марксистом», он прямо пытался оспаривать вывод Ленина, «выдающегося исследователя нашей новейшей экономической эволюции», сделанный в «Развитии капитализма в России» («Мир божий», 1899, № 12, стр. 283).

¹⁴ В. И. Ленин. К деревенской бедноте. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 194.

¹⁵ В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, стр. 173. Характерно, что в тогдашней буржуазной литературе делались попытки отодвинуть на задний план роль крестьянской борьбы за освобождение. Не кто иной, как Струве, писал, что было бы «смехотворным преувеличением» приписывать «крестьянским движениям и волнениям» особое значение в «освобождении»: «Этот факт имел значение скорее угрозы, чем реально наступившей опасности» (Петр Струве. Крепостное хозяйство, стр. 142). Попытка Струве вызвала возражение даже в либерально-буржуазном лагере. «Влияние этого фактора (крестьянских волнений, — Ш. Л.) было огромно не только на правительство, но и на самих помещиков», — отвечает Струве А. А. Корнилов («Научный исторический журнал», 1914, № 5, стр. 47).

теоретической и практической работе, в них он видел и глубокую подоснову революционных стремлений русской демократической интеллигенции. Следует в связи с этим отметить, что, отмечая идеалистические концепции буржуазных историков и публицистов, склонных усматривать в постепенно усиливавшимся давлении на власть общественного мнения «надклассовой» интеллигенции чуть ли не решающий фактор реформы.¹⁶ В. И. Ленин ни в коей мере не игнорировал действительной роли идейной борьбы подлинных защитников народных интересов в разоблачении крепостничества. Недаром в статье «От какого наследства мы отказываемся?» он, несомненно имея в виду заслугу русских просветителей середины XIX в., указывал: «Нельзя забывать, что в ту пору, когда писался... наши просветители от 40-х до 60-х годов, все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками».¹⁷ Напомним и о статье «Памяти Герцена», отделенной пятнадцатилетним промежутком от только что процитированного труда, где в заслугу «Колоколу» поставлена была борьба — речь шла именно об идейной борьбе — за освобождение крестьян (разумеется, за истинное освобождение, освобождение без кавычек).¹⁸

Характеризуя и общие причины, и ближайшие поводы, поведшие к крестьянской реформе, В. И. Ленин поставил также вопрос о роли в этом отношении Крымской войны. Он продолжил естественным образом давнюю традицию, закономерно сложившуюся в русской мысли. Среди авторов, писавших по свежим следам самих событий на эту тему, были и Герцен, и Огарев, и Чернышевский. В конце 50-х годов Герцен писал, что до Крымской войны «никто не подозревал внутренней работы России», между тем «мысли, посеянные 14 декабря, зрели, разъедали грудь и подтачивали незаметно дубовые ворота николаевского острога». «Прежде чем кончилась эта работа, стены его треснули. Их пробили ядра союзников». И дальше: «...середь этого внутреннего развития ударила Крымская война, которая доказала... всю несостоятельность

¹⁶ Неоднократно уже упомянутый Джаншиев, один из ярких выразителей этой тенденции, писал, что «гуманно-освободительное движение, медленно проникавшее к нам из Европы, смыло, наконец, благодаря настойчивости немногочисленной либеральной интеллигенции это трехвековое позорное пятно» (Гр. Джаншиев. Эпоха великих реформ, стр. 578).

¹⁷ В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся?, стр. 520.

¹⁸ Ленин писал: «„Колокол“ (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян» (Памяти Герцена. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 258—259).

России бороться против Европы». ¹⁹ Несколько лет спустя Н. Г. Чернышевский в своих, столь высоко ценимых и Марксом и Лениным, «Письмах без адреса» очень отчетливо и прямо указал на связь крестьянской реформы с Крымской войной: «Необходимость заняться крестьянским вопросом наложена была на Россию ходом последней нашей войны. . . военные неудачи обнаружили для всех слоев общества несостоятельность того порядка вещей, в котором оно жило до войны». ²⁰ С не оставлявшей сомнений определенностью и ясностью подчеркивал В. И. Ленин в своем освещении периода падения крепостного права: «Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России». ²¹ И в параллельно написанной другой статье: «Отмена крепостного права была проведена не восставшим народом, а правительством, которое после поражения в крымской войне увидело полную невозможность сохранения крепостных порядков». ²² «Проведена не восставшим народом» — не означает, как мы видели, что антикрепостническое движение народа не было в числе главнейших факторов, обусловивших неизбежность падения крепостного права. Но отмена его была осуществлена удержавшимся у власти, несмотря на революционную ситуацию (о ней ниже), реакционно-крепостническим правительством. И это предопределило антинародный характер реформы 19 февраля 1861 г.

Анализ и оценку характера крестьянской реформы В. И. Ленин, глубочайший исследователь аграрных проблем, давал — можно сказать без преувеличения — несметное число раз, начиная с самых ранних своих экономических и публицистических трудов. Говоря о *вынужденном* для царизма «освобождении» вследствие давления «военного поражения, страшных финансовых затруднений и грозных возмущений крестьян», В. И. Ленин в одном из первых номеров старой «Искры» назвал крестьянскую реформу «величайшим истори-

---

¹⁹ А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. XIII, М., 1958, стр. 399, 402. Ср. в одной из статей друга и сподвижника Герцена Н. П. Огарева (от 1864 г.): «Россия, ушаманная, скованная, ограбленная полицейским управлением, оказалась негодною даже для войны; надо же покончить это положение вещей, надо много перемен — а с чего начать? . . . Кроме освобождения крестьян не с чего, тут корень всего» (Избр. социально-политические и философские произведения, т. I, М., 1952, стр. 663).

²⁰ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. X, М., 1951, стр. 94.

²¹ В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, стр. 173.

²² В. И. Ленин. Пятидесятилетие падения крепостного права. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 140.

ческим примером того, до какой степени изгаженным выходит всякое дело из рук самодержавного правительства».²³

В лаконичной и обобщенной форме В. И. Ленин в статье «„Крестьянская реформа“ и пролетарски-крестьянская революция» свел воедино «основные черты» реформы 19 февраля. Ленин определил тут ее как бессовестнейший грабеж крестьян, как ряд насилий и сплошное надругательство над ними. Он указал на «отрезки» от крестьянской земли в пользу помещиков — свыше $\frac{1}{5}$ части в черноземных губерниях, причем в некоторых до $\frac{1}{3}$ и даже до $\frac{2}{5}$ земли, находившейся до реформы у крестьян. Крестьянские земли «отмежевывали от помещичьих так, что крестьяне переселялись на „песочек“, а помещичьи земли клинком вгонялись в крестьянские». То и другое давало помещикам возможность кабалить крестьян и сдавать им землю в аренду за ростовщические цены. «По случаю „освобождения“ крестьян заставили „выкупать“ их собственные земли», установив выкуп вдвое и втрое выше действительной цены на землю. Принимая во внимание и последовавшие за крестьянской другие реформы, В. И. Ленин писал, что вся вообще «эпоха реформ» «оставила крестьянина нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве». Общий вывод Ленина сводился к тому, что так называемая «великая реформа» была крепостнической реформой и не могла быть иной, так как ее проводили крепостники.²⁴

Но одновременно с этим В. И. Ленин подчеркивал вторую сторону вопроса. Реформа была проводимой крепостниками буржуазной реформой и знаменовала собою «шаг по пути превращения России в буржуазную монархию».²⁵ Несмотря на огромные крепостнические пережитки, очень тормозившие развитие капитализма в России, оно после 1861 г. пошло, по словам В. И. Ленина, «с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века».²⁶ Именно поэтому Ленин и говорил многократно о падении крепостного права как о крупном историческом переломе, как об одном из эпизодов смены крепостнического (или феодального) способа производства буржуазным (капиталистическим).²⁷ В своей лекции

²³ В. И. Ленин. Рабочая партия и крестьянство. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 430.

²⁴ В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, стр. 173.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, стр. 174.

²⁷ В. И. Ленин. 1) Гонимые земства и Аннибалы либералства, стр. 26; 2) По поводу юбилея. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 161.

«О государстве», уже в советскую эпоху, В. И. Ленин сказал: «В России в 1861 году... произошел переворот, последствием которого была смена одной формы общества другой — замена крепостничества капитализмом...».²⁸

Ленинская концепция крестьянской реформы противостояла оценкам последней, дававшимся либеральной, а в определенной мере и народнической литературой (прежде всего литературой либерального народничества).

В. И. Ленин отметил, что реформу 1861 г. либералы «сначала подкрашивали, а потом даже прославляли».²⁹ Здесь определена общая, ведущая тенденция либеральной публицистики и историографии, у отдельных представителей которой, конечно, могли быть и были свои оттенки суждений. Советский историк крестьянской реформы Е. А. Мороховец в свое время справедливо писал, что реформу 19 февраля либерально-буржуазные историки идеализировали, и если не все они оценивали ее так апологетически, как например Гр. Джаншиев,³⁰ а те либо другие из них подходили к ней критически, то эта критика касалась не главных основ Положений (19 февраля, — Ш. Л.), а только «отклонений их от либеральной программы реформы типа программы Кавелина—Унковского».³¹

Отвечая на вопрос, почему либеральные историки «подкрашивают» крепостнические реформы (речь шла, в частности, о Милюкове), В. И. Ленин впоследствии указывал: «Потому, что в деятелях таких реформ они видят приятное им раболепство перед крепостниками, отрадную для них боязнь демократии, близкое им стремление к блоку с реакцией...».³²

²⁸ В. И. Ленин. О государстве. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 71.

²⁹ В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, стр. 175.

³⁰ В одном из очерков, составивших книгу Джаншиева «Эпоха великих реформ», автор, например, характеризовал реформу как «великий законодательный акт», «прозвучавший как возвышающий душу благовест» над Россией (стр. 577).

³¹ История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894). (Материалы к обсуждению), часть первая. М., 1952, стр. 127—128.

³² В. И. Ленин. Либеральное подкрашивание крепостничества. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 17. П. Н. Милюков доходил до утверждения, что в крестьянскую реформу 1861 г. возобладали взгляд «государственно-правовой и демократический», одержавший верх «над взглядом частно-правовым и помещичьим» (ср.: И. В. Чернышев. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Пгр., 1918, стр. 337). М. М. Ковалевский, выступая в 1906 г. в I Государственной думе, говорил, что государство в 1861 г. «произвело самый грандиозный акт выкупа земли в интересах общественной пользы и общественной необходимости», и характеризовал реформу 19 февраля, совершенную по воле «царя-освободителя», как «самый великий акт русской истории —

Что касается народников, то необходимо различать позиции «старых», боевых народников 70-х годов и революционных народников вообще, с одной стороны, и народников либеральных, с другой. Революционные народники, продолжая в этом отношении традицию демократов-революционеров — современников реформы, резко и непримиримо осуждали ее грабительский характер и вели борьбу за подлинное, последовательное освобождение крестьянской массы от помещичьего гнета. У либеральных народников критика неблагоприятных для народа последствий реформы сочеталась с элементами определенной ее идеализации. Общим для всех, или во всяком случае для подавляющего большинства, народников — и либеральных, и революционных — было непонимание буржуазного содержания реформы. Оценивая позицию таких столпов либерального народничества, как В. П. Воронцов («В. В.») и Н. Ф. Даниельсон («Николай—он»), В. И. Ленин замечал, что для них «основы крестьянской реформы 1861 г. представляли из себя нечто принципиально отличное от капитализма и принципиально враждебное ему». «Они, — пишет Ленин, — говорили о том, что Положение 19 февраля узаконяло „наделение производителя средствами производства“, давало санкцию „народному производству“ в отличие от капиталистического».³³ В той же работе В. И. Ленин затем указывал: «Поскольку народники прикрашивали реформу 1861 года, забывая о том, что „наделение“ реально означало в массе случаев обеспечение помещичьих хозяйств дешевыми и прикрепленными к месту рабочими руками, дешевым кабальным трудом, постольку они опускались (часто не сознавая этого) до точки зрения либерализма... Поскольку же народники, не впадая в идеализацию реформы 1861 года, горячо и искренне отстаивали наименьшие платежи и наибольшие, без всякого ограничения, „наделы“, при наибольшей культурной, правовой и прочей самостоятельности крестьянина, постольку они были буржуазными демократами. Их единственным недостатком было то, что их демократизм был далеко не всегда последователен и решителен, причем буржуазный характер его оставался ими несознаваемым».³⁴

освобождение крестьян с землею» (Первая Государственная дума. Сборник статей, вып. III. СПб., 1907, стр. 7).

³³ В. И. Ленин. По поводу юбилея, стр. 161.

³⁴ Там же, стр. 165. Можно заметить, что критические в отношении реформы ноты у либеральных народников едва ли не заострились под влиянием опыта огромного крестьянского движения периода первой русской революции. Тот же В. Воронцов писал в 1906 г. в «Вестнике Европы» в статье «Аграрный вопрос в России»: «Освобожденному крестьянину предстояло... не только приспособиться к новой социальной обстановке, но и преодолеть обиды реформы, вырывать

С анализом крестьянской реформы, ее последствий для социально-экономического и политического развития России и вместе с тем с оценкой объективного исторического значения русского народничества было связано учение В. И. Ленина о двух видах капиталистической аграрной эволюции, которые он условно называл американским и прусским путями. К этой проблеме В. И. Ленин возвращался многократно, всесторонне раскрывая и разъясняя свою точку зрения, в частности в полемике с меньшевиками. Так, в 1907 г. он писал: «Либо эволюция прусского типа: крепостник-помещик становится юнкером... Монархия... Наибольшее неравенство в сельском и в остальном населении. Либо эволюция американского типа. Уничтожение помещичьего хозяйства. Крестьянин становится свободным фермером... Буржуазно-демократический строй. Наибольшее равенство среди сельского населения, как исходный пункт и условие свободного капитализма».³⁵

В изданной вскоре, в 1908 г. (и тогда же конфискованной), книге «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» В. И. Ленин писал, обращаясь при этом непосредственно к опыту 60-х годов: «Возьмите эпоху падения крепостного права. Шла борьба из-за способа проведения реформы между помещиками и крестьянами. И те и другие отстаивали условия буржуазного экономического развития (не сознавая этого), но первые — такого развития, которое обеспечивает максимальное сохранение помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации. Вторые — интересы такого развития, которое обеспечило бы в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах благосостояния крестьянства, уничтожение помещичьих латифундий, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения. Само собою разумеется, что при втором исходе развитии капитализма и развитии производительных сил

из чужих рук свою землю, без которой он не мог существовать как исправный хозяин-земледелец. Нужда крестьян в отрезанных угодьях была постоянной, а обеспечить себе пользование ими... они могли лишь на время (арендой). Им приходилось поэтому в лучшем случае находиться постоянно под дамокловым мечом лишения безусловно необходимой земли, в худшем — претерпеть это лишение и быстро спускаться по уклону хозяйственного разорения» («Вестник Европы», 1906, № 7, стр. 326—327).

³⁵ В. И. Ленин. Сила и слабость русской революции. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 227.

было бы шире и *быстрее*, чем при помещичьем исходе крестьянской реформы... Борьба крестьянских и помещичьих интересов не была борьбой „народного производства“ или „трудового начала“ против буржуазии (как воображали и воображают наши народники), — она была борьбой за американский тип буржуазного развития против прусского типа буржуазного же развития».³⁶

Но именно помещичий тип, как известно, и одержал верх в 1861 г.

* * *

Крестьянская реформа осуществлялась в обстановке резкого обострения борьбы общественных сил, большого подъема освободительного движения. В советской историографии для определения этой обстановки давно приобрел право гражданства термин «революционная ситуация», исходящий от В. И. Ленина. Выражение «революционная ситуация», в частности в отношении к внутреннему положению, которое сложилось в России в период падения крепостного права, впервые было В. И. Лениным употреблено, и в поистине классической форме понятие это было раскрыто в 1915 г. в статье «Крах II Интернационала».

Несколько ранее, в 1913 г., в статье «Маевка революционного пролетариата» (как и названная выше, данная работа появилась в зарубежной большевистской печати), Ленин, употребляя термины «революционное состояние», «общеполитический кризис», фактически сформулировал главные черты революционной ситуации и условия ее перехода в революцию. Указав на «обостренный гнет», испытываемый громаднейшим большинством населения, Ленин разъяснял, что одно угнетение, «как бы велико оно ни было, не всегда создает революционное положение страны». «Большей частью, — писал В. И. Ленин, — для революции недостаточно того, чтобы *низы не хотели жить*, как прежде. Для нее требуется еще, чтобы *верхи не могли хозяйничать и управлять*, как прежде». При этом ни угнетение низов, ни кризис верхов «не создадут еще революции» — они «создадут лишь гниение страны, — если нет в этой стране революционного класса, способного претворить пассивное состояние гнета в активное состояние возмущения и восстания».³⁷

³⁶ В. И. Ленин. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 216—217.

³⁷ В. И. Ленин. Маевка революционного пролетариата. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 299—301.

В статье «Крах II Интернационала» В. И. Ленин писал: «Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции». И Ленин указал на три главных признака революционной ситуации: 1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис „верхов“, кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы „низы не хотели“, а требуется еще, чтобы „верхи не могли“ жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в „мирную“ эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими „верхами“, к самостоятельному историческому выступлению». Таковы «объективные перемены», без которых, по общему правилу, революция невозможна. Такая ситуация была во все эпохи революций на Западе, а в России в период революции 1905 г. Но «она была также и в 60-х годах прошлого века в Германии, в 1859—1861, в 1879—1880 годах в России, хотя революций в этих случаях не было». Причина последнего заключалась в том, что не хватало субъективного условия перехода революционной ситуации в революцию: способности «революционного класса на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не „упадет“, если его не „уронят“». ³⁸

Однако задолго до 1913—1915 гг. В. И. Ленин, освещая историческую обстановку периода падения крепостного права в России, сумел показать, что она характеризовалась такими особенностями, которые свойственны периодам общенационального политического кризиса, периодам революционной ситуации.

Особенно полно это выражено в статье В. И. Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма», опубликованной в 1901 г. в революционном марксистском журнале «Заря», издававшемся за границей редакцией ленинской «Искры». Правда, в этой работе по самому характеру поставленных себе автором политических задач не могло быть уделено

---

³⁸ В. И. Ленин. Крах II Интернационала. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 218—219.

места вопросу об экономическом положении народных масс, о том «обострении, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов», которое принадлежит к признакам революционной ситуации и которое, бесспорно, было налицо в России в период подготовки и проведения крестьянской реформы.³⁹ Но в ней убедительно показаны и кризис верхов, и возбужденное состояние масс, и направление деятельности тех общественных элементов, которые отставали в происходящей борьбе права и интересы масс, показаны взаимоотношения, складывавшиеся между сталкивавшимися общественными силами.

«Верхи» не могли уже сохранить в «неизмененном виде» свое господство. Они начали это осознать еще к концу Крымской войны. В феврале 1855 г. Николай I, умирая, говорил своему наследнику Александру II, что он хотел оставить ему государство «совершенно спокойное и счастливое» («счастье» он, разумеется, понимал, как мог понимать глава крепостников), но оставляет его в тяжелых обстоятельствах.⁴⁰ Один из видных сановников тех лет князь Д. А. Оболенский, близкий к великой княгине Елене Павловне, в своих воспоминаниях, ей посвященных и изданных через много лет после смерти автора, писал об интересующем нас времени: «Все высшие представители власти пришли в какое-то оцепенение... Общее негодование на прежнее царствование за всю обнаружившуюся неурядицу во всех отраслях управления проникло во все слои общества, и везде слышалось резкое осуждение всего существующего порядка».⁴¹ Ясно ощущалась отсталость страны, связанная с крепостным строем; «мы не можем далее себя обманывать и должны сказать, что мы и слабее и беднее первостепенных держав», — признавал брат царя, великий князь Константин Николаевич.⁴² Резко проявлялся страх перед ростом народного недовольства и нетерпения, перед все более явно выражавшимся стремлением крестьянских масс немедленно сбросить с себя крепостное ярмо. В начале

³⁹ Непрерывно, на протяжении длительного времени — в пору кризиса феодально-крепостнической системы — происходившее усиление эксплуатации крепостного крестьянства помещиками, а потом резкое ухудшение экономического положения народа, особенно в некоторых районах, под влиянием Крымской войны.

⁴⁰ «Ты видишь, в какое время и при каких обстоятельствах я умираю... Тяжело тебе будет» («Северная пчела», 1855, № 41, 23 февраля, стр. 203).

⁴¹ Князь Д. А. Оболенский. Молв воспоминаний о великой княгине Елене Павловне. «Русская старина», 1909, март, стр. 516, 525.

⁴² Письмо к князю А. И. Барятинскому от 24 июня 1857 г.; цит. по: А. Л. Зиссерман. Фельдмаршал князь А. И. Барятинский. «Русский архив», 1889, кн. I, вып. 1, стр. 132.

1859 г. близкая к царскому двору А. Ф. Тютчева (дочь поэта, позднее жена одного из вождей славянофилов Ивана Аксакова) в своем дневнике записывала: «Отношения между народом и так называемым дворянством очень ненадежны, бог знает, что из всего этого может выйти. В воздухе носится как бы предчувствие чего-то рокового».⁴³ Ширились крестьянские волнения. За 1850—1856 гг. учтено более 400 крестьянских выступлений;⁴⁴ особенно острый характер приняли эти выступления во время Крымской войны. А в 1857—1860 гг. число выступлений еще значительно возросло. В 1857 г. имело место около 120 волнений; в 1858 г. их было, по одним данным, более 170, по другим — даже свыше 400; в 1859 г. выступлений было около 180, в 1860 г. — более 200.⁴⁵ На 1858 и главным образом 1859 г. приходится знаменитое «резвенное» движение — яркий показатель антикрепостнического возбуждения массы крестьянства. Симптоматичны слова шефа жандармов в годовом отчете за 1858 г.: «При начале работ (по подготовке крестьянской реформы, — *Ш. Л.*), возложенных на Главный комитет, я твердо надеялся, что в течение двух или трех лет ими можно будет заниматься без всяких затруднений и без успокоительных указов... но ныне обстоятельства другие: терпению [народа] при ожидании есть предел, следовательно, окончанием означенных работ долго медлить невозможно».⁴⁶

Все это наглядно подтверждает ленинские слова о «грозных» для царизма выступлениях крестьян и вынужденном характере реформы. Ленинская концепция была принята на вооружение публицистами и историками большевистского направления задолго до революции 1917 г. Один из них, М. Н. Покровский, писал после 1905 г. об эпохе реформ: «Секира лежала у подножия дерева — и самодержавие наравне с дворянством было заинтересовано в том, чтобы вовремя отвести удар. Современная — неподцензурная — литература не оставляет никакого сомнения в том, что этот мотив — опасение крестьянской революции — не только существовал, но и мог быть аргументирован с достаточной полнотой».⁴⁷

⁴³ А. Ф. Тютчева. При дворе двух императоров. Дневник 1855—1882. М., 1929, стр. 190.

⁴⁴ Крестьянское движение в России в 1850—1856 гг. М., 1962, стр. 13.

⁴⁵ Крестьянское движение в России в 1857—мае 1861 г. М., 1963 (стр. 182, а также Предисловие, Хроника крестьянского движения). Ср.: П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права. Изд. 3-е. М., 1968, стр. 99—100.

⁴⁶ П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права, стр. 108.

⁴⁷ История России в XIX веке. Изд. т-ва бр. А. и Г. Гранат и К^о. № 9, б. г., стр. 75.

Но опасность крестьянской революции особенно дала себя знать не до, а в ближайшие месяцы после объявления крестьянской реформы. Достаточно сказать, что за первые пять месяцев 1861 г. учтено 1340 крестьянских волнений, из которых на март—май, т. е. первые месяцы после манифеста 19 февраля, приходится подавляющее большинство. Число выступлений затем сокращается, но остается еще очень значительным вплоть до 1864 г.: около 500 за июнь—декабрь 1861 г., почти 850 за 1862 г. и около 500 за 1863 г. (в 1864 г. число волнений падает примерно до 150).⁴⁸ Притом надо вспомнить, что на первые послереформенные месяцы приходится такие острые и бурные выступления крестьян, как безднинское и кандеевское.

Это делает совершенно понятным, что в перечне фактов и явлений, которыми В. И. Ленин в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» характеризует политическую ситуацию в России в период реформы, подчеркнута «возбуждение крестьян, которых „очень часто“ приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови заставлять принять „Положение“ (19 февраля 1861 г., — *Ш. Л.*), обдирающее их, как липку».⁴⁹

Было бы заблуждением делать из всего сказанного вывод, будто В. И. Ленин не видел слабых сторон крестьянского движения, которые в конце концов и обрекли его на поражение.

В то самое время, когда В. И. Ленин работал над «Гонителями земства», им была опубликована в «Искре» статья «Цепное признание». Тогда, озабоченная ростом рабочего движения, близкая к властям газета «Новое время» призвала заняться в охранительных целях рабочим вопросом «подобно тому, как полвека назад правительство взяло в свои руки крестьянский вопрос, руководствуясь мудрым убеждением, что лучше преобразованиями сверху предупредить требование таковых снизу, чем дожидаться последнего». В связи с этим

⁴⁸ Крестьянское движение в России в 1861—1869 гг. М., 1964, стр. 18.

⁴⁹ В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 29. Взятые Лениным в кавычки слова принадлежали участнику революционного движения 60-х годов Л. Ф. Пантелееву, отрывок из воспоминаний которого был опубликован в 1900 г. в посвященном юбилею Н. К. Михайловского сборнике «На славном посту». Пантелеев писал: «Применение „Положений“ постоянно сопровождалось „недо-разумениями“, причем очень часто пускалась в дело военная сила и не обходилось без пролития крови. Одни со страхом, другие с злорадством ждали—что-то будет, когда кончатся два года переходного состояния бывших крепостных» (стр. 315). Пантелеев упустил сказать о «третьих» — о революционерах-демократах, которые с надеждой (с надеждой на общее крестьянское восстание) ждали наступления 1863 г.

Ленин писал: «Глубоко заблуждаются газетные лакеи самодержавия, находя „подобие“ между тогдашним и теперешним требованием преобразований. Крестьяне требовали отмены крепостного права, ничего не имея против царской власти и веря в царя. Рабочие восстановлены прежде всего и больше всего против правительства... Рабочие волнуются тоже „перед волей“, — но это будет воля всего народа, вырывающего политическую свободу у деспотизма».⁵⁰

Пройдет десять лет — наступит «юбилей» крестьянской реформы. И, возвращаясь мыслью к эпохе реформы, В. И. Ленин укажет: «В России в 1861 году народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу. Крестьянские восстания того времени остались одинокими, раздробленными, стихийными „бунтами“, и их легко подавляли».⁵¹ В другой статье, посвященной полувековой годовщине реформы, Ленин писал, что «революционные мысли» об уничтожении помещичьей собственности и полном свержении власти помещиков «не могли не бродить в головах крепостных крестьян», однако «века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже „бунтов“, не освещенных никаким политическим сознанием».⁵²

Но вернемся к вопросу о кризисе верхов.

Кризис верхов выражался не только в их страхе перед народным возмущением и связанном с этим стремлении предотвратить общее восстание крестьянства уступками; он нашел выражение в разногласии, царившей в правящих верхах и в среде господствующего класса — помещиков.

В самом правительстве не было полного единства. С крайними крепостниками, верными и упорными хранителями «традиций» николаевщины, сосуществовали элементы, по определению Н. М. Дружинина,⁵³ более проникательные, каковы, например, братья Николай и Дмитрий Милютинь. Происходили трения между правительством и официальными представителями дворянства — депутатами дворянских губерн-

⁵⁰ В. И. Ленин. Ценное признание. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 79—80.

⁵¹ В. И. Ленин. Пятидесятилетие падения крепостного права, стр. 140.

⁵² В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, стр. 174.

⁵³ История СССР с древнейших времен до наших дней, т. V, М., 1968, стр. 29.

ских комитетов. Различны были по тем или другим пунктам, связанным с реформой и иными вопросами внутренней политики, мнения в среде дворянства, что, между прочим, находило свое отражение и на страницах печати. В наиболее общем виде эти разногласия обычно определялись как расхождение между «крепостниками» и «либералами». В. И. Ленин в своих трудах, начиная уже с книги о «друзьях народа», учил не переоценивать столкновений между этими двумя течениями или тенденциями. Впоследствии он иронически писал о «пресловутой борьбе» крепостников и либералов, которая, как он отмечал, была раздута и разукрашена либеральными и либерально-народническими историками. Ленин подчеркивал, что это было «борьбой *внутри* господствующих классов, большей частью *внутри помещиков*, борьбой *исключительно* из-за меры и формы уступок».⁵⁴ Подобно крепостникам, либералы, по словам Ленина, с негодованием осуждали всякие революционные мысли об уничтожении собственности помещиков и о полном свержении помещичьей власти. Это не значит, что В. И. Ленин, по отношению ли к периоду реформы либо к пореформенной эпохе, не признавал вообще различия между крепостниками и либералами — нет, Ленин видел три общественные силы: крепостников, либерально-монархический центр, демократию (впоследствии разделившуюся на крестьянскую и пролетарскую).⁵⁵

В неоднократно уже цитировавшейся выше замечательной работе «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция» Ленин писал: «Либералы хотели „освободить“ Россию „сверху“, не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков, побуждая их только к „уступкам“ духу времени. Либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способ-

---

⁵⁴ В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, стр. 174. Можно отметить, что в общем духе ленинской концепции писали другие большевики, ученики Ленина. Представляет, например, интерес статья М. С. Ольминского «Перед реформой», автор которой писал, что борьба шла «не столько между сословиями, сколько внутри сословия», внутри «правлящего класса», что правительство «не висело в воздухе», не было «внеклассовым», а было «организацией самого сильного класса». Говоря об обострении «раскола» внутри этого класса перед реформой, Ольминский высказывал мысль, что «к моменту осуществления реформы состоялось соглашение, укрепившее организацию класса» («Образование», 1908, № 6, стр. 69—70).

⁵⁵ Ряд верных соображений по этому вопросу высказан в книге Я. И. Линкова «Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и „Земля и воля“ 1860-х годов» (М., 1964, стр. 33—35).

ного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков. Либералы ограничиваются поэтому „борьбой за реформы“, „борьбой за права“, т. е. долежом власти между крепостниками и буржуазией». ⁵⁶

При всем том расхождении, споры, конфликты в правительственной и привилегированной общественной среде, замешательство, опасения, мысли о неизбежности уступок и борьба вокруг их характера и объема — все это, выражая кризис верхов, не могло не отразиться на развитии событий. И Ленин внимательно останавливался на этом при освещении революционной ситуации конца 50-х и начала 60-х годов. В даваемом им перечне событий, характерных для тогдашней обстановки, В. И. Ленин отводит место такому фактору, как «требование политических реформ всей печатью и всем дворянством», а также коллективным отказам дворян — мировых посредников — применять то «Положение» о крестьянах, которое было утверждено 19 февраля. ⁵⁷ В тех же «Гонителях земства» Ленин говорит и более прямо об обнаруженном тогда дворянством — самым сплоченным и образованным и наиболее привыкшим к политической власти классом — стремлении «ограничить самодержавную власть посредством представительных учреждений». ⁵⁸

Этот же перечень содержит еще две группы явлений, отражающих ту историческую обстановку, при которой, как считал Ленин, «самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной». ⁵⁹

Одна из этих групп — обстоятельства международного и полумеждународного характера, другая — круг явлений и событий, относящихся к истории демократического лагеря России в описываемое время.

---

⁵⁶ В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, стр. 175.

⁵⁷ В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 29. Здесь, как известно, имелись в виду действия 13 либеральных мировых посредников Тверской губернии, вызвавшие преследование со стороны правительства Александра II.

⁵⁸ В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 26. «Конституционные» стремления, довольно широко на определенном этапе распространенные, имели два, заметно отличные, оттенка — либерально-конституционный и «олигархический», присущий некоторым озлобленным даже и на проведенное правительством антинародное «освобождение» крайним дворянско-крепостническим кругам. Часть либералов, как К. Д. Кавелин, была настроена против конституции.

⁵⁹ В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 30.

В. И. Ленин даже начинал свой перечень указанием на «оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии». Известно, действительно, что революционная ситуация в России развертывалась на фоне подъема рабочего и буржуазно-демократического движения в международном масштабе, на фоне широкого размаха национально-освободительных движений. В старой литературе можно встретить по этому поводу слова о целой могучей всемирно-исторической волне. Тут и война против рабства в Северной Америке, и борьба за освобождение и объединение Италии, и борьба венгерского народа, и внутренняя борьба в Пруссии, во Франции и т. д., а вместе с тем оживление и подъем движения рабочего класса в Западной Европе, предвещавшие такое великое историческое событие, как возникновение I Интернационала. Передовые силы в России живо откликались на прогрессивные и демократические движения в мире. В воззвании, выпущенном тайным обществом «Земля и воля» в начале 1863 г. в связи с польским восстанием, говорилось, что от революционных идей «не загородиться ничем, они господствуют в настоящее время по всей Европе, народы которой находятся теперь в таком напряженном состоянии и до того сильно почувствовали гнет деспотизма, что малейший толчок произведет между ними общее революционное движение, которое разрушит все основания, поддерживающие деспотизм».⁶⁰ Приблизительно за год до того один из руководящих деятелей тогдашнего русского революционного движения Михаил Бакунин, обращаясь к герою освободительной борьбы итальянского народа Гарибальди, писал об усилиях, прилагаемых к тому, чтобы ускорить наступление русской революции и соединить ее с «движением живых народов Европы».⁶¹

Указывая на влияние, которое оказывали на положение в России общее демократическое оживление в Европе, недовольство и брожение в находившихся под царским гнетом Финляндии и Польше, В. И. Ленин устанавливал вполне реальные обстоятельства, способствовавшие складыванию русской революционной ситуации, и связывал события в России с общим освободительным потоком.⁶²

Разумеется, особо тесно и неразрывно судьбы демократи-

---

⁶⁰ Восстание 1863 года. Материалы и документы. Русско-польские революционные связи, II. М., 1963, стр. 78.

⁶¹ Мих. Лемке. Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908, стр. 86.

⁶² См. статью М. В. Нечкиной «Революционная ситуация в России в исходе 1850-х—начале 1860-х годов» в сборнике «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» (М., 1960, стр. 3—4).

ческого движения в России оказались связаны с волнениями и затем открытым восстанием в Польше, Литве и Белоруссии; эти события по существу стали важным составным элементом революционного кризиса в России.

Остается сказать о второй из упомянутых групп явлений. Они у Ленина определены так: «...распространение по всей России „Колокола“, могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров, появление прокламаций», а также «студенческие беспорядки».⁶³ «Колокол», проповедь Чернышевского, прокламации — это непосредственные и важнейшие элементы деятельности революционно-демократических кругов в период падения крепостного права. Студенческие волнения, хотя и возникшие (если не считать событий в Казани в апреле 1861 г.) по внешности на почве как бы университетских вопросов, фактически были актами политической борьбы, активным выступлением молодой демократической (частью и леволиберальной) интеллигенции против реакции, своеобразным проявлением солидарности с обманутым правительством народом. Недаром писал Н. И. Пирогов в начале 1862 г., что учебные заведения могут «служить правительству барометрами, указывающими большее или меньшее давление воздуха».⁶⁴

К другим проявлениям демократического брожения, революционного движения в среде интеллигенции в описываемый период можно было бы добавить различные формы демократической и революционной активности передовых кругов офицерства, которые стали предметом особенно широкого и тщательного изучения в сравнительно недавние годы (труды В. А. Дьякова, И. С. Миллера и других советских ученых).⁶⁵

Появление прокламаций далеко не случайно также фигурирует в ленинском перечне. Это явление чрезвычайно характерно для революционной ситуации периода реформы: в литературе возник даже термин «эпоха прокламаций».⁶⁶ В «Гонителях земства» В. И. Ленин упоминает прокламацию «Моло-

---

⁶³ В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 29, 30.

⁶⁴ Н. И. Пирогов, Соч., т. I, Киев, 1910, стлб. 699.

⁶⁵ «Молодое офицерство являлось многозначительным подспорьем надеждам революционной партии», — писал один из деятелей 60-х годов Н. И. Утин в статье «Пропаганда и организация», опубликованной в 1868 г. в женевском издании «Народное дело» (№ 2—3).

⁶⁶ Н. В. Шелгунов, Л. П. Шелгунова, М. Л. Михайлов. Воспоминания в двух томах, т. I. Воспоминания Н. В. Шелгунова, М., 1967, стр. 242. Гораздо раньше еще об «эпохе прокламаций» писал, например, А. М. Скабичевский в книге «Очерк развития прогрессивных идей в нашем обществе» (СПб., 1872, стр. 320).

дая Россия» (П. Г. Заичневского, 1862 г.), объявлявшую «кровавую борьбу всему современному строю» и оправдывавшую «всякие средства». ⁶⁷ Выдающийся историографический интерес представляет то, что дано в «Гонителях земства» о листовках (некоторые историки рассматривают их как периодическое издание) «Великорусс». Значение этого подчеркивается еще теми спорами и разногласиями, которые не раз возникали вокруг «Великорусса». Ряд историков — не только дореволюционных, но и советских — рассматривали «Великорусс» в качестве выражения взглядов и тактики «умеренной» либерально-конституционалистской оппозиции. ⁶⁸ Содержание «Великорусса» не подтверждает подобной оценки, опровергает ее. Предпочтение республиканской формы правления, соображения о несовместимости конституции и законности с династией Романовых, недоверие к октроированной конституции и выдвижение по существу лозунга учредительного собрания, требование права на самоопределение наций — полное освобождения Польши и предоставления «поселению южной Руси» «полной свободы располагать своею судьбою», призыв организовать и дисциплинировать движение, создавая на местах конспиративные комитеты и т. д., вся вообще установка «Великорусса» на преодоление либеральных иллюзий не могут не говорить против зачисления «Великорусса» по «ведомству» либерализма, хотя бы даже в наиболее «левых» его оттенках. ⁶⁹ Никак не могут также говорить о либеральном происхождении и характере «Великорусса» стремления его авторов использовать в возможно большей степени недовольство «об-

⁶⁷ В. И. Ленин, Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 29. Ленин внес свои изменения в характеристику содержания «Молодой России», которую давал Пантелеев, отбросив, между прочим, слова мемуариста о том, что, согласно воззванию, «от современного общества не должно было остаться камня на камне». Следует сказать, что попытки отдельных историков усмотреть в самом упоминании «Молодой России» показатель какой-то особо благожелательной ее оценки Лениным не имеют, на наш взгляд, почвы под собой.

⁶⁸ Впрочем, не у одних историков была заметна эта тенденция. Так, современник В. Н. Лид в своих воспоминаниях утверждал, что в «Великоруссе» «излагалась программа тогдашних либералов» (В. Н. Лид. Воспоминания о моей жизни. «Русская мысль», 1911, № 7, стр. 124).

⁶⁹ Еще в 1929 г., возражая Ю. М. Стеклову, не допускавшему частности Чернышевского к «Великоруссу» и видевшему в нем начальную формулировку либеральных стремлений, а аграрные требования его приравнивавшему к позднейшей «кадетской» программе, известный исследователь творчества Чернышевского П. А. Алексеев писал: «Ни в 60-х годах, ни в кадетские времена либералы не выставляли требования созыва учредительного собрания, выпода русских войск из Польши, свободы самоопределения для Украины, чего хотели „великоруссы“» («Каторга и ссылка», 1929, № 4 (53), стр. 197).

разованных классов» для успеха освободительной борьбы. Такие стремления отнюдь не были чужды революционно-демократическим кругам во главе с Чернышевским, прямая причастность которого к «Великоруссу» представляется нам правдоподобной.

Материал о «Великоруссе», содержащийся в работе «Гонители земства и Аннибалы либерализма», свидетельствует о том, что В. И. Ленин безусловно не отделял «Великорусс» от революционного лагеря начала 60-х годов. В «Гонителях земства» В. И. Ленин, как известно, приводит пространную цитату из вышедшей в 1862 г. за рубежом брошюры одного из видных славянофилов, близкого по ряду политических вопросов к тогдашним либералам, А. И. Кошелева — «Конституция, самодержавие и Земская дума». Кошелев предупреждал «государственных людей» об «опасности», что может возникнуть «согласие между крестьянами и мещанами, к которым присоединятся молодые и немолодые люди, сочинители и приверженцы „Великорусса“, „Молодой России“ и пр. Такое согласие, все уничтожающее и проповедающее равенство не перед законом, а вопреки ему, не народную, историческую общину, а болезненное ее исчадие, и власть не разума, которую так боятся некоторые государственные дельцы, а власть грубой силы, к которой они сами так охотно прибегают, такое согласие... у нас гораздо возможнее, и оно может быть гораздо сильнее, чем умеренная, благомыслящая и самостоятельная оппозиция правительству, которая так противна нашим бюрократам и которую они всячески теснят и стараются удушить». Признавая позицию либералов, вроде Кошелева (или Кавелина), трусливой и неразумной, Ленин писал: «Вместо того, чтобы поддерживать „согласие мещан и крестьян с приверженцами *«Великорусса»*», они боялись этого „согласия“ и стращали им правительство... Пока серьезно грозило „согласие мещан и крестьян“ с революционерами, само министерство внутренних дел бормотало о „школе представительных учреждений“, а когда „бестактные и самоуверенные“ свистуны и „задиры“ были удалены, — „школяров“ без церемонии взяли в ежовые рукавицы».⁷⁰

⁷⁰ В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 31—32, 36. «Школярами» Ленин называет либералов в связи с разговорами о земстве как «школе представительных учреждений». «Бестактные и самоуверенные», «задиры» — слова о Чернышевском из письма К. Д. Кавелина к А. И. Герцену, написанного после ареста в июле 1862 г. Чернышевского, который, по словам Кавелина, не казался ему «возмутительным». Ленин располагал немецким переводом переписки Кавелина и Тургенева с Герценом и сделал обратный пере-

Этот текст показывает, что В. И. Ленин рассматривал немощно создателей и сторонников «Великорусса» как революционеров, а либералов — славянофильского ли или западнического уклона — как противников «Великорусса», страшившихся возможного сближения, соединения («согласия») народа с такими людьми, как «великоруссы». ⁷¹

Об интересе В. И. Ленина говорят еще его пометки на книгах Ю. М. Стеклова и Г. В. Плеханова, посвященных Н. Г. Чернышевскому и вышедших в свет в 1909 г. В книге Стеклова, отмечавшего близость многих мыслей «Великорусса» ко взглядам Чернышевского, но одновременно выражавшего тем не менее сильное сомнение в том, что Чернышевский был одним из авторов его, Ленин подчеркнул первые строки соответствующего абзаца Стеклова, причем слово «Великорусс» четырежды подчеркнул. ⁷² В книге Плеханова Лениным подчеркнуто было то место, где автор выражал согласие с мемуаристом, участником движения 60-х годов С. Г. Стахевичем, считавшим, что Н. Г. Чернышевский был «или автором, или соавтором» листков «Великорусс». Своим языком и содержанием, как полагал Плеханов, «Великорусс» «очень напоминает публицистические» (эти три слова подчеркнуты Лениным) статьи Чернышевского. ⁷³

вод с немецкого на русский язык (там же, стр. 33). В подлинном тексте письма Кавелина фраза звучит: «Чернышевского я очень, очень люблю, но такого брульона, бестактного и самонадеянного человека я никогда еще не видал. И было бы за что погибать!» (Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену, с объяснительными примечаниями М. Драгоманова. Женева, 1892, стр. 82). Слово «брульон» В. И. Ленин перевел как задира, сварливый, неуживчивый человек, сеющий раздоры (Гонители земства и Анябалы либерализма, стр. 32). Оценивая позицию Кавелина, нашедшую выражение в письме его к Герцену, Ленин писал: «Вот образец профессорски-лакейского глубокомыслия! Виноваты во всем эти революционеры, которые так самоуверенны, что осмиваются (от «Свистка» — сатирического приложения к «Современнику», — Ш. Л.) фразерствующих либералов, так зазорны, что тайно и явно работают против правительства, так бестактны, что попадают в Петропавловку» (там же, стр. 33; Чернышевский был заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости).

⁷¹ «Великоруссу» в самое недавнее время посвящено специальное исследование Н. Н. Новиковой «Революционеры 1861 года. „Великорусс“ и его комитет в революционной борьбе 1861 г.» (М., 1968). Несколько ранее появилась работа И. С. Миллера «Вокруг „Великорусса“ (Некоторые вопросы стратегии, организации и тактики русской революционной партии начала 60-х годов XIX в.) в сборнике «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» (М., 1965).

⁷² «Литературное наследство», т. 67. Революционные демократы. Новые материалы. М., 1959, стр. 53.

⁷³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 536. Плеханов добавлял: «И если Чернышевский в самом деле был его автором, то этим,

Непосредственным поводом к написанию работы «Гонители земства и Аннибалы либерализма» было появление в 1901 г. в печати, при посредстве «Зари», книги «Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка министра финансов С. Ю. Витте» с предисловием П. Б. Струве, против которого в целом в первую очередь и была направлена ленинская статья. Материалы, содержавшиеся в самой «Записке» Витте, послужили В. И. Ленину одним из многочисленных, им использованных, источников фактических сведений по политической истории России новейшего времени. При этом Ленин указывал, что «казенный, чиновнический взгляд на общественные явления», присущий «Записке», выразился, между прочим, в игнорировании революционного движения, «в затушевывании тех драконовских мер репрессии, которыми правительство защищалось от натиска революционной „партии“». Взяв в кавычки слово «партии», В. И. Ленин пояснял: «Правда, на наш современный взгляд кажется странным говорить о революционной „партии“ и ее натиске в начале 60-х годов. Сорокалетний исторический опыт (Ленин считал время между 1861 и 1901 гг., — Ш. Л.) сильно повысил нашу требовательность насчет того, что можно назвать революционным движением и революционным натиском. Но не надо забывать, что в то время, после тридцатилетия николаевского режима, никто не мог еще предвидеть дальнейшего хода событий, никто не мог определить действительной силы сопротивления у правительства, действительной силы народного возмущения».⁷⁴ И Ленин дальше пишет о «революционном возбуждении 1861—1862 гг.», о «волне общественного возбуждения и революционного натиска», о «волне революционного прибоя».⁷⁵ Известно, что шестидесятники склонны были сами говорить о революционной партии — и деятели самого революционного движения, и противники последнего. Так, Кавелин в упоминавшемся выше письме к Герцену 1862 г. говорил в связи с репрессиями: «Это война: кто кого одолеет. Революционная партия считает все средства хорошими, чтоб сбросить правительство, а оно защищается своими средствами».⁷⁶ С другой

конечно, и объясняется то обстоятельство, что „Великорусс“ был гораздо умнее и тактичнее других подобных ему „листочков“ того времени» (Г. В. Плеханов. Н. Г. Чернышевский. СПб., 1910 [1909], стр. 62; то же: Г. В. Плеханов, Соч., т. V, М., 1924).

⁷⁴ В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 28—29.

⁷⁵ Там же, стр. 29, 33, 45.

⁷⁶ Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену, стр. 82.

стороны, например, Н. И. Утин в своей статье «Пропаганда и организация» в № 2—3 женевского «Народного дела» 1868 г. говорит тоже о «революционной партии», ее «первых шагах», первых проявлениях и т. д., а позднее, на основании, как можно быть уверенным, данных именно Утина, в известном издании I Интернационала «Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих» (1873) была речь опять-таки о революционной партии в России и Чернышевском как ее главе (она фигурирует там и как «радикальная партия»).⁷⁷ Впрочем, в «Народном деле» Утин и оговаривался, что в общей сложности и «при строгом разборе», сравнительно с массой, остававшейся в стороне от «действенного союза», революционеров было немного.

Сейчас можно смело сказать, что первой серьезной попыткой создать организованную партию было сформировавшееся на протяжении 1861—1862 гг. тайное общество «Земля и воля»; ему предшествовали обычно мало между собою связанные группы и кружки, соединение которых в одну организацию и было ближайшей целью при основании «Земли и воли». Именно о 60-х годах Ленин писал как о времени, когда «даже мысли не возникало о существовании революционной партии».⁷⁸ Возвращаясь к характеристике 60-х годов в статьях, связанных с 50-летием крестьянской реформы, В. И. Ленин высоко оценивал подвиг революционеров той эпохи. «...были и тогда уже, — писал Ленин, — в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой „крестьянской реформы“, весь ее крепостнический характер. Во главе этих, крайне немногочисленных тогда, революционеров стоял Н. Г. Чернышевский». От имени революционной социал-демократии в противовес утверждениям всех противников революции В. И. Ленин выдвигает положение: «...революционеры играли величайшую историческую роль в общественной борьбе и во всех социальных кризисах *даже тогда*, когда эти кризисы непосредственно вели только к половинчатым реформам. Революционеры — вожди тех общественных сил, которые творят все преобразования; реформы — побочный продукт революционной борьбы». Прилагая это общее положение к эпохе падения крепостного права и первой революционной ситуации, В. И. Ленин заявлял: «Революционеры 61-го года остались одиночками и потерпели, по-видимому, полное поражение».

⁷⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 432, 433.

⁷⁸ В. И. Ленин. Предисловие к брошюре «Докладная записка директора департамента полиции Лопухина». Полн. собр. соч., т. 9, стр. 332.

ние. На деле именно они были великими деятелями той эпохи, и, чем дальше мы отходим от нее, тем яснее нам их величие, тем очевиднее мизерность, убожество тогдашних либеральных реформистов».⁷⁹

Представляется немаловажным вопрос о датировке первой в России революционной ситуации. Мы процитировали выше слова В. И. Ленина из статьи «Крах II Интернационала» о революционной ситуации 1859—1861 гг. Весьма часто в нашей советской литературе именно этими датами и определяется время революционной ситуации. Эти даты значатся и на титульных листах известных сборников, выпускаемых Институтом истории Академии наук СССР под редакцией М. В. Нечкиной, — сборников, на страницах которых (их пока вышло четыре) уже опубликован богатейший материал, освещающий разные стороны проблемы. Любопытно, однако, что на оборотах титульных листов сообщается, что сборники подготовлены Группой по изучению революционной ситуации в России «в конце 1850-х—начале 1860-х годов» Института истории АН СССР. Думается, что вторая формулировка предпочтительнее. Есть достаточно оснований предполагать, что В. И. Ленин, называя в качестве дат первой и второй революционных ситуаций 1859—1861 и 1879—1880 гг., имел в виду указать примерные даты. Достаточно сказать, что в том перечне фактов, который дан был Лениным в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма» для характеристики политического кризиса в период реформы, упоминаются события и явления, выходящие за рамки 1859—1861 гг. В одном из примечаний в первой главе статьи, ссылаясь на воспоминания Л. Ф. Пантелеева, В. И. Ленин прямо указывал, что в «этой статейке (Пантелеева, — *Ш. Л.*) сгруппированы некоторые очень интересные факты о революционном возбуждении 1861—1862 гг. и полицейской реакции».⁸⁰ В той же статье говорится о натиске революционной партии «в начале 60-х годов».⁸¹ В опубликованной в газете «Правда» в августе 1912 г. статье В. И. Ленина «Карьера» «первый демократический подъем» датирован также в общей форме: он приурочен к «началу 60-х годов XIX века».⁸²

⁷⁹ В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, стр. 174, 179.

⁸⁰ В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 29.

⁸¹ Там же, стр. 28.

⁸² В. И. Ленин. Карьера. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 44. Второй демократический подъем датирован в той же статье концом 70-х годов XIX в.

Совокупность фактов, относящихся к истории России эпохи падения крепостного права, говорит о том, что признаки надвигающейся революционной ситуации обнаружались около времени конца Крымской войны и, частью, даже несколько раньше (упорные крестьянские волнения, явно направленные против крепостного строя как такового, усиливающиеся критическое настроение и возбуждение в широких общественных кругах, постепенно нарастающая растерянность в правительственной среде). В конце 1857 г. царизм увидел себя вынужденным открыто объявить о приступе к крестьянской реформе. В том же году стал выходить герценовский «Колокол» (до того, в 1855 г., была основана Герценом «Полярная звезда»). «Могучая проповедь» Чернышевского шла, нарастая, с середины 50-х годов. События принимали такой оборот, что в октябре 1858 г. Маркс в письме к Энгельсу заговорил о *начале революции* в России (поводом для такого заключения явился предстоящий съезд дворянских выборных, который Маркс назвал созывом «нотаблей»). К 1859 г. можно отнести обострение кризиса (новые черты в крестьянском движении, конфликт между правительством и депутатами губернских дворянских комитетов и т. д.). В декабре 1859 г. Маркс, снова обращаясь в переписке с Энгельсом к русским делам, писал, что в России «движение развивается быстрее, чем во всей остальной Европе», и пояснял, что он имеет в виду «конституционное движение дворянства против царя» и «движение крестьян против дворянства»; он отмечал также осложнение польского вопроса. «В следующей революции Россия любезно примет участие», — заключал свои мысли Маркс.⁸³ Знаменательно, что В. И. Ленин, конспектируя переписку Маркса и Энгельса, обратил большое внимание на соображения, высказанные Марксом в обоих письмах. Мысль второго письма Ленин резюмировал словами: «Конституционное и крестьянское движение в России — его успех и важность (1859—1860)».⁸⁴

К 1861 г. бесспорно относится «вершина» общенационального политического кризиса. Однако в 1862 г., особенно в первой его половине, политическое напряжение оставалось очень значительным. Во второй половине 1862 г. и в 1863 г. наблюдается нисходящий — в целом — этап политического кризиса, но такие обстоятельства, как крупные еще крестьянские волнения (более 1300 волнений за два года), деятельность рево-

⁸³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 29, стр. 295, 425.

⁸⁴ В. И. Ленин. Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.». Изд. 2-е. М., 1968, стр. 44, 52.

люционного общества «Земля и воля», вспыхнувшее в начале 1863 г. восстание в Польше, а также в Литве и Белоруссии, свидетельствовали о серьезности положения. С другой стороны, налицо были признаки изживания «кризиса верхов», да и революционное движение несло крайне тяжелые потери, а надежды революционного лагеря на новый большой подъем крестьянского движения, могущий вылиться во всеобщее восстание, явным образом не оправдались. Не без основания уже в марте 1863 г. общественный деятель славянофильского круга (также и один из деятелей реформы 1861 г.) князь В. А. Черкасский писал другому видному славянофилу (тоже участнику реформы) Ю. Ф. Самарину после своего посещения Москвы и Петербурга, что «самая опасная часть кризиса уже миновала», что в правящей среде уже нет «прежней явной междоусобицы», что для России «настала если не минута умиротворения... то по крайней мере минута общего почти отдыха, перемирие».⁸⁵

Если 1861 год — высшая точка революционной ситуации, то к 1863 г. (хотя продолжалось польское восстание) в результате неосознанности крестьянской массы и неорганизованности, распыленности крестьянского движения, недостаточной силы движения революционной интеллигенции, измены значительной части либералов оппозиционному движению и их соглашательству с крепостниками, она (революционная ситуация) исчерпала себя.

* * *

Нам выше пришлось попутно отметить общеизвестный факт, что с 60-ми годами связан коренной поворот (точнее — один из коренных поворотов) в ходе освободительного движения в России, именно вступление этого движения в «разночинский» этап.

Наступление нового этапа угадывалось современниками и постепенно прояснялось для наиболее чутких из них. В. И. Ленин в своей классической формулировке о смене трех главных этапов русского освободительного движения — дворянского, разночинского (или буржуазно-демократического), пролетарского — соотносил эту смену с тем, какие *классы* один вслед за другим налагали свою печать на движение.⁸⁶

Для передовых людей 60-х годов вопрос нередко в значительной степени сводился еще к конфликту поколений,

---

⁸⁵ Кн. О. Трубедкая. Кн. В. А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса. Материалы для биографа, т. I, кн. 2. М., 1904, стр. 432—433.

⁸⁶ В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 93.

в частности литературных поколений 40-х и 60-х годов, «отцов» и «детей», а социальная подкладка явления в большей или меньшей мере оставалась в тени. Примером может служить некролог Добролюбова, опубликованный в «Современнике» И. И. Панаевым в конце 1861 г. «Поколение» 40-х годов характеризовалось как такое, которое «ощутило действительную потребность лучшей, высшей жизни и стремилось к ней с юношескою горячностью, страстно, тревожно, но сущью — то расплываясь в романтизме, то ища точки опоры в немецкой философии, то увлекаясь социальными идеями Леру и Жорж Санда», — словом, как поколение Лаврецких и Рудиных. Добролюбов (конечно, с полным основанием) представлен виднейшим деятелем нового литературного поколения — «с горячею верою в будущее», «с твердыми убеждениями и с смелым словом», «с ровным и твердым шагом», с ясным сознанием того, «куда он ведет».⁸⁷

Вместе с тем появляются и в личной переписке, и в печати определения, выраженные в сравнительно более ясных терминах, с более определенным и четким социально-политическим содержанием. Мы с этим встречаемся, например, у позднего Герцена, у Огарева, у Щапова. Так, в 1863 г. Герцен в «Колоколе» (в статье «1831—1863») говорил о «новом кряже людей», который восстал «внизу» и исподволь, еще при Николае I, вводил «свои новые элементы в умственную жизнь России». «Отщепенцы всех сословий, — писал Герцен, — эти *новые люди*, эти нравственные разночинцы составляли не сословие, а *среду*, в которой на первом плане были учителя и литераторы, литераторы-работники, а не дилетанты, студенты, окончившие и не окончившие курс, чиновники из университетских и из семинаристов, мелкое дворянство, обер-офицерские дети, офицеры, выпущенные из корпусов, и проч. Новые люди, маленькие люди, они были не так заметны и нравственно столько же свободнее прежних, сколько связаннее материально. . . Аристократическая Россия отступала на второй план, ее голос стал слабеть. . . Другая сила шла на смену».⁸⁸ Герцен, один из лучших представителей дворянского периода освобожденного движения, пришедший к революционно-демократическим позициям, все яснее сознавая значение разночинца, не мог вполне сойтись и «поладить» с большинством представи-

⁸⁷ [И. И. Панаев]. Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта. По поводу похорон Н. А. Добролюбова. «Современник», 1861, ноябрь, стр. 70—73.

⁸⁸ А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. XVII, М., 1959, стр. 101—102.

телей разночинской революционной среды, с которыми его столкнула судьба в эмиграции. Это лучше удавалось Михаилу Бакунину, которому принадлежит ряд восторженных отзывов и оценок молодых революционеров-разночинцев — «пионеров новой правды и новой жизни», которые пришли из «дворянства, чиновничества, духовенства, купечества, мещанства, крестьянства».⁸⁹

«Отечественные записки» 70-х и начала 80-х годов, как и журнал «Дело», не раз касались вопроса о роли разночинца. «Разночинец пришел», — писал в «Отечественных записках» 1874 г. Н. К. Михайловский, называя это событием «высокой важности», составившим «эпоху в русской литературе».⁹⁰

Вполне естественно, что проблема разночинца привлекала к себе раннюю русскую марксистскую мысль — сначала в лице Г. В. Плеханова. Он, например, в статье 1893 г. «О социальной демократии в России» говорил о движении 70-х годов как движении преимущественно разночинцев — «первого общественного слоя, всколыхнувшегося под влиянием глубокого социального переворота, пережитого Россией в предшествовавшее десятилетие»⁹¹ (до того он довольно подробно говорил о разночинцах в статье о Глебе Успенском). Во введении к его немецкой книге о Чернышевском (1894) разночинец назван Плехановым вестником новой России, провозгласившим войну старому порядку.⁹² Здесь Плеханов завершением периода руководящей роли разночинца объявлял конец 70-х годов, видимо, считая 80-е годы уже переходными, поскольку тогда все громче заявлял о себе на общественной арене рабочий класс.

На протяжении примерно четверти века (с 1894—1895 до 1917 г.) В. И. Ленин в ряде статей и выступлений ставит и глубоко решает вопрос о роли и месте разночинца в русской общественной жизни и революционном движении, освещая его под углом зрения всей своей концепции русского освободительного движения, смены основных его фазисов.

Еще в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (опубликована в 1895 г.), разъясняя вопрос о прогрессивном значении развития капита-

---

⁸⁹ М. Бакунин. Русским, польским и всем славянским друзьям. «Колокол», лл. 122 и 123, от 15 февраля 1862 г., стр. 1024. Ср.: Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПб., 1906, стр. 317. Говоря о дворянах, Бакунину явно имел в виду «отщепенцев», порывающих со своим классом.

⁹⁰ Н. К. Михайловский, Соч., т. II, СПб., 1896, столб. 633.

⁹¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, М., 1923, стр. 25.

⁹² Г. В. Плеханов, Избр. философские произведения, т. IV, М., 1958, стр. 61.

лизма, Ленин указал, что этот экономический процесс отразился в социальной области, между прочим, «вытеснением из „общества“ помещичьего класса разночинцами», и, затронув вторично эту проблему, он писал тут же о пореформенной эпохе как эпохе «окончательного вытеснения дворянина разночинцем». Конечно, речь шла об общественной жизни и общественном движении.⁹³

В 1901 г. во «Внутреннем обозрении» № 2—3 журнала «Заря» В. И. Ленин говорил о студенчестве, о так называемом третьем элементе в земстве — одном из крупных отрядов разночинной интеллигенции. Он отметил, что с половины 90-х годов в официальных правительственных сообщениях встречаются указания на «неизмеримо более многочисленный», чем учащаяся молодежь, класс населения, требующий особой полицейской охраны (чего раньше не было) — на класс фабрично-заводских рабочих. Перед русским пролетариатом, писал Ленин, стоит трудная, но благодарная задача: «раздавить врага, которого не могла осилить многострадальная русская интеллигенция».⁹⁴ Здесь намечена достаточно ясно дата — середина («половина») 90-х годов — смена прежнего этапа новым, где решающая революционная роль переходит к пролетариату.

В 1906 г., критикуя оппортунистическую тактику тогдашнего меньшевистского большинства ЦК РСДРП, В. И. Ленин писал: «Неужели ЦК настолько утратил элементарный революционный инстинкт, что для него неясна разница между дворянской революционностью декабристов, — разночинно-интеллигентской революционностью офицеров народовольцев, — и глубоко демократической, пролетарской и крестьянской, революционностью солдат и матросов в России двадцатого века?».⁹⁵ Отчетливо, таким образом, выражена в статье ленинская схема: дворянские революционеры — декабристы, семидесятники — представители разночинского этапа, третий этап — движение рабочих и крестьян, в котором — что было для Ленина аксиомой — ведущая роль принадлежит пролетариату. Напомним в этой связи слова из знаменитой статьи В. И. Ленина «Памяти Герцена». Говоря о движении «самых

---

⁹³ В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 433, 441. (Курсив наш. — Ш. Л.).

⁹⁴ В. И. Ленин. Внутреннее обозрение. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 305, 335.

⁹⁵ В. И. Ленин. Политический кризис и провал оппортунистической тактики. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 356.

масс», Ленин указывал: «Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян».⁹⁶

В статье «Памяти Герцена» (1912) запечатлена с исключительной рельефностью ленинская концепция трех этапов революционной борьбы: «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен возвратил революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями „Народной воли“. Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. „Молодые штурманы будущей бури“ — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс... Первый натиск бури был в 1905 году».⁹⁷

Дважды в дальнейшем Ленин детально конкретизировал обоснованную им схему. В 1913—1914 гг. появились его статьи «Роль сословий и классов в освободительном движении» и «Из прошлого рабочей печати в России». Во второй из них выделены «три главных этапа», пройденные освободительным движением в России, «соответственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение»: «1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время».⁹⁸ Самыми выдающимися деятелями дворянского периода Ленин называл декабристов и Герцена. «Как декабристы разбудили Герцена, так Герцен и его „Колокол“ помогли пробуждению *разночинцев*, образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству».⁹⁹ Ленин указывал на В. Г. Белинского, как на предшественника полного вытеснения дворян разночинцами

⁹⁶ В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 261.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России, стр. 93.

⁹⁹ Там же, стр. 93—94. Здесь, конечно, отнюдь не по каким-либо принципиальным соображениям, не было упомянуто духовенство, которое, как показывают фактические данные и высказывания ряда писателей, давало большое количество «разночинства» (см., например, у М. Горького в его «Истории русской литературы» (Архив А. М. Горького, т. I. М., 1939, стр. 139)).

в русском освободительном движении еще при крепостном праве.¹⁰⁰

Падение крепостного права, по словам В. И. Ленина, вызвало появление разночинца как главного, массового деятеля «и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности».¹⁰¹

В обеих статьях В. И. Ленин приводит цифровые данные о привлеченных по обвинению в «государственных преступлениях» за несколько хронологических периодов: эпоха 1827—1846 гг. давала дворян 76%, мещан и крестьян 23%,¹⁰² 1884—1890 гг. — соответственно 30.6 и 46.6%; 1901—1903 гг. — 10.7 и 80.9%; 1905—1908 гг. — 9.1 и 87.7%. Духовенства и купечества, согласно тем же данным, было в 1884—1890 гг. 6.4 и 12.1%, в 1901—1903 гг. — 1.6 и 4.1%. «Отсюда ясно видно, — заключал В. И. Ленин, — как быстро демократизировалось освободительное движение в XIX веке и как резко менялся классовый состав его».¹⁰³ 1884—1890 гг. Ленин относил в «эпоху разночинца», «эпоху движения „разночинцев“», раскрывая ее в данном случае как время смешения «буржуазно-либерального и либерально-народнического движения».¹⁰⁴ В. И. Ленин не располагал статистическими сведениями за 60-е годы. Опубликованные в недоступных ему или позднее появившихся источниках данные позволяют восполнить картину. Так, согласно нашим приблизительным подсчетам (более точных не позволяет характер материала), среди примерно 1600 лиц, учтенных словарем деятелей революционного движения за 60-е годы (включая вторую половину 50-х годов), лица, принадлежавшие к дворянскому сословию, составили около 25%.¹⁰⁵ Подсчеты III отделения за 1873—

¹⁰⁰ В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России, стр. 94. Конечно, «полное» вытеснение Ленин понимал в смысле вытеснения с руководящего места, смены гегемона, а не в абсолютном смысле — Ленин сам в своих статьях отмечал заметное участие дворян в движении и на разночинском его этапе. О Белинском учении Ленина В. В. Воровский писал: «История как бы нарочно создала этого крупного человека в тот момент, когда традиционная струя русского культурно-дворянского идеализма начала вливаться в новое русло — русло революционно-разночинской мысли» (В. В. Воровский. Литературно-критические статьи. М., 1956, стр. 142).

¹⁰¹ В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России, стр. 94.

¹⁰² Имеются также данные за 1835—1846 гг., согласно которым дворян было 63% («Петербургский сборник», 1903, стр. 176).

¹⁰³ В. И. Ленин. Роль сословий и классов в освободительном движении. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 397.

¹⁰⁴ Там же, стр. 397, 398.

¹⁰⁵ Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. Т. I. ч. 2. Шестидесятые годы. Сост. А. Шиллов и М. Карнаухова. М., 1928.

1877 г. дают потомственных и личных дворян 26%, выходцев из духовного звания — 19, крестьян (по сословной принадлежности сюда причислялось большинство рабочих) — 13, обер-офицерских детей — 11, мещан — 9% и т. д.¹⁰⁶ Явное и большое преобладание разночинцев до 90-х годов XIX в. — бесспорный факт. И начало такого преобладания — период 60-х годов. В период кануна первой русской революции, как подчеркивалось В. И. Лениным, почти половину всех привлеченных по политическим делам составляли уже рабочие.¹⁰⁷

Заметим еще, что в начале 1917 г., в своем докладе о революции 1905 г., В. И. Ленин снова говорил о том периоде освободительной борьбы в России, когда «во главе» движения находились «интеллигенты из среднего сословия» (т. е. разночинцы), относя это ко времени между выступлением декабристов и 1881 г.¹⁰⁸ Называя последний год, В. И. Ленин, очевидно, хотел подчеркнуть критический момент второго демократического подъема (рубеж 70-х и 80-х годов), после которого роль разночинца постепенно начинает убывать (ср. слова «начиная с Чернышевского и кончая героями „Народной воли“» в статье «Памяти Герцена»).¹⁰⁹

¹⁰⁶ И. И. Сидоров. Статистические сведения о пропагандистах 70-х годов в обработке III отделения. «Каторга и ссылка», 1928, № 1 (38), стр. 41. Подсчеты В. С. Алтонова за 70-е годы, охватывающие гораздо более широкий круг людей (больше 5600 человек против 1954), дают следующее распределение по роду занятий: учащихся — около 3000 (из них подавляющее большинство студентов), рабочих — более 800, крестьян — 314, служащих — около 440, учителей — 433, медицинских работников — около 180 и т. д. (Общественное движение в пореформенной России. М., 1965, стр. 338).

¹⁰⁷ После ленинских статей 1913—1914 гг. появились в печати сведения за период 1910—1914 гг. Среди осужденных в эти годы по политическим делам (более 15 тысяч человек) числилось дворян, выходцев из духовного сословия и почетных граждан — 10%, лиц мещанского сословия — 25, лиц сословия крестьянского — 60% («Право», 1916, № 1, стлб. 66—67).

¹⁰⁸ В. И. Ленин. Доклад о революции 1905 года. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 315.

¹⁰⁹ Заслуживает внимания тот факт, что в историографии и литературоведении либерализм делался попыткой так или иначе преуменьшить значение разночинства, перехода от дворянского к разночинскому этапу. П. Н. Мялюков в статье «Интеллигенция и историческая традиция» писал: «Если в памяти старейших из нас шестидесятые годы представляются какой-то новой эрой, чуть ли не началом существования русской интеллигенции, то это не более, как оптический обман, рассеиваемый ближайшим изучением. С этого времени, правда, значительно расширяется состав и численность либеральных профессий, которые и становятся проводником организованного интеллигентского влияния. Но это... разница не качественная, а только количественная» (Интеллигенция в России. СПб., 1910, стр. 91). Аналогичная тенденция заметна в работе «Канун освобождения» (Игр., 1916)

Одним из крупнейших и наиболее выдающихся представителей русской передовой общественной мысли середины XIX в. был, как известно, А. И. Герцен. С именем Герцена тесно связано движение русской мысли второй четверти XIX столетия, с ним неразрывно связана история русской общественности в 50—60-х годах; влияние его идей проявлялось и на дальнейших этапах развития русского общественного движения и русской общественной мысли, а также всей русской культуры. Обаяния своего его творчество, его личность отнюдь не утратили до наших дней.

В. И. Ленин был, как недавно метко сказал один из советских литераторов и философов, «гениальным читателем Герцена».¹ Он неоднократно обращался к наследию Герцена, высоко оценивал его вклад в историю мысли, в подготовку русской революции. В работе «Что делать?» (1901—1902) Ленин назвал Герцена, вместе с Белинским и Чернышевским, а также блестящей плеядой революционеров 70-х годов, одним из предшественников русской социал-демократии.²

О Герцене сложилась громадная литература, притом не только в самой России.³ Вокруг имени Герцена шла борьба при жизни его. После его смерти (в 1870 г.) о нем писали друзья и враги, писали либералы и народники, охранители и реакционеры. Много писали о Герцене русские марксисты начиная с Г. В. Плеханова, оставившего ряд очень ценных, несмотря

Нестора Котляревского, писавшего: «Либералы, оставаясь дворянами, в своих чувствах и привычках как идеологи и как общественные деятели были открытыми противниками сословного начала в жизни и демократами в принципе. Направление радикальной мысли и радикальной воли также не стоит в такой уж тесной связи с психикой пресловутого „разночинца“... Радикальная группа в общем была, конечно, „разночинная“, всесословная; в ней сливались тенденции, привычки, традиции всевозможных слоев общества — от дворянского до крестьянского» (стр. 37—38).

¹ Мих. Лившиц. Читая Герцена. «Вопросы философии», 1967, № 1, стр. 114.

² В. И. Ленин. Что делать? Полн. собр. соч., т. 6, стр. 25. Говоря обобщенно о плеяде революционеров 70-х годов, В. И. Ленин назвал рядом из числа деятелей предыдущего периода таких его виднейших представителей, как Герцен и Чернышевский. Но это, разумеется, отнюдь не означает, что Ленин не относил к предшественникам социал-демократии в России вообще более или менее широкий круг мужественных революционеров 60-х годов, которые шли за Чернышевским и Герценом.

³ Путеводителем по этой литературе может служить книга М. И. Гиллельсона, Е. Н. Дрыжаковой, М. К. Перкаля «А. И. Герцен. Семинарий» (М.—Л., 1965).

на те или иные спорные или неправильные суждения, исследованных и высказываний о нем. Велика советская литература о Герцене, которому посвящены монографические труды Я. Е. Эльсберга (книга «Герцен. Жизнь и творчество», выдержавшая уже четыре издания), Д. И. Чеснокова («Мировоззрение Герцена»), Л. О. Пипера (книга под таким же названием), И. С. Новича («Духовная драма Герцена»), Я. И. Липкова («Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарева и тайное общество „Земля и воля“ 1860-х годов») и др., ряд работ Б. П. Козьмина, М. В. Нечкиной, И. В. Пороха, В. Е. Иллерицкого, В. А. Путинцева, М. Т. Иовчука, Н. М. Пирумовой и т. д.

Не все, что было опубликовано в советской литературе первых послеоктябрьских десятилетий, и тем более не все, вышедшее из-под пера марксистов до Октября, вполне созвучно воззрениям В. И. Ленина на взгляды и деятельность Герцена. Но многое было уже и тогда более или менее близко к ним. А с течением времени именно глубокие ленинские оценки в нашей литературе одержали полностью верх над односторонними и ошибочными подходами к большой историко-революционной и историко-культурной теме «Герцен».

В одной из самых ранних и в то же время исключительно важных во всей истории марксизма-ленинизма работ «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин заговорил о Герцене, поставив его рядом с Чернышевским, — заговорил в противовес легальным народническим публицистам из «Русского богатства», которые, по словам Ленина, пачкали идеалы «первых русских социалистов». Ленин здесь указывал на связь русской передовой мысли с западной, вспоминая то время, когда «Франция разливала по всей Европе идеи социализма — и когда восприятие этих идей давало в России теории и учения Герцена, Чернышевского».⁴

Незадолго до «Что делать?» была В. И. Лениным написана уже цитированная не раз работа «Гонители земства и Аннибалы либерализма», где тоже в непосредственном соседстве стоят факты, относящиеся к деятельности Герцена и Чернышевского; характеризуя политический кризис конца 50-х и начала 60-х годов, Ленин отмечал как распространение по всей России «Колокола», так и могучую проповедь Чернышевского.⁵

В начале 1903 г. В. И. Ленин прочитал в Париже цикл лекций о марксистских взглядах на аграрный вопрос. Ленин специально останавливался в своих лекциях на понимании

⁴ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч., т. 1, стр. 271.

⁵ В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 29.

аграрного вопроса народничеством. Он говорил о народничестве как «громадной полосе общественной мысли» в России. Это, указывая Ленин, «целое мирозозерцание, начиная от Герцена и кончая Н.—оном». Историческое значение этой полосы он определял тут словами «идеализация борьбы с крепостничеством», на-помяная при этом Марксов термин «Agrarische Demokratie» (аграрная демократия).⁶ Через ряд лет, сопоставляя народничество в Китае и в России, В. И. Ленин писал: «Русская буржуазная демократия окрашена в народнический цвет — начиная с ее далекого и одинокого предтечи, дворянина Герцена, и кончая ее массовыми представителями, членами Крестьянского союза в 1905 году, трудовиками-депутатами трех первых Дум в 1906—1912 годах».⁷ Всего спустя несколько месяцев в известной статье «О народничестве», указывая, подобно тому как он в свое время говорил об этом в лекциях, на весьма давнее происхождение народничества (народничество «очень старо»), Ленин писал, что «родоначальниками» народничества считаются Герцен и Чернышевский.⁸

Две сейчас упомянутые статьи относятся к 1912—началу 1913 г. В 1912 г. на страницах центрального партийного органа «Социал-демократ» появилась эпохального значения ленинская статья «Памяти Герцена».⁹ В апреле 1912 г. исполнилось сто лет со дня рождения А. И. Герцена; эта дата была широко отмечена — и очень по-разному отмечена — различными общественными кругами. Статья Ленина, в которой поставлены корешные проблемы истории русской общественной мысли и революционного движения, одновременно была связана с ленинским пониманием текущих задач рабочего движения в России, она органически связывала прошлое с настоящим, в чем состояла и вообще характерная особенность выступлений Ленина

⁶ В. И. Ленин. Тетради по аграрному вопросу. Соч., изд. 4-е, т. 40, стр. 24.

⁷ В. И. Ленин. Демократия и народничество в Китае. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 401.

⁸ В. И. Ленин. О народничестве. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 304.

⁹ В. И. Ленин. Памяти Герцена. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 255—262. Работе «Памяти Герцена» посвящен ряд статей советских авторов: В. А. Путинцев. Выдающееся произведение марксистско-ленинской теоретической мысли. (О работе В. И. Ленина «Памяти Герцена»). «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. XI, вып. 2, 1952; М. Зельдович. К истории статьи В. И. Ленина «Памяти Герцена». «Вопросы литературы», 1957, № 3; А. И. Володин. Юбилей Герцена 1912 г. и статья В. И. Ленина «Памяти Герцена». «Исторические записки», т. 67, 1960; С. Рейсер. Против кого направлена статья В. И. Ленина «Памяти Герцена». «Русская литература», 1962, № 2; А. Гукасова. Из наблюдений над стилем статьи В. И. Ленина «Памяти Герцена». Там же, 1965, № 1.

по вопросам исторического прошлого, в частности революционного прошлого России. Н. К. Крупская впоследствии вспоминала: «...Ленские события, разразившиеся в половине апреля (по новому стилю, — Ш. Л.), повсеместные стачки протеста ярко выявили, как вырос за эти годы пролетариат, как ничего не забыто им (имелся в виду несомненно опыт революции 1905—1907 гг., — Ш. Л.), выявили, что сейчас уже движение подымается на высшую ступень, что создается уже совсем иная обстановка для работы». «Ильич стал другим, сразу стал гораздо менее нервным, более сосредоточенным, думал больше о задачах, вставших перед русским рабочим движением. Настроение Ильича вылилось, пожалуй, полнее всего в его статье о Герцене, написанной им в начале мая. В этой статье очень много от Ильича, от того ильичевского горячего пафоса, который так увлекал, так захватывал». ¹⁰

Необходимо вместе с тем принять во внимание особое обострение идеологической борьбы в этот период. Еще осенью 1911 г. В. И. Ленин писал о том, что «Россия идет к революционному кризису». ¹¹ Это говорилось в статье «Об избирательной кампании и избирательной платформе», связанной с приближавшимися выборами в IV Государственную думу. Предстоящая выборная кампания повысила актуальность идейной борьбы против либерализма, которой вообще, конечно, Ленин не приостанавливал и не смягчал и раньше. Весьма опасным считал Ленин «смену» буржуазного либерализма с буржуазной демократией, которое, как он указывал в обширной статье в легальной большевистской «Звезде» в декабре 1911—январе 1912 г., посвященной той же избирательной кампании, уже «принесло не мало вреда русскому освободительному движению». ¹² Повторяя отчасти то, что он в свое время подчеркивал в статьях о крестьянской реформе, В. И. Ленин отмечал, что либеральная буржуазия «хочет разделить власть с царем так, чтобы не разрушать до основания их власти, так, чтобы не давать власти народу». «Ненавидя, — писал он в марте 1912 г., — оттесняющее их от власти правительство, помогая разоблачению его, внося колебание и разложение в его ряды, либералы еще неизмеримо более ненавидят революцию, боятся всякой борьбы масс, относятся с еще большими колебаниями и нерешительностью к освободительной борьбе народа, изменнически пере-

¹⁰ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. I. Воспоминания родных. М., 1968, стр. 375.

¹¹ В. И. Ленин. Об избирательной кампании и избирательной платформе. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 360.

¹² В. И. Ленин. Избирательная кампания в IV Государственную думу. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 39.

ходя в решительные моменты на сторону монархии».¹³ Ленин отмечал (и отмечал многократно) «шаг назад», сделанный либеральной буржуазией после первой революции, — *веговство* буржуазии,¹⁴ «ее отречение от демократизма, ее приближение к „партиям порядка“, ее поддержку «попыток старого режима удержаться ценою минимальных „шагов по пути преобразования в буржуазную монархию“».¹⁵

Статья «Памяти Герцена» в полемической своей стороне и была направлена в первую очередь против либерализма (Ленин критиковал также попутно выступления, с одной стороны, правых, а с другой — народников). Статья открывалась словами: «Минуло сто лет со дня рождения Герцена. Чествует его вся либеральная Россия, заботливо обходя серьезные вопросы социализма, тщательно скрывая, чем отличался *революционер* Герцен от либерала».¹⁶ По ходу изложения Ленин в дальнейшем снова подчеркивал, что либералы «подлю и низко клеветят на Герцена», «возвеличивая слабые стороны Герцена и умалчивая о сильных».¹⁷

Освещение вопроса о Герцене в либеральной публицистике и общественной науке имело к тому времени свою длительную историю. Одним из «пионеров» на этом поприще явился в середине 70-х годов Г. Н. Вырубов, философ и социолог-позитивист, лично связанный с Герценом, но далекий ему по духу, либерал по своим воззрениям. Ему принадлежало анонимное предисловие к начавшему в 1875 г. выходить за рубежом изданию «Сочинений» Герцена (Вырубов это издание и редактировал). Указывая, что реакционеры считают Герцена «преступным революционером», а сторонники, как он писал, «западных теорий революции и социализма» — человеком «отсталым» или «недошедшим»,¹⁸ но люди «реформ» почитают его «представителем либеральных идей в России», Вырубов поддерживал именно третье мнение. Он видел в созданной Герценом вольной печати «нечто вроде пятого, в Петербурге не существующего, отделения» собственной его величества канцелярии, занимавшегося якобы «изготовлением и обсуждением проектов

¹³ В. И. Ленин. Избирательная платформа РСДРП. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 181.

¹⁴ Термин, возникший после выхода в 1909 г. сборника «Вехи», который был назван В. И. Лениным «энциклопедией либерального ренегатства».

¹⁵ В. И. Ленин. Принципиальные вопросы избирательной кампании. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 80.

¹⁶ В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 255.

¹⁷ Там же, стр. 261.

¹⁸ Вырубов непосредственно имел в виду нерасположенную к Герцену к концу его жизни часть так называемой молодой эмиграции.

либеральных мер». Вырубов уверял, что Герцен «не дотрагивался до формы правления», которую будто бы «никто не думал менять», и «довольствовался требованием нравственных улучшений, которых все хотели». Свои ложные утверждения Вырубов как бы венчал заявлением, что Герцен представлял современное ему русское общество «без всякого различия сословий».¹⁹ Выступление Вырубова сразу встретило критику в революционно-народническом органе «Вперед» со стороны его редактора П. Л. Лаврова, который оценку Вырубовым Герцена признал «радикально ошибочною почти во всех ее положениях».²⁰

Миная ряд промежуточных звеньев и не задерживаясь на тех либо других оттенках либеральных суждений о Герцене, мы прямо остановимся на систематических попытках либерального искажения герценовского наследия, исходивших от П. Б. Струве, тем более, что как раз Струве был по существу одним из главнейших объектов ленинской критики, ленинских обличений.

«Великий мастер ренегатства», как назвал В. И. Ленин Петра Струве в одной из статей 1908 г.,²¹ бывший «легальный

---

¹⁹ Сочинения А. И. Герцена, с предисловием, т. I, Женева, 1875, стр. VII—XXIII. Впоследствии, в воспоминаниях, цитируя частично свое давнее предисловие, Вырубов заявлял: «Почти 40 лет прошло с того времени, как я писал эти строки: с тех пор я не раз перечитывал творения Герцена и вспоминал подробности моих сношений с ним — и все-таки остался при своем мнении» (Г. Н. Вырубов. Революционные воспоминания (Герцен, Бакунин, Лавров). «Вестник Европы», 1913, № 1, стр. 63).

²⁰ Статья Лаврова, оставшаяся незаконченной, не давала вполне точной, подлинно научной постановки проблемы; видимо, Лавров особенно был озабочен выяснением значения герценовского социализма как предшественника народнического социализма 70-х годов. Все же в ранней литературе о Герцене статья Лаврова принадлежит видное место. Лавров, в частности, отмечал, что «с первых свободных литературных трудов своих он (Герцен. — Ш. Л.) оставил за собой толпу либералов, упивающихся бессодержательными девизами». Герцена, писал Лавров, нельзя считать идеалом «во всех подробностях» его деятельности — «такие идеалы не существуют». Однако «можно спросить: многие ли из современников Герцена сделали столько, сколько сделал он» для уяснения смысла современной ему эпохи, для пробуждения русской мысли и для сообщения ей настоящего взгляда на общественные и исторические задачи, для приготовления почвы к более определенной постановке общественного вопроса? (в последних словах ясным образом ямелся в виду Чернышевский). Лавров признавал общность «традиции Белинского, Герцена, Чернышевского» (П. Л. Лавров, Избр. соч. на социально-политические темы, т. IV, М., 1935, стр. 116—133).

²¹ В. И. Ленин. Оценка Маркса международным либерализмом. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 467.

марксист» 90-х годов,²² потом редактор зарубежного либерального «Освобождения», еще позже правый кадет, один из главных вдохновителей и выразителей «веховства», с самого начала 900-х годов всячески пытался, фальшиво истолковывая наследие Герцена, приспособить его для политических и идеологических целей буржуазного либерализма. Уже в 1903 г. в сборнике статей «Освобождение», демонстративно украшенном снимком с памятника Герцену, Струве «доказывал», что если бы Герцен мог спокойно подвести итоги «своим глубоким думам, своим сильным увлечениям, своим тяжелым разочарованиям», то в виде «твердого, нерушимого остатка» оказалась бы система взглядов, которая по социальному содержанию есть «эволюционный социализм», а по политическому — «последовательный демократизм».²³ Приступив в дни декабрьского вооруженного восстания 1905 г. к изданию журнала «Полярная звезда», в котором, по словам В. И. Ленина, он «усердно» и «успешно» «приближал кадетство к нововременству»,²⁴ Струве в статье «О программе „Полярной звезды“» кощунственно утверждал: «Свое название наш журнал заимствовал у Рылеева и Герцена. Это значит, что мы желаем стать под знамя тех великих революционных и культурных традиций, которые связаны с этими славными именами».²⁵ Уже в «Освобождении» Струве стремился опереться на герценовские Письма «К старому товарищу». В конце 1906 г., выступая с программным докладом об «идейных основах партии народной свободы», Струве хотел убедить публику, что в этом «последнем слове окончательно зрелой мысли великого мыслителя-художника» заключено ... «существо» кадетского мирозерцания, «центральная идея» кадетской партии; он характеризовал Герцена как «великого русского либерала и великого русского социалиста», понимая, конечно, в последнем случае все тот же «эволюционный социализм», представлявшийся

---

²² В то время Струве видел у Герцена «смелое, почти гениальное смешение славянофильства и передовых западных идей» и противопоставлял Герцену Кавелина, который ядси Герцена превратил в «эклетику либерально-народническую кашу» («Новое слово», 1897, апрель, стр. 95).

²³ «Освобождение», кн. I. Издается под ред. Петра Струве, Штутгарт, 1903, стр. 239.

²⁴ В. И. Ленин. Победа кадетов и задачи рабочей партии. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 288. В той же работе Ленин писал: «Случайность [ли] то, что как раз эпоха „лихря“, эпоха революционной самодеятельности народа побудила господина Струве создать образцовый орган реакционного брюзжания: „Полярную звезду“?» (там же, стр. 340).

²⁵ «Полярная звезда», 1905, № 1, 15 декабря, стр. 18.

безвредным и безопасным либеральной буржуазии.²⁶ В герценовские юбилейные дни 1912 г. Струве, в ряду других видных деятелей тогдашнего либерализма, снова пытался обосновать ссылкой на Герцена, на Письма «К старому товарищу» «эволюционную», антиреволюционную позицию, даже найти там, как говорилось в газетных отчетах, «религиозную веру в добро и правду», которая «просветляет и очеловечивает борьбу».²⁷

Шаг за шагом опровергал В. И. Ленин либеральные попытки пристроиться к наследию Герцена, прикрыть авторитетом его имени свою антиреволюционную теорию и практику. В частности, он подчеркивал и то, что именно в Письмах «К старому товарищу» Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к Интернационалу.²⁸ Он указывал, что герценовским «Колоколом» был поставлен важный и серьезный исторический вопрос «о различии *интересов* либеральной буржуазии и революционного крестьянства в русской *буржуазной* революции; иначе говоря, о либеральной и демократической, о „соглашательской“ (монархической) и республиканской тенденции в этой революции».²⁹ Ленин вовсе не оспаривал, а, напротив, прямо указывал на то, что не всегда Герцен решал последовательно этот вопрос в пользу второй тенденции (Герцен к тому же не отдавал себе отчета в буржуазном характере русской революции). Однако крупнейшее методологическое и идейно-политическое значение имел решающий вывод Ленина о том, что при всех присущих Герцену колебаниях между демократизмом и либерализмом «демократ все же брал в нем верх».³⁰

В сжатой, лаконичной форме, предопределяемой характером выступления в газетном органе, В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена» прослеживал основные этапы пути Герцена как революционера, публициста, философа. Мы уже цитировали высказывания Ленина об исторической преемственности между декабристами и Герценом. Сам Герцен не раз на нее указывал.

В одной из своих поздних работ — «Еще раз Базаров», — опубликованной в конце 1868 г., Герцен писал: «Декабристы — наши великие отцы... Мы от декабристов получили

²⁶ «Вестник партии народной свободы», 1906, № 36, стлб. 1863—1878. Под энергичную агитацию, которую кадеты ведут против революционной практики, Струве «взялся подвести фундамент вечности», прикрывшись авторитетом Герцена, отмечалось тогда же в одном из демократических изданий.

²⁷ Цит. по: М. Зельдович. К истории статьи В. И. Ленина «Памяти Герцена», стр. 103.

²⁸ В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 257.

²⁹ Там же, стр. 258.

³⁰ Там же, стр. 259.

в наследство возбужденное чувство человеческого достоинства, стремление к независимости, ненависть к рабству, уважение к Западу и революции, веру в возможность переворота в России, страстное желание участвовать в нем, юность и непопечность сил. Все это переработалось, стало иным, но основы целы».³¹

В статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин указывал: «Герцен принадлежал к поколению дворянских, помещичьих революционеров первой половины прошлого века». «Восстание декабристов разбудило и „очистило“ его».³²

Установив идейную родословную Герцена, В. И. Ленин подчеркивает его громадные теоретико-философские заслуги. «В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени». Ленин отмечает усвоение Герценом диалектики Гегеля и придает важное значение тому, что он познал в ней «алгебру революции».³³ Вопреки утверждениям многих буржуазных исследователей, Ленин далее подчеркивал, что Герцен от Гегеля пошел «вслед за Фейербахом» — к материализму, и, говоря специально о первом из герценовских «Писем об изучении природы», замечает, что оно показывает Герцена как мыслителя, который «даже теперь (т. е. во втором десятилетии XX столетия, — Ш. Л.) головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуйдеалистов».³⁴ Общий

³¹ А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. XX, кн. 1. М., 1960, стр. 346.

³² В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 255, 256. Слово «очистило», взятое в кавычки, восходит к цитате, приведенной у Ленина, из герценовской статьи «Концы и начала».

³³ «Философия Гегеля — алгебра революции», — писал Герцен в четвертой части «Былого и дум» (Собр. соч. в тридцати томах, т. IX, М., 1956, стр. 23), а в только что цитированной статье «Еще раз Базаров» он повторял: «Диалектика Гегеля — страшный таран, она, несмотря на свое двуличие, на прусско-протестантскую кокарду, улетучивала все существующее и распускала все мешавшее разуму» (там же, т. XX, кн. 1, стр. 348).

³⁴ В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 256. В этой связи следует обратить внимание на то, что Ленин в своей верной оценке «Писем об изучении природы» как произведения материалистической мысли разошелся с мнением Г. В. Плеханова. Признавая со своей стороны, что Герцен, «расставшись с идеалистическим „романтизмом“... вслед за Фейербахом перешел к материализму», Плеханов в то же время в «Письмах об изучении природы» находил еще «очень сильно» заметное влияние «идеалиста Гегеля» (Соч., т. XXIII, М.—Л., 1926, стр. 426, 433; см. также: Избр. философские произведения, т. IV, М., 1958, стр. 766). Б. А. Чагин пишет, что «ошибочный вывод Плеханова, по-видимому, основывался на том, что у Герцена не только сохрани-

вывод Ленина: «Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом».³⁵ «Остановка» перед историческим материализмом не означала, что Герцену не были свойственны материалистические тенденции и поиски в социологии. Уже в книге «С того берега» Герцен по сути дела призывал заниматься «серьезно физиологией общественной жизни, историей как действительно объективной наукой».³⁶

С «остановкой» Герцена перед историческим материализмом (ибо материалистические догадки все же не означали, конечно, преодоления идеалистических в основе своей историко-социологических взглядов) В. И. Ленин связывал «духовную драму» или, как он еще и резче выражался, «духовный крах» Герцена после поражения революции 1848 г. Ленин указывает, что Герцен непосредственно наблюдал эту революцию (в сущности его можно в известном смысле отнести к ее участникам). Ленин пишет о Герцене, что он был тогда «демократом, революционером, социалистом». На наш взгляд, можно принять, что Ленин тем самым признавал Герцена в той либо другой форме и степени революционным демократом уже в ту пору (в рамках революционного демократизма ведь всегда можно различить более или менее последовательные оттенки, а у Герцена этот революционный демократизм вырос из дворянской революционности, одним из поздних посетителей которой он и являлся).³⁷ При рассмотрении данного вопроса сущест-

---

лась гегелевская терминология при изложении собственных философских взглядов, но и что он, эволюционируя в сторону материализма, неизбежно сохранил некоторые „родимые пятна“ прошлого, идеалистического мировоззрения... Перейдя на позиции материализма, он неизбежно сохранил отдельные идеалистические положения и отчасти идеалистическую терминологию. Но по существу Герцен стал уже материалистом, овладевавшим диалектикой» (Б. А. Чагин и Г. В. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии. М.—Л., 1963, стр. 271).

³⁵ В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 256.

³⁶ А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. VI, М., 1955, стр. 67. Едва ли В. И. Ленин разошелся бы с мнением, высказанным в 1909 г. Г. В. Плехановым: «Мысль Герцена мучительно билась над вопросом о том, в чем заключается объективная необходимость осуществления наших идеалов» (Соч., т. XXIII, стр. 424).

³⁷ В. Р. Щербина в книге «Ленин и вопросы литературы» (изд. 2-е, М., 1967, стр. 323) пишет: «В ряде книг и статей А. И. Герцен характеризуется как революционный демократ еще в 40-х годах. Труды В. И. Ленина вооружают нас против упрощения и выпрямления творческого пути писателя. Как следует из работ Ленина, развитие Герцена, при всех его колебаниях в сторону либерализма, шло в направлении к революционному демократизму. Но в 40—50-х годах Герцен выступает еще главным образом как дворянский революционер. Лишь

венно учесть также известную мысль В. И. Ленина, высказанную за несколько месяцев до статьи «Памяти Герцена»: «Разумеется, все грани и в природе и в обществе подвижны, в известной степени условны, изменчивы, а не мертвы. Переходные формы и колебания партий и групп, стоящих „на границе“ основных делений, неизбежны...».³⁸ А Герцен как раз стоял «на границе» дворянской революционности и революционного демократизма, двигаясь, при тех или других временных зигзагах, связанных с переменами в общественно-политической действительности, именно к последнему.

Хорошо известно, что идейный кризис, переживавшийся Герценом, принял прежде всего форму тяжелого разочарования в социальных перспективах Запада; тесно связанным с этим оказался тот факт, что Герцен, подавленный разгромом революционных сил на Западе, с особым вниманием и надеждой обратился к России и заложил — на рубеже 40-х и 50-х годов — основы «русского социализма», народничества. Много позднее, в самом конце 1867 г., в письме к И. С. Тургеневу Герцен писал: «Если я слишком... en gros (общо, — Ш. Л.) смотрю³⁹ на „новое слово“, которое Россия явно громко говорит своим социальным исключением пролетариата — то, что ты не видишь даже и после совершенного падения Франции, с которой утонула и Италия, — что это: гибель, смерть или кризис, — я этого не понимаю. Пожалуйста, заметь „или кризис“ — я это говорил всегда: есть еще силы, которые могут оплодотвориться наукой и спасти организм, но сама наука, не воплощаясь, не спасет мира, так, как Плиний, Сенека не спасли его. Науке дела нет — в Америке ли, в Камчатке ли или ином месте ей будет

когда Герцен воспринял революционный народ как основную силу истории, он стал революционным демократом». Оставляя в стороне вопрос о бесспорности предлагаемого критерия (приняв его, следовало бы отказать, например, в революционном демократизме Огюсту Бланки или Петру Ткачеву, как и части народников), укажем на тот факт, что Герцену приходилось высказывать надежды на крестьянскую революцию в период 40—50-х годов. 1 (13) сентября 1850 г. Герцен говорил в письме к Д. Мадзини: «Я требую, я проповедую полный разрыв с неполными революционерами» (это о Западе), и далее: «Что касается России, вести оттуда печально... Однако подовольство велико: крестьяне и особенно раскольники ропщут. Я не верю ни в какую революцию в России, кроме крестьянской. Тот, кто сумеет объединить раскольников и крестьян, как Пугачев уральских казаков, поразит насмерть ледяной петербургский деспотизм» (Собр. соч. в тридцати томах, т. XXIV, М., 1961, стр. 142, 143).

³⁸ В. И. Ленин. Избирательная кампания в IV Государственную думу, стр. 39. Статья относится к декабрю 1911—январю 1912 г.

³⁹ Речь непосредственно шла о положениях, сформулированных Герценом в первом номере «Колокола» на французском языке, в программного характера статье «Prolegomena».

фатера».⁴⁰ Справедливость требует сказать, что нередко, однако, Герцен склонялся после 1848 г. к первым членам указываемой им формулы (гибель, смерть).⁴¹ Отсюда такие ярко выраженные скептические и прямо пессимистические ноты в выступлениях Герцена, как книга «С того берега» и многое-многое другое. «Скептицизм» — слово, которым оперировали и оперируют сотни авторов в своих характеристиках Герцена. Усиленно пользовались этим определением и либералы. В. И. Ленин по этому поводу писал в статье «Памяти Герцена» о рыцарях «либерального российского языкоблудия, которые прикрывают теперь свою контрреволюционность цветистыми фразами о скептицизме Герцена. У этих рыцарей, которые предали русскую революцию 1905 года, которые забыли и думать о великом звании *революционера*, скептицизм есть форма перехода от демократии к либерализму, — тому холуйскому, подлому, грязному и зверскому либерализму, который расстреливал рабочих в 48 году, который восстанавливал разрушенные троны, который рукоплескал Наполеону III и который *проклинал*, не умея, понять его классовой природы, Герцен».⁴² У Герцена же, как указывал Ленин, его «глубокий скептицизм и пессимизм после 1848 года был крахом *буржуазных иллюзий* в социализме». «Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не* созрела».⁴³ И далее: «У Герцена скептицизм был формой перехода от иллюзий „надклассового“ буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата».⁴⁴ Впрочем, как с достаточным основанием ука-

⁴⁰ А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. XXIX, кн. 1, М., 1963, стр. 242. В письме, на которое отвечал Герцен, старый и последовательный «западник» Тургенев, между прочим, писал: «Что касается до самой твоей статьи, то ведь это между нами старый спор; по моему понятию, ни Европа не так стара, ни Россия не так молода, как ты их представляешь: мы сидим в одном мешке и никакого за нами „специального нового слова“ не предвидится» (И. С. Тургенев, Письма, т. VI, М.—Л., 1963, стр. 354—355).

⁴¹ В 1863 г. Герцен, например, писал Е. В. Салиас де Турнемир: «В 1849 году я проповедовал громко гибель Европы от *avortement* (неудачи, — *Ш. Л.*) социальной революции и с тем же знаменем я поднял заграничную русскую речь» (Собр. соч. в тридцати томах, т. XXVII, кн. 1, М., 1963, стр. 391).

⁴² В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 256—257.

⁴³ Там же, стр. 256.

⁴⁴ Там же, стр. 257. Примерно через год В. И. Ленин по другому поводу — в связи с откликами печати на смерть редактора московского либерального органа «Русские ведомости» В. М. Соболевского — писал снова о разных видах скептицизма: «Бывает скептицизм и

зывает исследователь жизненного и творческого пути Герцена Я. Е. Эльсберг, это «своеобразие» герценовского скептицизма обнаружилось «с полной определенностью» много позже — в 60-х годах.⁴⁵ В статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин в качестве доказательства этого своеобразия и приводит посмертно опубликованное, написанное в последний год жизни Герцена произведение его — знаменитые Письма (их было четыре) «К старому товарищу» (к М. А. Бакунину). В. И. Ленин так оценивал Письма: «Герцен рвет с анархистом Бакуниным. Правда, Герцен видит еще в этом разрыве только разногласие в тактике, а не пропасть между мирозерцанием уверенного в победе своего класса пролетария и отчаявшегося в своем спасении мелкого буржуа. Правда, Герцен повторяет опять и здесь старые буржуазно-демократические фразы, будто социализм должен выступать с „проповедью, равно обращенной к работнику и хозяину, земледельцу и мещанину“. Но все же таки, разрывая с Бакуниным, Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к *Интернационалу*, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс, — к тому Интернационалу, который начал „сбирать полки“ пролетариата, объединять „мир рабочих“, „покидающий мир пользующихся без работы!“».⁴⁶

скептицизм. По отношению к общественному деятелю надо спрашивать: насчет *какого* класса был он скептиком?». Ленин показывал, что Соболевский был «скептик и даже пессимист» насчет крестьянства и «оптимист» насчет помещиков (Откровенные речи либерала. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 194).

⁴⁵ Я. Е. Эльсберг. Герцен. Жизнь и творчество. Изд. 4-е. М., 1963, стр. 202. В другом месте своего исследования автор пишет: «Но Герцен не видел экономических корней исторической роли пролетариата. Поэтому его надежды на пролетариат и не были твердыми, устойчивыми, они вновь и вновь подвергались скептической переоценке» (там же, стр. 282).

⁴⁶ В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 257. Ленин цитировал Письма по первому (1870 г.) или второму (1874 г.) изданию «Сборника посмертных статей Александра Ивановича Герцена». Во втором из Писем Герцен заявлял: «Международный союз (Интернационал, — *Ш. Л.*) может вырасти в Авентинскую гору à l'intérieur. Отступая на нее, мир рабочих (в опубликованном впоследствии автографе Герцена значится «мир рабочих», см.: «Литературное наследство», т. 61, М., 1953, стр. 164, — *Ш. Л.*), сплоченный между собой, покинет мир, пользующийся без работы... и он, отлученный, *volens volens*, пойдет на сделки. А не пойдет, тем хуже для него, он сам себя поставит *вне закона*, и тогда гибель его отстранится только на столько, на сколько у нового мира нет сил. А пока их нет, надо в тиши собирать полки и не грозить. Угроза при бессилии вредна. Подавленный взрыв двинет назад» (А. И. Герцен, Сборник посмертных статей, изд. 2-е, Женева, 1874, стр. 297). В. И. Ленин цитировал также четвертое Письмо, в котором Герцен, между прочим, писал: «Я не верю в серьезность людей, предпочитающих ложку и грубую силу развитию и сделкам. Проповедь

Письма «К старому товарищу» множество раз использовались авторами, писавшими о Герцене; к ним широко обращаются и в наше время. При этом для буржуазной, либерально-буржуазной (не говоря уже об охранительно-реакционной) литературы преимущественно характерна тенденция истолкования герценовского хода мыслей как полного отказа от революционных позиций, полного перехода на позиции реформизма.⁴⁷ Нельзя умолчать также о том, что и среди авторов, принадлежавших или причислявших себя к лагерю марксистов, существовали и такие, которые Письма «К старому товарищу», а подчас вообще позиции Герцена, склонны были приравнивать или неправомерно приближать к либеральным.⁴⁸ Особенностью

нужна людям, проповедь неустанная, ежели путная (в автографе «ежеминутная», см.: «Литературное наследство», т. 61, стр. 172, — *Ш. Л.*); проповедь, равно обращенная к работнику и хозяину, к земледельцу и мещанину. Апостолы нам нужны прежде авангардных офицеров, прежде саперов разрушения. Апостолы, проповедующие не только своим, но и противникам» (А. И. Герцен, Сборник посмертных статей, стр. 311).

⁴⁷ В. И. Ленин с возмущением писал о тех, кто «облыжно» утверждал, будто «Герцен отрекся под конец жизни от революции» (Памяти Герцена, стр. 255), в этом месте Ленин непосредственно имел в виду правую, реакционную печать. В данной связи интересно напомнить о высказываниях писателя-беллетриста П. Д. Боборыкина, хотя и принадлежавшего к либеральным кругам, но сумевшего в целом сравнительно объективно рассказать о последних годах Герцена, к которым относятся их личные встречи. Боборыкин так формулировал основное кредо тогдашнего Герцена: «Ненависть к самодержавному режиму у нас и к хищническому торжеству буржуазии во всем остальном мире, и молодая... вера в великую будущность социальных и экономических устоев русского народа». Боборыкин указывает, что в последние годы Герцен «мечтал мрачно» оценивал положение в Европе, что он ставил в «великую заслугу Марксу» основание Интернационала. В Герцене, по свидетельству этого современника, сидел «убежденный и пылкий поборник революционного движения». Цитируемую статью П. Д. Боборыкин заключал словами: «Более полвека назад он (Герцен, — *Ш. Л.*) горячо желал торжества труду над хищничеством капитала и не переставал, до самой своей смерти, требовать для многомиллионного русского крестьянства того, о чем оно и теперь страстно мечтает: земли и воли!» («Русская мысль», 1907, № 11, стр. 109, 111—114, 118).

⁴⁸ Так, например, Ю. М. Стеклов в изданной в 1909 г. книге «Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность» утверждал, что Герцен, особенно в конце 50-х годов, «стоял гораздо ближе к либералам, чем к революционерам», «Чернышевский был представителем революционно-демократического течения общественной мысли, а Герцен тогда стоял еще на точке зрения просвещенного либерализма» (стр. 348, 349). Еще в 1928—1930 гг. Стеклов относил Герцена известного периода к «идеологам» либерального дворянства (Ю. Стеклов. Еще о Н. Г. Чернышевском. М.—Л., 1930, стр. 76). В. М. Фриче находил, что между Герценом и Чернышевским лежала «непроходимая пропасть», а о Письмах «К старому товарищу» он говорит, что в них

ленинского подхода является глубокий историзм, научная объективность. Он высоко оценивает самый факт обращения мысли Герцена к рабочему Интернационалу, одобрительно относится и к тем элементам герценовских взглядов, которые объективно противопоставляли их позициям отчаивающегося «в своем спасении мелкого буржуа» (так Ленин характеризовал анархистскую концепцию Бакунина конца 60-х годов). Другими словами, Ленин особо направлял читательское внимание на то, в чем он видел сильные стороны Герцена. Но он отнюдь не думал изображать Герцена марксистом,⁴⁹ он отмечал слабые стороны Герцена, которые шли от неизжитости, непреодоленности тех или других утопически-социалистических схем.⁵⁰

Внимательнейшим образом В. И. Ленин анализирует позиции Герцена, его место и роль в развитии внутренних общественных событий в России на протяжении 50-х и 60-х годов.

Герцен определенно «отмежевываясь» от революции (В. М. Фриче. А. И. Герцен. М., 1920, стр. 33—34). Ряд других авторов видели в Герцене и Чернышевском «два полюса». Разумеется, были — еще и до Октября и тем более после — совершенно иного рода высказывания. В частности, должно отметить ряд выступлений другого характера А. В. Луначарского. Например, в статье 1912 г. «Памяти А. И. Герцена» он, говоря о «программе-минимум» Герцена в период реформы, решительно отделял ее от «минимализма ползучего, реформистского, либерального» и трактовал ее «в смысле начала, развязывающего впервые силы, достаточные для дальнейшей, все ускоряющейся борьбы». В то же время герценовскую теорию общинного социализма он признавал «гениальным мифом» («Новая жизнь», 1912, № 4, стр. 188—189).

⁴⁹ Неосторожной мы считаем формулировку Я. Е. Эльберга, который, на основании Писем «К старому товарищу», пришел к выводу, будто Герцен «к концу жизни понял историческую правоту Маркса» (Я. Е. Эльберг. Герцен, стр. 666). Для столь далеко идущего обобщения нет данных.

⁵⁰ Требуется большого внимания и указание Ленина на то, что в глазах самого Герцена его расхождение с Бакуниным оставалось тактическим разногласием. Известно, что при всем критическом отношении ко многим элементам бакунинских позиций определенные черты деятельности и тем более личности Бакунина Герцену до конца его дней в большей или меньшей степени импонировали. Так, в марте 1869 г. Герцен писал Тургеньеву о Бакунине: «Я с его деятельностью не совсем согласен — но все же он замечательная сила». В мае того же года своему сыну Герцен писал: «Бакунин читает вроде лекций рабочикам в Женеве — и имеет огромное влияние. Он много куролесит — но все же сильное явление». Н. И. Утин уже в июле 1869 г. Герцен писал: «Я не могу согласиться с вашим мнением, очень враждебным, относительно Бакунина. Бакунин слишком крупен — чтоб с ним поступать *sommairement* (бесцеремонно, — Ш. Л.). У него есть небольшие недостатки — и огромные достоинства. У него есть прошедшее, и он — сила в настоящем» (Собр. соч. в тридцати томах, т. XXX, кн. 1, М., 1964, стр. 65—66, 116, 158).

Ленин ни в малейшей степени не сомневался в том, что Герцен был основоположником «русского» социализма, народничества. По его словам, Герцен «видел „социализм“ в освобождении крестьян с землей, в общинном землевладении и в крестьянской идее „права на землю“». Вскрывая содержание и реальное историческое значение этого учения Герцена, Ленин подчеркивает, с одной стороны, что в нем, «как и во всем русском народничестве — вплоть до полинявшего народничества... „социалистов-революционеров“, — нет ни грама социализма», а с другой — что выраженное в народничестве учение «доброе мечтание» реально облекает «революционность буржуазной крестьянской демократии в России». «Идея „права на землю“ и „уравнительного раздела земли“, — писал Ленин, — есть не что иное, как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения».⁵¹ В виде доказательства Ленин ссылался на опыт крестьянской борьбы в русской революции 1905 г.

Интересно сопоставить это место ленинской работы «Памяти Герцена» с почти одновременно опубликованной его статьей (в газете «Невская звезда», в начале мая 1912 г.) «Политические партии в России». Здесь Ленин указывал, что в России «народники всех оттенков» охотно говорят «социалистические» фразы, но сознательные рабочие не должны на этот счет обманываться: на деле «ни в каком „праве на землю“, ни в каком „уравнительном распределении земли“ нет ни капли социализма».⁵²

Острота ленинской оценки герценовского учения о «русском» социализме⁵³ может быть отчасти поставлена в связь с потребностями текущей идеологической борьбы против активизировавшегося в то время, в частности и в рабочем движении, народничества (неонародничества). Но ленинская оценка и вполне независимо от того отражает по самому своему су-

⁵¹ В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 257—258.

⁵² В. И. Ленин. Политические партии в России. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 284.

⁵³ Свои «излюбленные», как пишет В. И. Ленин, мысли о «русском» социализме Герцен «развивал бесчисленное количество раз» (Памяти Герцена, стр. 257). Приведем одну из формулировок Герцена (из статьи «Порядок торжествует!», опубликованной в «Колоколе» в конце 1866 и начале 1867 г.): «Мы русским социализмом называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта, от фактического надела и существующего передела полей, от общинного владения и общинного управления, — и идет вместе с работницей артелью навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще и которую подтверждает наука» (Собр. соч. в тридцати томах, т. XIX, М., 1960, стр. 193).

цеству отношение русских последовательных марксистов — именно с точки зрения требований научного социализма, с высоты его достижений — к утопическому социализму народников.

Вместе с тем следует признать, что учение о так называемом русском социализме, впервые обоснованное Герценом после революции 1848 г., не покрывало собой всех мыслей, всех теоретических исканий в области социального вопроса, которые связаны с творчеством Герцена. Бесспорно, что мысль Герцена на протяжении примерно четырех десятилетий билась над вопросами социализма, что его не удовлетворяли существующие системы утопического социализма, что он, пусть не сразу и не всегда последовательно, преодолевал и мирные иллюзии старых утопистов, и их аполитизм, что он стремился найти объективные гарантии осуществимости социалистических идеалов. В. И. Ленин не случайно еще в работе о «друзьях народа» назвал Герцена и Чернышевского первыми русскими социалистами. Едва ли имеются основания для сомнений в том, что для Ленина полностью приемлема была мысль, высказанная в 1909 г. Плехановым в заключение статьи «Герцен-эмигрант»: «Когда будет... написана критическая история международной социалистической мысли, Герцен явится в ней как один из наиболее вдумчивых и блестящих представителей той переходной эпохи, когда социализм стремился сделаться „из утопии наукой“». ⁵⁴ В пользу доказательства такого предположения говорит, между прочим, и приводившаяся уже оценка В. И. Лениным герценовских Писем «К старому товарищу».

Характеризуя деятельность Герцена как одного из крупнейших представителей русского общественно-политического движения периода падения крепостного права, В. И. Ленин очень подчеркивал его роль зачинателя свободной бесцензурной печати. Известно, об этом говорят и тексты ленинских сочинений, и существующая мемуарная литература, что Ленин «самым подробным образом» (как сообщает В. Д. Бонч-Бруевич) изучал еще во время своей первой эмиграции произведения Герцена, изучал и «Полярную звезду», и «Колокол», выражая нередко «большое восхищение» герценовскими характеристиками отдельных лиц и групп, замечательным, оригинальным герценовским языком. ⁵⁵

В статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин оценил создание Герценом за границей «вольной русской прессы» как его *вели-*

⁵⁴ Г. В. Плеханов, Соч., т. XXIII, стр. 445.

⁵⁵ Вл. Бонч-Бруевич. Библиотека и архив РСДРП в Женеве. «Красная летопись», 1932, № 3; цит. по: Ленин и книга. М., 1964, стр. 359—360.

кую заслугу. О «Полярной звезде» Ленин сказал, что она подняла традицию декабристов. Тут же говорится о «Колоколе», что он «встал горой за освобождение крестьян».⁵⁶ Ленин писал о «Колоколе» не один раз. В статье «Из прошлого рабочей печати в России» Ленин устанавливал преемственную связь между «Колоколом» и появившейся впоследствии в России рабочей прессой. «В ту пору, при крепостном праве, о выделении рабочего класса, — писал Ленин, — из общей массы крепостного, бесправного, „низшего“, „черного“ сословия не могло быть и речи. Предшественницей рабочей (пролетарски-демократической или социал-демократической) печати была тогда общедемократическая бесцензурная печать с „Колоколом“ Герцена во главе ее».⁵⁷

В. И. Ленин вдохновлялся примером «Колокола» при основании своей «Искры» на рубеже XX столетия. На это указывает Н. К. Крупская: «Незаконная газета («Искра», — Ш. Л.) должна была готовить условия для создания партии революционного пролетариата. Перед глазами Ильича был пример Герцена, создавшего вольную русскую прессу за границей, выпускавшего с 1857 по 1867 г. за границей „Колокол“, имевший такое громадное влияние на русскую интеллигенцию, был пример группы „Освобождение труда“».⁵⁸

Как уже отмечалось, В. И. Ленин, при всем своем великом уважении к Герцену, к его литературно-издательской деятельности, не обходил его слабых сторон. Ленин с осуждением говорил об апелляции Герцена к «верхам», о его письмах к Александру II. Он признавал правоту Н. Г. Чернышевского (гораздо более, по словам Ленина, последовательного и бое-

---

⁵⁶ В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 258—259. Во «Введении» первой книжки «Полярной звезды», напоминая об одноименном издании декабристов, Герцен писал: «Русское периодическое издание, выходящее без цензуры, исключительно посвященное вопросу русского освобождения и распространению в России свободного образа мыслей, принимает это название, чтоб показать непрерывность предания, преемственность труда, внутреннюю связь и кровное родство» («Полярная звезда» на 1855 г., издаваемая Искандером, изд. 2-е, книжка первая. Лондон, 1858, стр. III).

⁵⁷ В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 93.

⁵⁸ Н. К. Крупская. «Искра». «Борьба классов», 1931, № 1; то же: Н. К. Крупская. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1965, стр. 114. Любопытно, что в том же номере «Социал-демократа», где опубликована статья «Памяти Герцена», В. И. Ленин в другой статье стыдил трудовиков, которые «сто лет спустя после рождения Герцена» не умеют издать незаконного листка (Избирательная кампания в IV Думу и задачи революционной социал-демократии. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 249).

вого в сравнении с Герценом демократа), правоту единомышленников Чернышевского, упрекавших Герцена за его отступления от демократизма к либерализму.⁵⁹

В. И. Ленин давал объяснение колебаниям Герцена. В конечном счете он видел причину этого в ограниченности дворянской революционности («Герцен принадлежал к помещицкой, барской среде»), в отсутствии в 40-х годах, когда Герцен еще жил в России (он «покинул Россию в 1847 г.»), широкого размаха крестьянской борьбы («не видел революционного народа»). Безусловно к объяснению колебаний Герцена служит и ленинское указание на то, что Герцен «остановился» перед историческим материализмом. С этим связано отсутствие должного понимания характера классовой структуры России, классовой природы русского царизма. Еще даже в 1867 г. Герцен печатал такие строки: «В русской жизни нет тех непримиримых, упорных, взаимно уничтожающих сил, которые веди западную жизнь от одного кровавого конфликта к другому... Наше императорство и наше барство — без корней и знают это... Такого рода правительства не вырубаются топором, а при первой весенней теплоте распускаются в волнах жизни народа и тонут в них. Мы твердо были убеждены в последнем».⁶⁰ Воздействие исторического идеализма, пережиточные

---

⁵⁹ В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 259. Ленин в качестве представителей «нового поколения революционеров-разночинцев» называет в статье «Памяти Герцена» рядяру с Чернышевским Добролюбова и Серно-Соловьевича. Речь, конечно, идет об Александре Серно-Соловьевиче, который выпустил в 1867 г. против Герцена брошюру «Наши домашние дела», а в следующем году попутно сделал резкий выпад против него в брошюре «Миколка-публицист». Не может быть никакого сомнения, что Ленин признавал правоту Серно-Соловьевича лишь в той части его выступлений, где он подвергал более или менее обоснованной критике действительные ошибки и промахи Герцена. Однако общий тон и дух брошюры Серно-Соловьевича «Наши домашние дела», брошюры, пытающейся почти целиком перечеркнуть вклад Герцена, страдающей полным непониманием исторической роли Герцена, его теоретических и политических заслуг, не имеет ничего общего со спокойным, справедливым, объективным, глубоко историчным подходом В. И. Ленина к той же теме. В частности, неприемлема, с точки зрения ленинских оценок, явная тенденция Л. А. Серно-Соловьевича к полному противопоставлению Герцена и Чернышевского.

Отметим, что апелляция Герцена к «верхам» подвергалась критике и со стороны Бакунина, который в 1866 г., в письме к Герцену и Огареву, настойчиво звал «отказаться от всякого притязания, надежды и намерения влиять на настоящий ход дел, на государя, на правительство» и письма к Александру II признавал не только бессмысленными, но и вредными (Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву, СПб., 1906, стр. 279, 293).

⁶⁰ А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. XIX, стр. 191--192.

влияния дворянской революционности, еще не порванная полностью зависимость от идей старого западного утопического социализма, трагическая память о кровавом подавлении революционных масс в революции 1848 г. при далеко не достаточной силе напора со стороны антикрепостнического движения крестьянских масс, наконец, обманчивые иллюзии в условиях некоторой «оттепели», характерной для первых лет после смерти Николая I и крымского поражения, — все это соединилось и облегчило проявления либеральных колебаний.

Однако, как уже указывалось, В. И. Ленин, правильно подмечая ведущую тенденцию в деятельности Герцена, ясно и отчетливо заявлял, что демократ брал верх в нем. Ленин, что весьма показательно, приводил соответствующие доказательства и из произведений Герцена, опубликованных в «Колоколе» еще и до провозглашения крестьянской реформы. Он особенно подчеркивал сдвиг в позициях Герцена, начиная с 1861 г., причем выдвигал при объяснении этого подъем крестьянской борьбы после 19 февраля. Когда Герцен увидел в 60-х годах в России «революционный народ», он, писал Ленин, «безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма». «Он боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем. Он поднял знамя революции».⁶¹ Эти слова произнесены Лениным в таком контексте, что должны быть отнесены в первую очередь ко времени после 1861 г. Но с необходимыми оговорками, т. е. с учетом зигзагов герценовской тактики, ее колебаний и противоречий, они могут быть применены и к предшествующему этапу деятельности Герцена.

В. И. Ленин напоминает о пламенном революционном призыве, обращенном Герценом к русскому крестьянству под влиянием известий о расстреле в Бездне, который произвел на него глубокое, потрясающее впечатление. Он подчеркивает важное принципиальное значение разрыва Герцена и Огарева с одним из влиятельных представителей русского либерализма К. Д. Кавелиным после появления кавелинской брошюры «Дворянство и освобождение крестьян», с ее «восстанием» — по ленинской терминологии — против движения в пользу конституции, после постыдной реакции Кавелина на арест Чернышевского, после провозглашения им «лозунга» (его же собственное определение) терпения.⁶² Герцен *«порвал с этим либе-*

⁶¹ В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 261.

⁶² В. И. Ленин имел, между прочим, в виду письмо Кавелина к Герцену от июня 1862 г., в котором Кавелин говорил: «С тобой поступают несправедливо — терпи; твою правду полярают бесправием — терпи; тебе кажется, что если ты ответишь силою против силы, то

ральной мудрецом. Герцен обрушился на его „тощий, нелепый, вредный памфлет“, — писал Ленин.⁶³ Ленин придавал большое значение возбужденному революционному протесту Герцена против расправы царского правительства над Чернышевским.

С горячим внутренним пафосом В. И. Ленин писал о славной позиции Герцена в связи с польским восстанием, когда размежевание Герцена с либеральными общественными кругами решительно обострилось и углубилось. «... Вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши», — отмечал Ленин. Но позиция Герцена не была этим поколеблена, что Ленин отмечает с особым удовлетворением. Весной 1864 г. Герцен писал Тургеневу: «Придет время — не „отцы“, так „дети“ оценят тех трезвых, тех честных русских, которые одни протестовали — и будут протестовать против гнусного умиротворения. Наше дело, может, конечно. Но память того, что не вся Россия стояла в разношерстном стаде Каткова, останется... Мы спасли честь имени русского — и за это пострадали от рабского большинства».⁶⁴ Ленин процитировал целиком последнюю фразу из этого письма Герцена и еще усилил звучание герценовской мысли своим заявлением: «Герцен спас честь русской демократии».⁶⁵ Прибавить можно было бы, что Герцен не был один — с ним вместе за дело свободы польского народа и вместе с этим за честь русской демократии, за ее торжество боролись и Огарев, и Бакунин, и революционные русские воины в Польше, и тайное общество «Земля и воля», и — в меру цензурных возможностей — открытая, легальная демократическая печать в самой России, представленная такими именами, как Салтыков-Щедрин и другие.

Путь Герцена не был и после 1861—1864 гг. совершенно прямым, лишенным всяких неясностей и противоречий, отдельных рецидивов старых колебаний. Сказывалась тут обстановка внутренней реакции в России, тяжело влияли ненормальности во взаимоотношениях с окружающей эмигрантской средой. Герцен ясно видел, что все реформы Александра II, «начиная с крестьянской, были не только неполны,

---

правое дело будет торжествовать: это горькое заблуждение, терпи; тысячу раз терпи... Терпи... во имя того, что правда и благо и есть в совершенном отсутствии насилия» (Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. Женева, 1892, стр. 79).

⁶³ В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 259.

⁶⁴ А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. XXVII, кн. 2. М., 1963, стр. 454—455.

⁶⁵ В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 260.

по преднамеренно искажены». ⁶⁶ Тем не менее в его высказываниях проскальзывал элемент завышенной их оценки. ⁶⁷ В то же время теоретическая мысль Герцена развивалась, шла во многом вперед. Да и в чистой публицистике последних лет Герцен сумел дать немало яркого и ценного, служащего революционному воспитанию общества. Неожиданная смерть Герцена в январе 1870 г. вовсе не была, как некоторые тогда утверждали, концом якобы пережившего себя деятеля, а, наоборот, уходом из жизни мыслителя и революционера, находившегося в расцвете творческих сил, который мог еще многое и многое дать русской демократической общественности и культуре.

Заканчивая свою замечательную статью «Памяти Герцена», В. И. Ленин писал: «Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории; — учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадет даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы; — учится определению роли разных классов в русской и международной революции. Обогащенный этими уроками, пролетариат пробьет себе дорогу к свободному союзу с социалистическими рабочими всех стран, раздавив ту гадину, царскую монархию, против которой Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с *вольным русским словом*». ⁶⁸

III

Н. Г. Чернышевский был, бесспорно, из всех предшественников русской социал-демократии наиболее близок В. И. Ленину, наиболее любим им как теоретик, как писатель и публицист, как революционная личность.

⁶⁶ А. И. Герцен, Собр. соч. в тридцати томах, т. XIX, стр. 195.

⁶⁷ В написанном в конце 1867 г. заявлении о выходе «Колокола» на французском языке Герцен, потрясенный «гибелью сильных деятелей и сильных органов» (очевидно, имелись в виду ссылка Чернышевского на каторгу, гибель Николая Серно-Соловьевича, закрытие «Современника» и «Русского слова» и т. д.), находя упадок в литературе и университетах, ошибочно предсказывая, что «литературная и студентская эпохи так же миновали, как прежде их миновала эпоха гвардейских офицеров», утверждал, что «общее внимание мало-помалу обращается в другие сферы, интерес сосредоточивается на судебных прениях, на земских делах, на уголовных процессах, на приговорах присяжных, потому что жизнь там» (Собр. соч. в тридцати томах, т. XX, кн. 1, стр. 12).

⁶⁸ В. И. Ленин. Памяти Герцена, стр. 261—262.

Об этом свидетельствуют труды В. И. Ленина, в которых он многократно обращался к литературному наследию Чернышевского, к его личному примеру; об этом же красноречиво говорят воспоминания людей, связанных с Лениным, слышавших его суждения о Чернышевском.

Это отнюдь не значит, вопреки утверждениям некоторых современных буржуазных авторов, будто Чернышевский, а не Маркс главным образом «сформировал» мировоззрение Ленина.¹ Но несомненным следует считать, что В. И. Ленин с молодых лет находился под обаянием личности и творчества Чернышевского, исключительно высоко оценивал его роль в развитии русской общественной и философской мысли и русского освободительного движения. Ленин употребляет недаром определение «эпоха Чернышевского», когда он говорит о той поре «общественного развития России, когда демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое».²

«Нет никакого сомнения в том, — писал А. В. Луначарский в работе «Ленин и литературоведение», — что в симпатиях Ленина к Чернышевскому была своего рода преемственность двух гениальных революционеров, что Ленин высоко ценил Чернышевского как одного из самых замечательных предшественников марксизма».³

Много раз о любви В. И. Ленина к Чернышевскому, о влиянии, испытанном им со стороны Чернышевского, говорила и писала Н. К. Крупская. В 1928 г. на торжественном заседании по случаю столетия со дня рождения Н. Г. Чернышевского Н. К. Крупская отметила, что Чернышевский как личность «повлиял на Владимира Ильича своей непримиримостью, своей выдержанностью, тем, с каким достоинством, с какой гордостью переносил он свою неслыханно тяжелую судьбу».⁴ Крупская говорила о различных сторонах деятельности и взглядов Чернышевского, особо ценимых Лениным, и рассказывала о блестящем знании Лениным наследия Чернышевского, в частности, отметив исключительное, «до мельчай-

---

¹ См., например, статью Зигфрида Кумпфа «Предпосылки Октября в освещении западногерманского остфоршунга» («История СССР», 1968, № 5, стр. 206), содержащую опровержение подобной легенды на примере западногерманского историка Петера Шайберта.

² В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Полн. собр. соч., т. 1, стр. 280.

³ А. В. Луначарский, Собр. соч., т. 8, М., 1967, стр. 438 (работа Луначарского впервые опубликована в 1932 г.).

⁴ Н. К. Крупская. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1965, стр. 80.

ших подробностей»,⁵ знакомство его с романом «Что делать?», с которого, как Крупская в другом месте писала, «началось его увлечение Чернышевским».⁶

В настоящее время мы располагаем дополнительным ценным источником, касающимся отношения В. И. Ленина к Чернышевскому и, между прочим, к роману «Что делать?». Мы имеем в виду запись беседы В. И. Ленина в 1904 г. в Женеве с несколькими товарищами по партии, сделанную впоследствии, в 1919 г., одним из участников беседы В. В. Воровским.⁷ В. И. Ленин вспоминает о своих научных занятиях после высылки из Казани за участие в студенческих волнениях в декабре 1887 г. Он тогда внимательно изучал старые журналы — «Современник», «Отечественные записки», также «Вестник Европы». Его «любимейшим автором» был Чернышевский (работы Чернышевского по литературе и эстетике, по крестьянскому вопросу, обзоры иностранной жизни, примечания к политической экономии Милля). Критика Чернышевским буржуазной политической экономии, которую так высоко в свое время оценил Маркс, назвав Чернышевского великим русским ученым и критиком, мастерски выявившим банкротство буржуазной политической экономии,⁸ оказалась для Ленина «хорошей подготовкой» для перехода к Марксу. «Энциклопедичность знаний Чернышевского, яркость его революционных взглядов, беспощадный полемический талант» покорили Ленина. Согласно записи В. В. Воровского, В. И. Ленин говорил: «До знакомства с сочинениями Маркса, Энгельса, Плеханова главное, подавляющее влияние имел на меня только Чер-

⁵ Там же, стр. 84.

⁶ Там же, стр. 34 (статья «Детство и ранняя юность Ильича», впервые напечатанная в № 12 журнала «Большевик» за 1938 г.).

⁷ Запись дошла в составе мемуарной книги Н. Валентинова (Н. В. Вольского) «Встречи с В. И. Лениным», изданной в Нью-Йорке в 1953 г. (автор, в то время большевик, потом меньшевистский литератор и философ-махист и, наконец, эмигрант, был также участником беседы, на которой присутствовал еще С. И. Гусев-Драбкин). По свидетельству Валентинова, запись, которую Воровский передал ему в 1919 г. для замечаний и дополнений, «была сделана так хорошо, с такой полнотой», что в дополнениях не нуждалась или почти не нуждалась. Содержание беседы В. И. Ленина, зафиксированное в записи, не вызывает, таким образом, сомнений, хотя отдельные выражения, конечно, через 15 лет едва ли могли быть восстановлены во всех случаях с буквальной точностью (утверждать, как это делает один из исследователей, что мы имеем дело во существу со «стенографической» записью, нет оснований; см.: А. И. Новиков. Ленинизм и прогрессивные традиции русской общественной мысли. Л., 1965, стр. 136).

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 17—18.

нышевский, и началось оно с «Что делать?». Величайшая заслуга Чернышевского в том, что он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления. Пред этой заслугой меркнут все его ошибки, к тому же виноват в них не столько он, сколько неразвитость общественных отношений его времени». Как вспоминает Валентинов, Ленин сказал, что роман Чернышевского его — Ленина — *«всего глубоко перепахал»*. В ответ на вопрос С. И. Гусева Ленин подтвердил высказанное тут же Гусевым предположение, что свою книгу (вышедшую в 1902 г.) «Что делать?» Ленин назвал так по аналогии с романом Чернышевского. Под влиянием романа Чернышевского, как подчеркивал Ленин в ходе беседы, революционерами делались сотни людей. «Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь».⁹ Поучительно сопоставить материалы данной беседы с воспоминаниями старой большевички М. М. Эссен, относящимися примерно к тому же времени. Совершенно независимо от записи Воровского и мемуаров Валентинова Эссен писала, вспоминая свои встречи с В. И. Лениным: «Чернышевского Ленин считал не только великим ученым, передовым мыслителем, но и крупным художником, создавшим замечательные образы настоящих революционеров, мужественных, бесстрашных борцов типа Рахметова. Он говорил: „Вот это настоящая литература, которая учит, ведет, вдохновляет!“». Ленин, по свидетельству Эссен, сообщал, что роман «Что делать?» он за одно лето (речь шла несомненно о лете 1888 г.) перечитал раз пять, находя каждый раз в нем все новые волнующие мысли.¹⁰

⁹ В. И. Ленин о литературе и искусстве. Изд. 3-е. М., 1967, стр. 652—655 (извлечение из книги Валентинова «Встречи с В. И. Лениным»; ранее эти страницы перепечатаны в журнале «Вопросы литературы», 1957, № 8, стр. 131—134).

¹⁰ М. М. Эссен. Встречи с В. И. Лениным накануне и в дни первой русской революции. «Вопросы истории», 1955, № 1, стр. 28. В первой из серии своих статей о Чернышевском, опубликованных в зарубежном обзоре «Социал-демократ» после смерти Чернышевского, Г. В. Плеханов посвятил ряд страниц роману «Что делать?» и его влиянию на передовую интеллигенцию. Плеханов писал: «Кто не читал и не перечитывал этого знаменитого произведения?.. Кто после чтения этого романа не задумывался над собственной жизнью, не подвергал строгой проверке своих собственных стремлений и наклонностей? Все мы черпали из него и нравственную силу, и веру в лучшее будущее». Плеханов тогда утверждал, что «не было, нет и, наверное, не будет» среди лучших произведений русской литературы такого, ко-

В недавнее время была опубликована работа, специально посвященная отношению В. И. Ленина к роману Чернышевского «Что делать?». Автор сделал ряд интересных наблюдений, хотя далеко не все проводимые им параллели между романом Чернышевского и выдающимся теоретическим и политическим трактатом Ленина «Что делать?» представляются убедительными.¹¹

Как мы выше уже отметили, В. И. Ленин многократно в своих трудах обращался к наследию Чернышевского, к оценке его вклада в русскую мысль и революционную борьбу. Особенно важны в этом отношении такие произведения В. И. Ленина, как «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», «От какого наследства мы отказываемся?», «Попытное направление в русской социал-демократии», «Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Что делать?», «Материализм и эмпириокритицизм», «„Крестьянская

горюе бы «по своему влиянию на нравственное и умственное развитие страны могло бы поспорить с романом „Что делать?“» (Соч., т. V, М., 1924, стр. 114—115). «Мы согласны, — заявлял Плеханов, — что некоторые частности в характере Рахметова могли быть изображены иначе. Но вся совокупность его характера все-таки остается вполне верной действительности. В каждом из выдающихся русских революционеров была огромная доля рахметовщины» (там же, стр. 121). В большой монографии о Чернышевском, вышедшей к 20-летию со дня смерти Чернышевского, Плеханов в несколько переработанном виде повторил ряд положений своего старого труда, посвященных роману «Что делать?». Он говорил, в частности, о поистине колоссальном и «в высочайшей степени благотворном» влиянии романа на «молодых читателей 70-х и 80-х годов»; он повторил мысли о характеристике Чернышевским Рахметова, но в измененной частично редакции: «Почти в каждом из выдающихся наших социалистов была немалая доля рахметовщины» (Г. В. Плеханов. Н. Г. Чернышевский. СПб., 1910 [1909], стр. 70—71, 76). В. И. Ленин, внимательно читавший книгу Плеханова и сопоставивший ее текст со старой плехановской работой, в целом, видимо, не расходился с Плехановым в общей оценке романа «Что делать?». В то же время он счел нужным отметить замену слова «русских революционеров» на «наших социалистов» и слова «огромная» (доля рахметовщины) словом «немалая» (Полн. собр. соч., т. 29, стр. 542).

¹¹ А. Н. Иезуитов. Книга, дающая заряд на всю жизнь. (В. И. Ленин и роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?»). «Русская литература», 1968, № 1, стр. 147—158. Между прочим, необоснованным мы считаем вывод автора, что В. И. Ленин, говоря о превосходной революционной организации, которая должна была бы служить образцом социал-демократам (Аграрная программа русской социал-демократии. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 135), «очевидно... имел в виду „Землю и волю“ не только 70-х годов, но и 60-х, с которой был тесно связан Чернышевский» (А. Н. Иезуитов. Книга, дающая заряд на всю жизнь, стр. 155). Этот вывод решительно противоречит духу и букве соответствующего места в книге Ленина, где ясно говорится о *землевольтцах*, расколовшихся на чернопередыльцев и народовольцев.

реформа“ и пролетарски-крестьянская революция», «Памяти Герцена», «О народничестве», «Критические заметки по национальному вопросу», «Народники о Н. К. Михайловском», «Из прошлого рабочей печати в России» и др. Весьма важны заметки В. И. Ленина, сделанные им на монографиях о Чернышевском Г. В. Плеханова и Ю. М. Стеклова, а также ряд писем Ленина.

Впервые в опубликованном произведении В. И. Ленин широко охарактеризовал ряд существенных взглядов Н. Г. Чернышевского и свое отношение к ним в труде (незаконном), направленном против так называемых «друзей народа» — либеральных народников (затрагивавшем вместе с тем самый широкий круг вопросов — социологических и философских, политических и экономических).

Мы в предыдущем разделе уже приводили из этого труда слова о тех временах, «когда Франция разливала по всей Европе идеи социализма» и когда восприятие этих идей давало в России теории и учения Герцена, Чернышевского. Выражая возмущение тем, что либеральные народники претендуют быть хранителями традиций этих времен, а на самом деле «пачкают» идеалы социалистов той эпохи, В. И. Ленин указывал, в чем состояли эти идеалы. Это были: *«Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни; отсюда — вера в возможность крестьянской социалистической революции»*.¹² В этом выводе Ленин обобщал воззрения представителей старого русского крестьянского социализма — и времени Герцена — Чернышевского, и 70-х годов (хотя вера в «особый уклад» и «общинный строй», конечно, имела различные оттенки, в частности, она у Герцена и Чернышевского не была полностью идентичной).

В том же труде В. И. Ленин дал развернутую оценку взглядов Чернышевского на крестьянскую реформу, с которыми он горячо солидаризировался. Ленин решительно и энергично противопоставлял эти взгляды воззрениям либерального народничества.

Для характеристики позиции Чернышевского В. И. Ленин использовал вступительные страницы из статьи Чернышевского «Критика философских предубеждений против общинного владения», напечатанной в декабрьской книге «Современника» за 1858 г., а также роман «Пролог», написанный Чернышевским на каторге и изданный впервые за рубежом редакцией журнала «Вперед» в 70-х годах.¹³ При этом Ленин

¹² В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»... стр. 271.

¹³ Не располагая, очевидно, во время работы над своей незакон-

снабдил цитаты из Чернышевского замечательным по силе и остроте комментарием. Он подчеркивал те места, которые, как он писал, «рельефнее показывают глубокое и превосходное понимание Чернышевским современной ему действительности, понимание того, что такое крестьянские платежи (т. е. выкуп земли, — *Ш. Л.*), понимание антагонистичности русских общественных классов».¹⁴ Цитируя из «Пролога» речи Волгина (в образе которого Чернышевский вывел себя и в словах которого звучали мысли самого автора), В. И. Ленин писал: «Нужна была именно гениальность Чернышевского, чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы... понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер, — чтобы понимать, что уже тогда в русском „обществе“ и „государстве“ царили и правила общественные классы, бесспорно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства». Слова Волгина: «Если сказать правду, пусть лучше [крестьяне] будут освобождены без земли» — Ленин разъяснял следующим образом: «если так сильны у нас крепостнические помещики, пусть лучше выступают они открыто, прямо и договаривают до конца, чем прятать эти же крепостнические интересы под компромиссами лицемерного абсолютного правительства».¹⁵ Ленин, цитируя дальше Волгина-Чернышевского, подчеркивал: «Чернышевский понимал, что русское крепостническое-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т. е. ниспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести „мерзость“, жалкий компромисс интересов либералов (выкуп — та же покупка)¹⁶ и помещиков, compro-

---

ной книгой лондонским изданием романа «Пролог», В. И. Ленин, как он указывает в списке, цитировал его по статье (первой) Плеханова в обозрении «Социал-демократ». В ленинском тексте встречаются незначительные отклонения от цитат, приведенных в «Социал-демократе».

¹⁴ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»... стр. 290. При цитате из «Критики философских предубеждений» В. И. Ленин счел необходимым отметить, что «чисто революционные идеи Чернышевский «умел излагать в подцензурной печати» (там же). Насколько важной он признавал эту заслугу Чернышевского, показывает то обстоятельство, что он позднее дважды к этой стороне деятельности Чернышевского возвращался. В 1901 г. Ленин говорил о могучей проповеди Чернышевского, «умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров» (Гонители земства и Апприбалы либерализма. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 29). В 1911 г. В. И. Ленин указывал, что Чернышевский идею крестьянской революции проводил «через препоны и рогадки цензуры» («Крестьянская реформа» и пролетарско-крестьянская революция. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 175).

¹⁵ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»... стр. 291.

¹⁶ Слова «выкуп — та же покупка» — цитата из речей Волгина-Чернышевского. В. И. Ленин слова напоминал это положение Черны-

мисс, падающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий их с головой помещикам. И он протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов». ¹⁷

Безоговорочно положительные оценки позиции Н. Г. Чернышевского по отношению к крестьянской реформе В. И. Ленин давал неоднократно на протяжении многих последующих лет. При этом он неизменно противопоставлял позиции Чернышевского и людей его круга позициям либералов. В «Гонимых земства», имея в виду, разумеется, Чернышевского и его последователей, Ленин писал: «Каторга — тому, кто предпочитал молчать, чем извергать тугоумные или лицемерные хвалы „великому освобождению“; реформы (безвредные для самодержавия и для эксплуататорских классов реформы) тем,

---

певского в начале XX в. при обсуждении в редакции «Искры» аграрной части проекта партийной программы. Он возражал тогда против допущения выкупа земель, как противоречащего «социально-революционному характеру» партийных требований, и при этом писал: «„Выкуп“ и по исторической традиции (выкуп 1861 г.) и по своему содержанию (ср. знаменитое: «выкуп — та же покупка») носит специфический привкус пошло-благонамеренной и буржуазной меры» (Полнравка к аграрной части проекта программы. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 239).

¹⁷ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»..., стр. 292. В замечаниях на статью П. В. Долгорукова, предназначавшуюся для «Современника», написанных после «Критики философских предубеждений» (и статья, и замечания были запрещены), оспаривая проект Долгорукова, Чернышевский пытался в легальной статье высказать частью то, что впоследствии было выражено им в речах Волгина: «Нет, лучше уже вовсе не давать ничего, ни земли полевой, ни усадеб, нежели давать землю в таком урезанном, ни на что не годном количестве. Тогда по крайней мере он (крестьянин, — Ш. Л.) хотя будет прямо знать, какая судьба ему готовится... Нет, лучше пусть не будет освобождения крестьян, лучше пусть останется крепостное право, если освобождение должно быть куплено таким разорением для всех поселен» (Полн. собр. соч., т. V, М., 1950, стр. 495). По свидетельству ишутница П. Ф. Николаева, при обсуждении среди каторжан того же круга вопросов Чернышевский сожалел о том, что не победила во время реформы «откровенно крепостническая партия дворянства» и крестьяне не были «освобождены» без земли: «Тогда немедленно произошла бы катастрофа» (Николаев. Личные воспоминания о пребывании Николая Гавриловича Чернышевского в каторге (в Александровском заводе). 1867—1872 гг. Пг., 1917, стр. 19). Немедленная катастрофа — это именно тот «крах», выводящий Россию на «дорогу открытой борьбы классов», о котором писал еще в первой половине 90-х годов В. И. Ленин, принявательно истолковывая мысли Н. Г. Чернышевского.

кто захлебывался либерализмом правительства и восторгался эрой прогресса».¹⁸

В 1907 г. в проекте речи по аграрному вопросу, предназначенной для выступления одного из большевистских депутатов во II Государственной думе, В. И. Ленин напомнил об отношении к реформе 1861 г. «великого русского писателя» Николая Гавриловича Чернышевского, замученного налачами правительства. По словам Ленина, итоги выкушной операции за 46 лет подтвердили, что Чернышевский был прав, когда писал: лучше была бы добровольная сделка крестьян с помещиками, чем «освобождение» с выкупом через помещичьи губернские комитеты, тогда с крестьян не могли бы содрать столько.¹⁹

50-летие падения крепостного права — в 1911 г. — дало повод В. И. Ленину снова и снова ставить вопрос о роли Чернышевского в период реформы, о столкновении либеральной, реформистской и демократической тенденций, о различии «идейно-политических направлений» либерала Кавелина, с одной стороны, и Чернышевского — с другой.²⁰ Были уже тогда, указывал Ленин, в России «революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой „крестьянской реформы“, весь ее крепостнический характер». Чернышевского Ленин называл главой этих революционеров. Либералы 60-х годов и Чернышевский характеризовались В. И. Лениным как представители двух «исторических тенденций», которые со времени реформы и вплоть до 10-х годов XX в. «определяют исход борьбы за новую Россию».²¹

Именно тогда В. И. Ленин дал свою знаменитую характеристику Чернышевского как в одно и то же время утопического социалиста и революционного демократа (кстати, сам Чернышевский в своей известнейшей работе, опубликованной в 1860 г., «Антропологический принцип в философии», употребил термин «революционный демократ», применив его там к Жан-Жаку Руссо).²² Раскрывая это понятие, В. И. Ленин писал, что революционный демократ Чернышевский «умел влиять

¹⁸ В. И. Ленин. Гонители земства и Аннибалы либерализма, стр. 30.

¹⁹ В. И. Ленин. Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 152—153.

²⁰ В. И. Ленин. По поводу юбилея. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 165.

²¹ В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарско-крестьянская революция, стр. 174—175.

²² Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. VII, М., 1950, стр. 223. Ср.: Л. Э. Варустиш. Журнал «Русское слово». 1859—1866. Л., 1966, стр. 181.

на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей». И, противопоставляя Чернышевского либералам 60-х годов, Ленин указывал, с прямым и полным сочувствием к оценке великого демократа, что Чернышевский назвал этих либералов «*болтунами, хвастунами и дурачьем*», ибо он «ясно видел их боязнь перед революцией, их бесхарактерность и холопство перед властью имущими»²³ (Ленин имел в виду характеристику либералов Волгиным-Чернышевским в романе «Пролог»).

Два года спустя, в одной из статей в газете большевиков «Правда», В. И. Ленин, сопоставляя современную расстановку сил на общественной арене с положением «при отмене крепостного права», писал: «Последовательные демократы Добролюбов и Чернышевский справедливо высмеивали либералов за *реформизм*, в подкладке которого было всегда стремление укоротить активность масс и отстоять кусочек привилегий помещиков, вроде выкупа и так далее»²⁴

О последовательно-демократическом и мужественном поведении Чернышевского, как и Добролюбова, в период реформы В. И. Ленин опять вспоминал, критикуя реформизм социал-демократов Каутского и Турати, в одной из статей периода первой мировой войны (буквально в канун свержения самодержавия в России). Он ставил в пример социал-демократам реформистам вождей русских революционных демократов периода падения крепостного права: «... даже в крепостной России Добролюбов и Чернышевский умели говорить правду то молчанием о манифесте 19 февраля 1861 г., то высмеиванием и шельмованием тогдашних либералов, говоривших точь-в-точь такие речи, как Турати и Каутский»²⁵

Неуклонная и систематическая критика либерализма Чернышевским являлась одной из тех существеннейших сторон в его деятельности, которую высоко ценил и горячо одобрял В. И. Ленин. Говоря о том, что Чернышевский был по сравнению с Герценом «гораздо более последовательным и боевым демократом», что от «его сочинений веет духом классовой борьбы», Ленин подчеркивал, что он проводил резко «линию разоблачений измен либерализма», которая «донныне (напи-

²³ В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарско-крестьянская революция, стр. 175.

²⁴ В. И. Ленин. Либералы и свобода союзов. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 113.

²⁵ В. И. Ленин. Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 251.

сано в 1914 г., — *Ш. Л.*) ненавистна кадетам и ликвидаторам».²⁶

Н. К. Крупская, выступая на заседании, посвященном столетию со дня рождения Н. Г. Чернышевского, говорила: «... Чернышевский заразил его (*Ленина, — Ш. Л.*) своей непримиримостью в отношении либерализма. Недоверие к либеральным фразам, ко всей позиции либерализма проходит красной нитью через всю деятельность Ленина. Если мы возьмем сибирскую ссылку, протест против „Кредо“, возьмем разрыв со Струве, затем непримиримую позицию, которую Ленин занял по отношению к кадетам, по отношению к ликвидаторам-меньшевикам, которые были готовы пойти на сделку с кадетами, мы видим, что Владимир Ильич держался той же непримиримой линии, которой держался Чернышевский по отношению к либералам, предавшим крестьянство во время реформы 1861 г.»²⁷ Потом, в одной из самых поздних своих статей, посвященной столетию со дня рождения Н. А. Добролюбова, Н. К. Крупская отмечала, что Чернышевский и Добролюбов научили Ленина «с ранней молодости внимательно вглядываться в жизнь, воспитали в нем особую настороженность к либеральному фразерству, научили ненавидеть либерализм, а главное — воспитали в нем громадный интерес к вопросу крестьянской революции».²⁸

Расхождение по вопросу об отношении к либерализму было одной из причин, вызвавших критический подход В. И. Ленина к определенным сторонам книги Г. В. Плеханова о Чернышевском, вышедшей в последние месяцы 1909 г. Здесь Плеханов заметно отступил от текста своих статей о Чернышевском, опубликованных примерно за двадцатилетие до того в зарубежном обозрении группы «Освобождение труда» «Социал-демократ». В 1890 г. Плеханов, стоявший на революционно-марксистских позициях, сочувственно говорил о совершенно беспощадном отношении Чернышевского к «либеральной партии» 60-х годов, о том, что Чернышевский не

²⁶ В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

²⁷ Н. К. Крупская о Ленине, стр. 81—82.

²⁸ Н. К. Крупская. Об искусстве и литературе. Статьи, письма, высказывания. Подготовка текста, вступительная статья и примечания И. С. Эвентова. Л.—М., 1963, стр. 161. Ср. также незаконченную рукопись Н. К. Крупской «О методах работы В. И. Ленина», опубликованную впервые в «Вопросах истории КПСС», 1960, № 2 (перепечатана в сб.: Н. К. Крупская о Ленине), где она говорит о том же: что Ленин от Чернышевского унаследовал недоверие к либерализму и ненависть к либеральному фразерству, и «это наложило печать на всю его деятельность» (Н. К. Крупская о Ленине, стр. 350).

упускал случая посягнуть над русскими либералами, отличительными качествами которых считал трусость, недалекость, узость взглядов, бездеятельность и болтливую хвастливость. Приведя отрывок из статьи Чернышевского «Русский человек на rendez-vous», Плеханов заключал: «Нам никогда не случалось читать такой злой и вместе до такой степени меткой характеристики российского либерализма».²⁹ В поздней своей книге Плеханов изменил текст, и изменения были направлены к смягчению критики либерализма. В. И. Ленин отметил, с безусловным осуждением, изменение к худшему (выброшена была фраза о злой и меткой характеристике либерализма) и, по поводу другого места плехановской книги, подчеркнуто написал: «Из-за теоретического различия идеалистического и материалистического взгляда на историю Плеханов просмотрел практически-политическое и классовое различие либерала и демократа».³⁰ Сам Ленин придавал этому различию громадное значение и примиренческую тенденцию в отношении либерализма со стороны ставшего меньшевиком Плеханова решительно отвергал. В. И. Ленин отметил и общую отрицательную черту книги Г. В. Плеханова, написав по поводу слов последнего о том, что Чернышевский, подобно Фейербаху, сосредоточивает свое внимание почти исключительно на «теоретической» деятельности человечества: «Таков же недостаток книги Плеханова о Чернышевском».³¹

В связи с революционным демократизмом Н. Г. Чернышевского представляет большой интерес внимание, проявленное В. И. Лениным к вопросу о практической (в тесном смысле слова) революционной деятельности Чернышевского. Вопрос, вследствие недостатка вполне достоверных источников не разъясненный до конца во всей полноте даже до настоящего времени, в досоветской исторической литературе ставился не очень ясно и отчетливо и вызывал немало споров и противоречивых суждений.

Еще Плеханов в 1890 г. не находил «ничего невероятного» в предположении, что Чернышевский «принадлежал к какому-нибудь революционному обществу»; напротив, писал он, «такое предположение даже вполне вероятно».³² Того же вопроса потом касались, среди других, Л. Э. Шипко, Н. С. Русанов (ссылавшийся на свидетельство Н. В. Шелгунова), М. К. Лемке. Довольно подробные рассуждения по этому по-

²⁹ Г. В. Плеханов, Соч., т. V, стр. 84--85.

³⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 553, 560.

³¹ Там же, стр. 550.

³² Г. В. Плеханов, Соч., т. V, стр. 113.

воду имелись в книге Ю. М. Стеклова о Чернышевском, появившейся в 1909 г. Приводя данные и соображения Лемке, Русанова и других авторов, сам Стеклов — в то время³³ — высказывался очень неопределенно и крайне осторожно. В. И. Ленин весьма внимательно отнесся к материалу книги Стеклова, касающемуся вопросов об отношении Чернышевского к обществу «Земля и воля», к «Молодой России», об авторстве «Великорусса», воззвания «К барским крестьянам» и т. д.³⁴ Конечно, форма пометок во многих случаях не позволяет сделать бесспорные, безошибочные заключения о том, каково было отношение В. И. Ленина к тем или иным суждениям автора. Все же очень, например, характерны и показательны пометки В. И. Ленина, относящиеся к заключительным, обобщающим выводам Стеклова на стр. 391—392 его книги. Ленин поставил два знака вопроса при словах Стеклова: «Сопоставляя все, что нам известно о жизни Чернышевского, о его характере и взглядах, мы в конце концов не решаемся категорически ответить на вопрос о непосредственном его участии в революционном движении». Далее Ленин частично перенумеровал и в нескольких местах подчеркнул соображения Стеклова насчет того, что Чернышевский знал о всех существенных проявлениях тогдашнего революционного движения, что непосредственные участники последнего совещались с ним и считались с его указаниями, что во всяком случае они почерпнули из бесед с ним и из его сочинений убеждение в необходимости практических попыток, что он был знаком с большим тогдашним революционным деятелем, что он пользовался огромным влиянием на демократические элементы русского общества и был кумиром революционной молодежи. Двумя линиями на полях и подчеркиванием в самом тексте Ленин отметил слова Стеклова, несомненно считая этот вывод бесспорным: «... Чернышевский был идейным вождем и вдохно-

³³ Впоследствии, во втором, весьма расширенном издании (уже двухтомном) своего труда, вышедшем к столетию со дня рождения Н. Г. Чернышевского, Стеклов радикально изменил в этом вопросе ряд своих мнений. Он теперь, в частности, склонился к мнению, что Чернышевский стоял у колыбели «Земли и воли» 60-х годов и был одним из руководителей если не самого общества, то во всяком случае тех, кто находился в его центре.

³⁴ Подробный анализ пометок В. И. Ленина на книге Ю. М. Стеклова содержится в статье В. Я. Зевина «Ленин о Чернышевском» (послесловие к публикации «Пометки В. И. Ленина на книге Ю. М. Стеклова „Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность“»), напечатанной в «Литературном наследстве» (т. 57, М., 1959), и в его же статье «В. И. Ленин о революционной ситуации в России в конце 1850-х—начале 1860-х годов», опубликованной в сборнике «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» (М., 1960).

вителем тогдашнего революционного движения». ³⁵ В настоящее время в результате исследований советских историков — М. В. Нечкиной, Б. П. Козьмина, Я. И. Линкова, С. А. Рейсера, В. Я. Зевина и ряда других — установлено немало достоверных данных, свидетельствующих о выдающейся роли Чернышевского — иногда инициативной, иногда непосредственно руководящей — в практическом революционном движении 60-х годов.

В. И. Ленин писал, как уже выше отмечено, о слитности, неразъединимости в эпоху Чернышевского — и, конечно, у самого Чернышевского — демократизма и социализма. ³⁶ При этом речь шла о неразрывном соединении революционного демократизма с утопическим социализмом. «Наш русский великий утопист», «величайший представитель утопического социализма в России», «русский великий социалист домарковского периода» — таковы определения, дававшиеся В. И. Лениным Чернышевскому, повторявшиеся им начиная с 1890-х и до начала 1920-х годов. ³⁷

---

³⁵ «Литературное наследство», т. 67. М., 1959, стр. 57—58. Касаясь вопроса о дореволюционных попытках разрешения проблемы практической революционной деятельности Н. Г. Чернышевского, любознательно обратит внимание на две статьи в дополнительных томах «Большой энциклопедии» товарищества «Просвещение», вышедшей под редакцией С. Н. Южакова — литератора и деятеля преимущественно либерально-народнического направления, однако свою общественную деятельность начинавшего в конце 60-х годов, имевшего широкие связи и с шестидесятниками, и с семидесятниками (в частности, связанного с участником «Земли и воли» 60-х годов А. А. Слепцовым). В статье «Земля и воля» упомянутого издания говорилось: «Есть основание думать, что основателем и руководителем этой организации был Н. Г. Чернышевский, имевший своим доверенным помощником А. А. Слепцова» (Большая энциклопедия, т. 21, 1907, стр. 377—378). В статье «Чернышевский, Николай Гаврилович» читаем: «Нельзя сомневаться, что Ч[ернышевский] руководил тогдашним политическим движением, сосредоточивая у себя направляющую деятельность многих кружков» (там же, т. 22, 1909, стр. 645). В том же 22 томе в статье о Слепцове говорится о том, что Чернышевский «втайне» руководил «всем политическим движением того времени».

³⁶ Ту же черту по существу В. И. Ленин отмечал для следующего этапа освободительного движения, когда писал о пореформенном времени: «Росли силы демократии и социализма — сначала смешанных воедино в утопической идеологии и в интеллигентской борьбе народолюбцев и революционных народников, а с 90-х гг. прошлого века начавших расходиться по мере перехода от революционной борьбы террористов и одиночек-пропагандистов к борьбе самих революционных классов» («Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, стр. 176).

³⁷ В. И. Ленин. 1) Перлы народнического прожектерства. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 494; 2) Народники о Н. К. Михайловском. Там же, т. 24, стр. 335; 3) Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Там же, т. 41, стр. 55.

Ленинская оценка безусловно противостоит попыткам, исходившим и от народнических, и от буржуазно-либеральных, а также — в виде исключения — от социал-демократических и даже советских авторов, доказать, прямо или косвенно, с теми либо другими оговорками, что Чернышевский не был утопистом. Так, Л. Э. Шишко, видный деятель революционно-народнического движения 70-х годов, а впоследствии эсер, в начале 900-х годов утверждал, что Чернышевский создал «особую русскую школу научного социализма».³⁸ Один из эпигонов народничества Р. В. Иванов-Разумник со своей стороны утверждал, что Чернышевский «не был никогда» утопическим социалистом.³⁹ «Я полагаю, что утопическим социалистом Чернышевский не был», — заявлял в 1909 г. известный экономист-либерал, в прошлом «легальный марксист» М. И. Туган-Барановский, оговариваясь при этом: «Этим я вовсе не хочу сказать, что Чернышевский был марксистом».⁴⁰

Схожие, при тех или других отличиях, голоса, повторяем, раздавались иногда из лагеря социал-демократии. В 1899 г. в связи с 10-летием со дня смерти Н. Г. Чернышевского газета «Экономистов» «Рабочая мысль» высказалась о его наследии в отдельном приложении; в том же году, несколько раньше, «Рабочая мысль» посвятила этой же дате передовую статью в своем № 7. Выступления «Рабочей мысли» были резко направлены против плехановских трудов о Чернышевском (после серии статей в «Социал-демократе» Плехановым в 1894 г. была выпущена на их основе по-немецки книга о Чернышевском). Редакция «Рабочей мысли» провозглашала Чернышевского «основателем рабочего социализма в России», «основателем научного объяснения исторического развития», приводились по рубрикам (рабочий вопрос, рабочие и крестьяне, община и т. д.) цитаты из Чернышевского, которые должны были «опровергнуть» положение о принадлежности Чернышевского к утопическому социализму.⁴¹ Выступление

³⁸ Л. Э. Шишко, Собр. соч. т. IV, Изд.—М., 1918, стр. 96.

³⁹ Иванов-Разумник. История русской общественной мысли, т. II. СПб., 1907, стр. 8.

⁴⁰ Памяти Николая Гавриловича Чернышевского. Доклады и речи Н. Ф. Анненского, М. А. Аятоновича, А. А. Корнилова, А. С. Поспикова и М. И. Туган-Барановского. (III отделение имп. Вольного экономического общества). СПб., 1910, стр. 9. В. И. Ленин был заинтересован этим сборником. В августе 1910 г. он заказывал его за границей для редакции партийного органа (см. его письмо, адресованное Д. М. Котляренко: Полн. собр. соч., т. 47, стр. 258).

⁴¹ «Рабочая мысль», № 7, июль 1899 г. (ср.: Ленин о Чернышевском. Под ред. И. И. Свворцова-Степанова, с предисловием и примечаниями Арк. Ломаккина. М.—Л., 1928, стр. 47—48); Библиотека «Рабочей

«Рабочей мысли» вызвало решительную отповедь со стороны В. И. Ленина в статье «Попытное направление в русской социал-демократии», написанной в конце 1899 г. (в то время ее не удалось напечатать) и подвергавшей вообще сокрушительной критике позиции «экономистов». Здесь Ленин отметал ошибочные взгляды «Рабочей мысли» на либеральную оппозицию, к чему припутывалось, как писал Ленин, «имя великого русского социалиста, Н. Г. Чернышевского». «Н. Г. Чернышевский, — указывал Ленин, — именно потому и высмеивал беспощадно „передовые слои русского общества“, что они не понимали необходимости формальных требований правительству и безучастно смотрели на гибель революционеров из их среды под ударами самодержавного правительства». «Рабочая мысль», продолжал Ленин, «в этом случае так же бессмысленно цитирует Чернышевского, как бессмысленны надерганные во второй статье „Отдельного приложения“ отрывки цитат из Чернышевского, стремящиеся показать, будто Чернышевский не был утопистом и будто русские социал-демократы не оценили всего значения „великого русского социалиста“. Шеханов в своей книге о Чернышевском (статьи в сборнике «Социал-демократ», изданные отдельно книгой по-немецки) вполне оценил значение Чернышевского и выяснил его отношение к теории Маркса и Энгельса. Редакция же «Раб. мысли» обнаружила только свое неумение дать сколько-нибудь связную и всестороннюю оценку Чернышевского, его сильных и слабых сторон».⁴²

Примерно через десять лет В. И. Ленин столкнулся, правда, далеко не со столь вульгарной, более утонченной, обставленной разными оговорками, попыткой преуменьшить утопизм социалистических взглядов Чернышевского в книге Ю. М. Стеклова «Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность», о которой у нас уже была речь. Надо сказать, что то первое издание работы Стеклова в целом даже произвело на В. И. Ленина, судя по одному из его писем к А. М. Горькому, благоприятное впечатление: желая содействовать в приискании работы высланному из Петербурга Стеклову, Ленин характеризовал Горькому Стеклова как автора «хорошей книги» о Чернышевском.⁴³ Тем не менее пометки Ленина на книге Стеклова свидетельствуют о том, что он в ней нашел немало сомни-

---

мысли», № 9; К десятилетию смерти Чернышевского 17 октября. Изд. Петербургского «Союза», 1899 (также отдельное приложение к «Рабочей мысли», изд. Петербургского «Союза», сентябрь 1899).

⁴² В. И. Ленин. Попытное направление в русской социал-демократии. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 258—259.

⁴³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, стр. 32 (письмо от апреля 1911 г.).

тельного, спорного или просто неверного. В частности, это относится к явно проглядывавшему у Стеклова уже тогда стремлению, так сказать, «улучшить» Чернышевского, загушевать в той или иной мере слабые стороны в его воззрениях. Так, Стеклов (и это вызвало недоумение у Ленина) старался доказать преобладающий материалистический характер взглядов Чернышевского в социологии.⁴⁴ Прямой протест со стороны Ленина вызвало утверждение Стеклова, что от «системы основателей научного социализма» Маркса и Энгельса «мировоззрение Чернышевского» (речь шла непосредственно о понимании Чернышевским истории человечества) «отличается лишь отсутствием систематизации и определенности некоторых терминов».⁴⁵ Когда Стеклов в стремлении «оправдать» некоторые утопические схемы Чернышевского, которые он формулировал как допущение частичного осуществления социализма в рамках буржуазного строя, сослался на решение конгрессов I Интернационала и еще марксистскую работу Каутского, Ленин выразил резкое несогласие.⁴⁶ Есть доля истины в заключении советского историка В. Я. Зевина (хотя оно выражено все же слишком прямолинейно), что Стеклов «по существу стирал грань между марксизмом и учением Чернышевского».⁴⁷ Отмечая, что в одновременно вышедшей книге Плеханова загушевывалось революционно-демократическое содержание идей и деятельности Чернышевского, тот же автор высказывает мнение, что в статьях «„Крестьянская реформа“ и пролетарски-крестьянская революция» и «Памяти Герцена» Ленин критиковал не только либеральную и реакционную литературу о русской общественной мысли, но и ошибочные концепции книг Плеханова и Стеклова (мы добавили бы, что и ряда других писателей).

Напомним сейчас классическую формулировку В. И. Ленина из статьи «„Крестьянская реформа“ и пролетарски-крестьянская революция», частью уже приводившуюся: «Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма. Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также револю-

---

⁴⁴ «Литературное наследство», т. 67, стр. 13.

⁴⁵ Там же, стр. 22—23.

⁴⁶ Там же, стр. 30—32.

⁴⁷ Там же, стр. 65.

ционному демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей». ⁴⁸ Подчеркивая революционный характер мировоззрения и деятельности Н. Г. Чернышевского, его ориентацию на народную массу, что, конечно, было органически связано с общим, присутствующим Чернышевскому и его соратникам пониманием исторической роли масс, В. И. Ленин выявлял существенные особенности утопического социализма Чернышевского, сочетавшегося самым неразрывным образом с революционным демократизмом и отличавшегося от преобладавших в западном утопизме тенденций. Приводившиеся высказывания В. И. Ленина о Чернышевском фиксируют внимание и на такой особенности его взглядов, в сравнении с широко распространенными в ряде ветвей западного утопизма, как признание необходимости и незаменимости политической борьбы. В этой связи надо еще указать на то, что Ленин с явным одобрением подчеркнул в книге Пнеханова мысль о том, что Чернышевский на деле стал «человеком непримиримой политической борьбы» и что «жажда борьбы сказывается едва ли не в каждой строке каждой из его статей, относящихся к 1861 г. и в особенности к роковому для него 1862 году». ⁴⁹

⁴⁸ В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, стр. 175. Отметим здесь, что модернизаторские тенденции, в значительной мере уже нашедшие выражение в книге Стеклова о Чернышевском 1909 г., гораздо сильнее еще проявились в его двухтомной монографии о Чернышевском 1928 г. и в других его работах, вышедших в советские годы. Подводя итоги дискуссии, развернувшейся к столетию со дня рождения Чернышевского в обществе историков-марксистов, М. В. Нечкина писала: «Ю. Стеклов „обольшевичил“ Н. Г. Чернышевского, натянул его на Маркса, приписал ему неправильную роль „русского Маркса“, подошел к изучению Чернышевского с неправильным историческим масштабом, не учел всех особенностей окружавшей Чернышевского исторической действительности, одним словом, не дал правильного марксистского анализа Чернышевского, — таковы были основные положения, выдвинутые в споре со Стекловым» («Историк-марксист», т. 10, 1928, стр. 211). В частности, Ю. М. Стеклов спорил с В. И. Лениным по вопросу о роли общины во взглядах Чернышевского, походя тут якобы «обычное недоразумение», утверждая, что Чернышевский связывал «будущую возможную роль» общины с социальной революцией на Западе и полностью приравнивал воззрения Чернышевского на общину ко взглядам Маркса и Энгельса (Ю. Стеклов. Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность, т. I. М.—Л., 1928, стр. 580—589; см. также его выступление в обществе историков-марксистов («Историк-марксист», т. 8, 1928, стр. 138) и рецензию на издание «Ленин о Чернышевском» («Каторга и ссылка», 1929, № 2, стр. 179)).

⁴⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 571.

Следует напомнить тут же еще об одном ленинском положении, важном при определении характера социалистических взглядов Чернышевского. «Он был, — пишет Ленин, — замечательно глубоким критиком капитализма, несмотря на свой утопический социализм».⁵⁰

Среди произведений В. И. Ленина, связанных с темой «Чернышевский», видное место занимает статья «От какого наследства мы отказываемся?», писавшаяся в сибирской ссылке в конце 1897 г., очевидно, с расчетом на опубликование ее в марксистском легальном журнале «Новое слово» и появившаяся впервые, после закрытия «Нового слова» правительством, в 1898 г. в книге Ленина (под псевдонимом Владимира Ильина) «Экономические этюды и статьи». Непосредственным поводом для написания статьи явилось очередное выступление в «Русском богатстве» (в октябрьском номере 1897 г.) Н. К. Михайловского против русских марксистов. В литературном обзоре Михайловского содержались нападки на «Новое слово», в частности на одну из статей Каменского (Плеханова), которого автор не отделял от Волинского, Якова Абрамова и других «отказывающихся от наследства». При этом заявлялось, что вообще сторонники диалектического материализма, т. е. марксисты, «не желают состоять ни в какой преемственной связи с прошлым и решительно отказываются от наследства», напоминалось заодно о старых (1891 г.) статьях в реакционных «Московских ведомостях» небезызвестного В. Розанова «Почему мы отказываемся от наследства», «В чем главный недостаток наследства 60—70-х годов?»⁵¹ «В этом отзыве г-на Михайловского о „русских учениках“ масса фальши, которую «повторяют уже давно чуть ли не все представители либерально-народнической прессы», — писал Ленин и заявлял, что чрезвычайная распространенность подобных выдумок, «плохих выдумок», побуждает «остановиться на подробном рассмотрении и опровержении их».⁵²

⁵⁰ В. И. Ленин. Из прошлого рабочей печати в России, стр. 94.

⁵¹ Н. К. Михайловский, Полн. собр. соч., т. VIII, СПб., 1914, стлб. 686—688.

⁵² В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? Полн. собр. соч., т. 2, стр. 507, 508. Отметим сразу же, что обвинения в «отказе от наследства», возникшие на первых этапах развития марксизма в России, несмотря на всю свою абсурдность и самые убедительные опровержения, не прекращались на протяжении десятилетий в литературе народников и близких к ним элементов (например, со стороны известного историка литературы С. А. Венгерова). Еще в 1914 г. «плохую выдумку» повторили Виктор Чернов в эсеровских «Заветах», Н. Ракитников в юбилейном (посвященном Михайловскому) номере эсеровской же газеты «Верная мысль».

Это не было первое опровержение Лениным подобной фальши. Еще в своем труде «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин касался по существу вопроса о «наследстве», о предшественниках русских марксистов. Одновременно с Лениным и Н. Е. Федосеев тогда решительно отбрасывал обвинения со стороны Михайловского по адресу русских социал-демократов в том, что они «попирают» «отцовские идеалы».⁵³

Теперь В. И. Ленин воспользовался ответом на обвинения со стороны противников марксизма для широкой постановки вопросов о «наследстве» 60-х годов, о соотношении между этим наследством и позднейшим народничеством, для разъяснения отношения русских марксистов к тому и другому.

Статья В. И. Ленина носит многоплановый характер. Наряду с непосредственной задачей опровержения распроданных, несмотря на всю свою несостоятельность и несправедливость, обвинений, перед Лениным, как показывают собственные его комментарии в письмах к А. Н. Потресову, стояли вопросы об очищении (необходимом, если оно «осуществимо») буржуазного либерализма от народничества, об отношении марксистов вообще к «русскому демократизму».⁵⁴ Громадная трудность заключалась в том, что сложные, весьма «деликатные», с цензурной точки зрения, вопросы русской общественной мысли нужно было осветить в легальной статье.

Отсюда прежде всего вытекало и то, что В. И. Ленин не мог прямо, неприкрыто вывести, так сказать, на сцену центральную фигуру 60-х годов — Н. Г. Чернышевского. В качестве представителя наследства этой эпохи в ленинской статье фигурирует Скалдин (Ф. П. Еленев) как автор книги «В захолустье и в столице», изданной в 1870 г. (а до того напечатанной в «Отечественных записках» донекрасовской и некрасовской поры, в 1867—1869 гг. отдельными очерками).⁵⁵ Используя книгу Скалдина — «писателя вообще чрез-

⁵³ Н. Федосеев, Статьи и письма, М., 1958, стр. 120—121 (письмо к Н. К. Михайловскому от 10 марта 1894 г.).

⁵⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, стр. 19, 27.

⁵⁵ «Мы не имеем в своем распоряжении никаких историко-литературных сведений и биографических данных о Скалдине», — писал Ленин (От какого наследства мы отказываемся? стр. 509). Под этим псевдонимом в конце 60-х годов печатался Ф. П. Еленев, свирепый цензор, преследовавший демократическую печать (см.: Б. П. Козьмин и П. Г. Е. Благосветлов и «Русское слово», «Современник», кн. I, М., 1922, стр. 151, 168; Ф. Кузнецов, Журнал «Русское слово», М., 1965, стр. 178, 361), но человек наблюдательный и располагавший ценными данными о пореформенных отношениях, которыми он сумел поделиться с публикой в своих очерках, в целом написанных со своеобразных либерально-консервативных или умеренно-консервативных позиций (не

вычайно умеренного»,⁵⁶ как писал Ленин, — в тех ее частях, где он подробно останавливался на крестьянских наделах и платежах, критиковал определенные стороны реформы 19 февраля, вскрывал вредную роль «отрезков» от крестьянской земли, осуждал общину, высказывал себя ярким врагом «круговой поруки, паспортной системы и патриархальной власти „мира“ в крестьянстве»,⁵⁷ призывал устранить препятствия свободному развитию крестьянства — унаследованные от крепостного права путы; сравнивая в этом смысле позиции Скалдина с точкой зрения экономистов и «просветителей» XVIII в., «веривших, что отмена крепостного права и всех его остатков создает на земле царство всеобщего благополучия»,⁵⁸ В. И. Ленин пришел к своей известной формулировке трех черт просветительства.

Нет, однако, никакого сомнения в том, что, определяя эти черты, В. И. Ленин отнюдь не ограничивался материалом, который давался Скалдиным, он вносил в свою формулу очень важные дополнительные свойства, во многом значительно выходявшие за рамки и отрицательных, и положительных (программных) элементов скалдинских позиций.

В конце первой главы своей статьи В. И. Ленин дал исключительно существенное примечание: «Нам возразят, пожалуй, что Скалдин не типичен для 60-х годов по своей вражде к общине и по своему тону. Но дело тут вовсе не в одной общине... Что же касается до его тона, то он действительно, пожалуй, не типичен по своей спокойной рассудительности, умеренности, постепенности и т. д. Недаром Энгельс назвал Скалдина *liberalconservativ*. Однако взять представителя наследства с более типичным тоном было бы, во-1-х, неудобно по разным причинам, а, во-2-х, могло бы породить недоразумение при параллели с современным народничеством...».⁵⁹ В письме к А. Н. Потресову от 26 января 1899 г. В. И. Ленин писал: «...принимать наследство от Скалдина именно я нигде не предлагаю. Что принимать наследство надо от других людей, — это бесспорно. Мне сдается,

без примеси там, где он касался идейно-политических моментов, прямой реакционности). Его книгой заинтересовался и обстоятельно ее проконспектировал К. Маркс (см. «Архив Маркса и Энгельса», тт. XI, XII). В дальнейшем он выступал с воинствующе-реакционными «произведениями» (например, книжка 1896 г. «тайного советника» Федора Еленева «О злоупотреблениях литературы и о действиях цензурного ведомства с конца пятидесятих годов по настоящее время...»).

⁵⁶ В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? стр. 511.

⁵⁷ Там же, стр. 512.

⁵⁸ Там же, стр. 518.

⁵⁹ Там же, стр. 520.

что защитой (от возможных нападений противников) для меня будет примечание..., где я имел в виду именно Чернышевского и мотивировал причины неудобства взять его для параллели».⁶⁰

В чем же В. И. Ленин видел главные черты русских просветителей — просветителей «от 40-х до 60-х годов»⁶¹ и особенно просветителей 60-х годов (Ленин говорит в одном месте о «большинстве литературных представителей 60-х годов»)?

Они были одушевлены «горячей враждой к крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области». Другая их характерная черта — «горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России». Третья черта — «отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние, и искреннее желание содействовать этому». В этих трех чертах, по мнению Ленина, заключалась суть того, что «у нас называют „наследством 60-х годов“».⁶²

Нужно учитывать особенности формулировок, связанные с вынужденным приспособлением к цензурным условиям. Много лет спустя, касаясь либеральных и ликвидаторских толков о желательности «европеизации» России, В. И. Ленин указывал, что конституция, «установившиеся в разных странах Европы, явились результатом долгой и тяжелой классовой борьбы между феодализмом и абсолютизмом — с одной стороны, буржуазией, крестьянами и рабочими — с другой».

⁶⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 46, стр. 18—19. «Нападения» противников, не понявших или, скорее, не желавших понять мысли Ленина, не замедлили последовать. Так, П. П. Маслов в № 3 «Научного обозрения» за 1899 г., толкуя Ленина так, будто он идеологию русских марксистов считает «наследством» от либералов-просветителей 60-х годов, писал: «Представительство интересов производителей, как таковых, унаследовали идеологи бесхозяйственного производителя (т. е. пролетариата, — *Ш. Л.*), развивши основные идеи Чернышевского и давши им научное обоснование». Бердяев, тогда еще не окончательно оторвавшийся от «легального марксизма», со своей стороны писал: «Если наше „наследство“ только либерально-просветительное, то куда же девалось завещание автора „Что делать?“» (Николай Бердяев. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. СПб., 1901, стр. 7). А. Н. Потресов, будущий меньшевик, как и Маслов, сначала в сравнительно осторожной, а впоследствии в резкой и грубой форме выступил против ленинской статьи.

⁶¹ В. И. Ленин. От какого наследства мы отказываемся? стр. 520.

⁶² Там же, стр. 519.

Ленин высмеивал либералов, которые хотят, чтобы в России сложился «европейский уклад без той тяжелой борьбы, которая создала его в Европе!».⁶³ Уничтожение самодержавия, свобода, ликвидация не только крепостного права, но и всех его пережитков в любой области общественной и государственной жизни, торжество интересов народных, главным образом крестьянских, масс — такова была, по Ленину, программа русского просветительства 60-х годов. «Горячая защита просвещения» — одна из специфических особенностей просветительства — должна пониматься в широком смысле, обнимающем не только школу, народное образование, но борьбу за передовую науку против умственного мрака, суеверий, всего отжившего, отсталого, борьбу за победу разума и света.

Лишь в сильно ограниченном и урезанном виде такие требования, стремления, лозунги были свойственны просветителям либерального толка.⁶⁴ В полном составе и значении намеченные В. И. Лениным черты просветительства были характерны для просветительства демократического, революционного, лучшими представителями которого были Чернышевский, Добролюбов, а также, в основе своих воззрений, и Писарев.

В нашей историографии было высказано мнение, что к просветителям принадлежали не все революционеры 60-х годов, что к просветителям нельзя относить Герцена и Огарева, так как они были «принципиальными противниками „европеизации“ России».⁶⁵ С этим трудно согласиться. Автор (Б. Козьмин), видимо, толковал понятие «европеизации» именно в смысле восприятия целиком западных экономических порядков. При всех различиях между Чернышевским и Герценом в оценке Запада в таком случае от просветительства можно было бы отлучить и Чернышевского, который между тем был, по правильной оценке Г. В. Плеханова, самым крупным, самым выдающимся из просветителей 60-х годов.⁶⁶

⁶³ В. И. Ленин. Возрастающее несоответствие. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 372.

⁶⁴ В качестве одного из представителей либерального просветительства В. И. Ленин называл редактора-издателя «Вестника Европы» М. М. Стасюлевича (От какого наследства мы отказываемся? стр. 519—520).

⁶⁵ Б. П. Козьмин. Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России. «Исторические записки», т. 65, 1959, стр. 205.

⁶⁶ Г. В. Плеханов. 1) Избр. философские произведения, т. V, М., 1958, стр. 238; 2) Соч., т. XXIII, М.—Л., 1926, стр. 163. Отметим

Определенные В. И. Лениным три черты просветителей 60-х годов, понятно, не исчерпывали полностью воззрений — философских, социально-политических, литературно-эстетических — Н. Г. Чернышевского. Здесь оставался, например, в стороне вопрос об общине, о крестьянском социализме. Но это не мешает признать огромную принципиальную важность, методологическое значение ленинских положений, относящихся к ряду коренных черт *«эпохи просветителей»*.

Вспомним, кстати, отзывы Маркса и Энгельса. Маркс в 1871 г. в одном из писем к Н. Ф. Даниельсону, указывая, что он отчасти знаком с сочинениями Н. А. Добролюбова, добавил, что он его ставит как писателя наравне с Лессингом и Дидро. В свою очередь Энгельс через несколько лет писал в одной из статей серии «Эмигрантская литература» о том, что Россия выдвинула в лице Добролюбова и Чернышевского «двух социалистических Лессингов».⁶⁷ Основоположники научного коммунизма отметили по существу просветительство

интересное совпадение. Одновременно со статьей В. И. Ленина «От какого наследства мы отказываемся?» Плеханов писал статью, известную под названием «Об „экономическом факторе“» (она не была в свое время напечатана), также направленную против обвинений Михайловского по адресу марксистов, даже против той же статьи последнего в № 10 «Русского богатства» за 1897 г. «Он прячется, — писал Плеханов, — за спину наших просветителей, а нас выдает за ожесточенных прагматов наследства, завещанного нам шестидесятью годами. Но... это — „исправа“». От 60-х годов, указывал Плеханов, осталось различное наследство, и учение самого Михайловского с его единомышленниками восходит к 60-м годам. Марксисты, заявлял Плеханов, унаследовали от 60-х годов «идеи Добролюбова и его друзей», им дороги «идеи добролюбовского кружка» (конечно, Плеханов имел в виду в первую очередь Чернышевского) (Избр. философские произведения, т. II, М., 1956). В нашей исторической, философской литературе, в работах наших литературоведов многократно отмечались существенные различия между ленинским и плехановским пониманием просветительства. В отличие от ленинского конкретно-исторического, в первую очередь социально-политического, подхода к этому явлению у Плеханова преобладало истолкование просветительства как рационалистического учения, связанного с идеалистическими посылками в области социологии и истории. «Мы знаем — распространение в России великих идей правды, науки, искусства составляло главную, можно сказать, единственную цель в жизни нашего автора», — писал Г. В. Плеханов в книге «Н. Г. Чернышевский» (СПб., 1910, стр. 74). Однако противопоставления плехановской и ленинской позиций в данном вопросе подчас грешат значительными излишествами. Некоторые справедливые замечания на этот счет можно найти в книге В. Г. Астахова «Г. В. Плеханов и Н. Г. Чернышевский» (Сталинабад, 1961). См. также: Б. А. Чагин, Г. В. Плеханов и его роль в развитии марксистской философии. М.—Л., 1963.

⁶⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, стр. 48, 226.

вождей русской революционной демократии (аналогия с Лессингом и Дидро) в сочетании с социалистическими взглядами.⁶⁸

Революционно-просветительские, демократические и социалистические воззрения Н. Г. Чернышевского нашли одно из проявлений в его отношении к национальной проблеме, в частности к польскому вопросу, на что прямо указывал В. И. Ленин. Чернышевский понимал связь между национальным вопросом и социальными отношениями. Признавая подчиненную роль первого перед последними, он вместе с тем с глубоким вниманием и горячим сочувствием относился к борьбе народов за национальное освобождение, осуждал положение, при котором «отдельная нация попирает для своей выгоды общечеловеческие интересы».⁶⁹ В Петербурге в конце 50-х—начале 60-х годов около Чернышевского группировались революционно настроенные деятели польского освободительного движения. В числе его ближайших друзей и последователей находился знаменитый деятель польского, литовского и русского революционного движения Зыгмунт Сераковский, который с большой симпатией выведен Чернышевским в романе «Пролог» под именем Соколовского. В защиту польского народа, против стремления националистических кругов разобщить и противопоставить друг другу украинцев и поляков была написана Чернышевским в «Современнике» за 1861 г. статья «Национальная бестактность». Впоследствии М. П. Драгоманов упрекал Чернышевского в том, что его статья была написана «с голоса польских исторических патриотов».⁷⁰ Нет сомнения, что — доживи Чернышевский на свободе до восстания 1863 г. — его позиция была бы сходна с позицией Герцена, который тогда спас честь русской демократии. Защищая, насколько позволяли цензурно-полицейские условия, дело восстания, «Современ-

---

⁶⁸ В литературе существует тенденция отрицать существование революционного просветительства. Например, Н. А. Троицкий утверждает, что «под условным термином „просветительство“ Ленин в данном случае (т. е. в статье «От какого наследства мы отказываемся?», — *Ш. Л.*) понимал „демократизм вообще“, т. е. антифеодалные воззрения, очищенные от народнической оболочки и от революционного тона» (Н. А. Троицкий. К вопросу о периодизации разночинского, или буржуазно-демократического, этапа в русском освободительном движении. (Материалы дискуссии). М., 1966, стр. 40). Эта точка зрения не может быть согласована с содержанием работы Ленина.

⁶⁹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 286—287.

⁷⁰ М. П. Драгоманов. Собрание политических сочинений, т. I, Париж, 1905, стр. 100 (работа начала 80-х годов «Историческая Польша и великорусская демократия»).

ник», оставшийся без своего главного идейного руководителя, следовал его заветам.

В. И. Ленин в статье 1914 г. «О праве наций на самоопределение» писал об эпохе 40—60-х годов XIX в., поддерживая точку зрения Маркса и Энгельса: «Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще небудным сном, пока в этих странах не было самостоятельных, массовых, демократических движений, *шляхетское* освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всевропейской». И к этим словам В. И. Ленин дал следующее примечание: «Было бы весьма интересной исторической работой сопоставить позицию польского шляхтича-повстанца 1863-го года — позицию всероссийского демократа-революционера Чернышевского, который тоже (подобно Марксу) умел оцелять значение польского движения, и позицию выступавшего гораздо позже украинского мещанина Драгоманова, который выражал точку зрения крестьянина, настолько еще дикого, сонного, приросшего к своей куче навоза, что из-за законной ненависти к польскому пану он не мог понять значения борьбы этих панов для всероссийской демократии. (Ср. «Историческая Польша и великорусская демократия» Драгоманова)».⁷¹

Огромное значение В. И. Ленин придавал воззрениям и творчеству Н. Г. Чернышевского как философа-материалиста. Ленин называл Чернышевского великим русским гегельянцем (имея в виду важные элементы диалектики у Чернышевского) и материалистом.⁷² По словам Ленина, Чернышевский «выступал в русской литературе еще в 50-х годах прошлого века как сторонник Фейербаха»⁷³ (это, конечно, не означает, что между Чернышевским и Фейербахом не было никаких совершенно различий — Чернышевский пошел в некоторых отношениях дальше Фейербаха, — вопрос, достаточно разработанный в советской философской литературе).

В. И. Ленин оценивал философское наследие Н. Г. Чернышевского как вполне действенный фактор современной ум-

⁷¹ В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 297.

⁷² В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 381.

⁷³ Там же. П. Л. Лавров, вспоминая, отмечал в 90-х годах, что «Фейербах был для социалистов 60-х годов более непосредственным учителем, чем Лассаль и Маркс» (П. Л. Лавров. Народники-пропагандисты 1873—1878 гг. Изд. 2-е. Л., 1925, стр. 17).

ственной жизни и искал в нем поддержки в своей борьбе за утверждение марксистской философии. Осенью 1908 г., заканчивая или закончив свой труд «Материализм и эмпириокритицизм», он готов был принять предложение из России участвовать в сборнике, посвященном Чернышевскому, ставя условием, чтобы ему была предоставлена не аграрная, а философская тема.⁷⁴ Во время печатания «Материализма и эмпириокритицизма» В. И. Ленин принял решение дополнить книгу специальным текстом о Чернышевском-философе. Он писал в марте 1909 г. сестре А. И. Ульяновой-Елизаровой, которая вела в России издание ленинского труда: «Я считаю крайне важным противопоставить махистам Чернышевского».⁷⁵ Это дополнение напечатано в книге Ленина под заглавием «С какой стороны подходил Н. Г. Чернышевский к критике кантианства?». Здесь Ленин привел большой отрывок из не пропущенного цензурой в 1888 г. авторского предисловия к намеченному 3-му изданию «Эстетических отношений искусства к действительности» Чернышевского. Рассуждение Чернышевского В. И. Ленин характеризовал как «замечательное».⁷⁶ Ленин по ходу цитирования Чернышевского сопроводил его текст рядом ярких и острых замечаний «к сведению путаников-махистов». В частности, он указывал, что Чернышевский «стоит позади Энгельса, поскольку он в своей терминологии смешивает противоположение материализма идеализму с противоположением метафизического мышления диалектическому, но Чернышевский стоит вполне на уровне Энгельса, поскольку он упрекает Канта не за реализм, а за агностицизм и субъективизм...».⁷⁷ Чернышевский, писал В. И. Ленин, «называет метафизическим вздором *всякие* отступления от материализма и в сторону идеализма и в сторону агностицизма».⁷⁸ Свое дополнение Ленин заключал следующими, так хорошо и широко в наше время известными, словами: «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Чернышевский не сумел,

⁷⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 47, стр. 166 (письмо А. А. Богданову от 27 или 28 октября 1908 г.). В полученном Лениным предложении автором статьи о философии Чернышевского намечался социал-демократ, сторонник махистских взглядов, В. А. Базаров-Руднев.

⁷⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, стр. 284.

⁷⁶ Там же, т. 18, стр. 382.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же, стр. 383.

вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса».⁷⁹

В 1914 г., в статье «Народники о Н. К. Михайловском» В. И. Ленин указывал, что Михайловский в философии сделал шаг назад от Чернышевского, «величайшего представителя утопического социализма в России». Чернышевский, продолжал Ленин, «был материалистом и смеялся до конца дней своих (т. е. до 80-х годов XIX века) над уступочками идеализму и мистике, которые делали модные „позитивисты“ (кантянцы, махисты и т. п.)». Отмечая, что Михайловский «плелся» за позитивистами, Ленин добавлял, что среди учеников Михайловского, «даже самых „левых“ народников» (он ссылаясь в качестве примера на Виктора Чернова), «царят эти реакционные философские взгляды».⁸⁰

И, наконец, уже в советские годы, в статье «О значении воинствующего материализма» (1922), В. И. Ленин, заявляя о том, что у главных направлений передовой общественной мысли России имеется солидная материалистическая традиция, кроме Г. В. Плеханова, назвал Н. Г. Чернышевского, снова при этом повторив, что от него «современные народники» (народные социалисты, эсеры и т. п.) нередко отступали назад «в погоне за модными реакционными философскими учениями».⁸¹

В. И. Ленин не закрывал глаз на слабые стороны Н. Г. Чернышевского, он решительно возражал против попыток стереть грань, отделяющую Чернышевского от Маркса и марксизма, разъясняя, что условия России эпохи Чернышевского не позволили ему подняться до диалектического материализма основателей научного коммунизма. Это ни в какой мере не мешало Ленину видеть исключительное величие Чернышевского как мыслителя, как революционера. Ленин высоко ценил «цельный философский материализм» Чернышевского, его глубочайшую преданность интересам народных масс, последовательный революционный демократизм, борьбу против «измен либерализма», его страстное обличение и крепостничества, и капитализма, превосходное понимание современной действительности, проявившееся так ярко в трезвой, исключительно смелой и прозорливой оценке крестьянской реформы, он любовался мужественной, негибамой личностью Чернышевского, его публицистическим и художественным талантом. В. И. Ленин придавал огромное значение благотворному воздействию идей и творчества Чернышевского на поколения революционных

⁷⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 384.

⁸⁰ В. И. Ленин. Народники о Н. К. Михайловском, стр. 335.

⁸¹ В. И. Ленин. О значении воинствующего материализма. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 24.

борцов. Он на себе испытал это влияние и сохранил навсегда признательность к Чернышевскому. «Горячая любовь к будущему — это одна из тех черт, за которую Ленин так любил и ценил Чернышевского», — говорит один из сподвижников Ленина А. В. Луначарский.⁸² Луначарский указывает справедливо на тесную преемственность между Чернышевским и Лениным в их отношении к задачам искусства и литературы: «Владимир Ильич считал, что искусство должно быть народным, должно поднимать массы, учить массы, делать массы более сильными. В этом отношении Владимир Ильич был прямым последователем Чернышевского».⁸³

Взгляд В. И. Ленина на место Чернышевского в истории русского народа, на роль Чернышевского в формировании лучших славнейших традиций его нашел блестящее выражение в знаменитых словах из статьи «Критические заметки по национальному вопросу» (1913): «Есть две нации в каждой современной нации. . . Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова».⁸⁴

Чернышевский в глазах Ленина был символом русской передовой культуры, революционной общественной мысли России.

* * *

В 1926 г. в «Правде», в статье, посвященной одному из самых любимых писателей В. И. Ленина — М. Е. Салтыкову-Щедрину, А. В. Луначарский писал: «Другой предшественник коммунизма, другой дорогой нам человек в прошлом, о котором мы можем с гордостью сказать как о подготовителе путей Ленина и его партии, Добролюбов. . .».⁸⁵ Несколько раньше — в лекциях о литературе 60-х годов, читанных в 1924—1925 гг., — Луначарский, процитировав из Добролюбова о народной массе, не любящей много говорить, но, если скажет свое простое, из жизни вышедшее слово, крепко оно будет, замечал, что такую фразу очень легко можно было бы встретить у Ленина, когда он противопоставляет мелкобуржуазной интеллигенции пролетарскую массу. При этом Луначарский высказывал наблюдение, что «у Ильича вообще бывают фразы, очень

⁸² А. В. Луначарский. Статья о литературе. М., 1957, стр. 238.

⁸³ Там же, стр. 188.

⁸⁴ В. И. Ленин. Критические заметки по национальному вопросу. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 129.

⁸⁵ А. В. Луначарский. Статья о литературе, стр. 267.

похожие на Добролюбова».⁸⁶ Выдающийся деятель советской культуры как бы указывал на известную психологическую близость Ленина и одного из великих русских революционных демократов-просветителей, ученика и последователя, ближайшего соратника и друга Чернышевского Н. А. Добролюбова.

Ленин принадлежал к поколению, которое, как указывает Н. К. Крупская, росло под влиянием Чернышевского и Добролюбова, Писарева, Некрасова, Щедрина демократической поэзии 60-х годов.⁸⁷

Добролюбов был весьма почитаем в семье Ульяновых. Отец В. И. Ленина, передовой педагог своей эпохи Илья Николаевич Ульянов, находился под большим влиянием общественно-педагогических взглядов Добролюбова. Добролюбов, как рассказывает Н. К. Крупская, покорила «честное сердце Ильи Николаевича, и это определило работу Ильи Николаевича как директора народных училищ Симбирской губернии и как воспитателя своего сына — Ленина — и других своих детей, которые все стали революционерами».⁸⁸

Сам В. И. Ленин с громадным уважением относился к наследию Добролюбова. Об этом говорят те места в его сочинениях, в которых он касается Добролюбова. Исключительно красноречивы горячие, вдохновенные слова Ленина о Добролюбове в той беседе его с товарищами, которая дошла в записи В. В. Воровского. Эти слова безусловно заслуживают того, чтобы привести их здесь полностью. «Говоря о влиянии на меня Чернышевского как главным (так записано высказывание Ленина у Воровского, — *Ш. Л.*), не могу не упомянуть о влиянии дополнительном, испытанном в то время от Добролюбова — друга и спутника Чернышевского. За чтение его статей в том же „Современнике“ я тоже взялся серьезно. Две его статьи — одна о романе Гончарова „Обломов“, другая о романе Тургенева „Накануне“ — ударили как молния. Я, конечно, и до этого читал „Накануне“, но вещь была прочитана рано, и я отнесся к ней по-ребячески. Добролюбов выбил из меня

⁸⁶ А. В. Луначарский. Статьи о литературе. стр. 195.

⁸⁷ См., например, статью Н. К. Крупской «Ленин о коммунистической морали» в «Комсомольской правде» от 2 октября 1937 г.; перепечатано в кн.: Н. К. Крупская. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1965, стр. 293.

⁸⁸ Н. К. Крупская. О Ленине, стр. 29—30. Отметим, что И. И. Ульянов, работая в конце 60-х годов в Нижнем Новгороде, был близок с педагогом Б. И. Спирборским, другом Добролюбова (Д. А. Балтика. Педагогическая деятельность Б. И. Спирборского, друга Добролюбова Н. А., в Нижнем Новгороде. В кн.: Н. А. Добролюбов. Статьи и материалы. Горький, 1963, стр. 253—255; ср.: М. В. Исакина. В. И. Ленин — историк революционного движения в России. В сб.: В. И. Ленин и историческая наука, М., 1968).

такой подход. Это произведение, как и „Обломов“, я вновь перечитал, можно сказать, с подстрочными замечаниями Добролюбова. Из разбора „Обломова“ он сделал клич, призыв к воле, активности, революционной борьбе, а из анализа „Накануне“ настоящую революционную прокламацию, так написанную, что она и по сей день не забывается. Вот как нужно писать! Когда организовалась „Заря“, я всегда говорил Староверу (Потресову) и Засулич: „Нам нужны литературные обзоры именно такого рода“. Куда там! Добролюбова, которого Энгельс называл социалистическим Лессингом, у нас не было». ⁸⁹

В. И. Ленин чаще всего в своих печатных высказываниях не отделял Добролюбова от Чернышевского, говорил о них вместе. Мы уже приводили заявление Ленина о том, что Добролюбов и Чернышевский умели говорить правду то молчалием о манифесте 19 февраля, то высмеиванием и шельмованием тогдашних либералов, о том, что последовательные демократы Добролюбов и Чернышевский справедливо высмеивали либералов за реформизм, об обоснованности критики Герцена Добролюбовым, Чернышевским, Серно-Соловьевичем за отступления от демократизма к либерализму. В работе «Очередные задачи Советской власти» Ленин вспоминал о том, что Тургеневу в свое время претил «мужичкий демократизм Добролюбова и Чернышевского». ⁹⁰

Мы вместе с тем находим в работах В. И. Ленина высказывания специально о Добролюбове. В декабре 1901 г. в старой «Искре» появилась ленинская статья «Начало демонстраций». «Когда здесь и там, — писал Ленин, — начинают вспыхивать огоньки народного возмущения и открытой борьбы, — всего прежде и всего более нужен сильный приток свежего воздуха, чтобы эти огоньки могли разгореться в широкое пламя!». ⁹¹ К числу таких огоньков Ленин отнес демонстрацию перед домом московского генерал-губернатора по поводу запрещения вечера в память Добролюбова в связи с 40-летием со дня его смерти. «Представитель самодержавной власти в Москве, — с удовлетворением отмечал В. И. Ленин, — был освящен людьми, которым, как и всей образованной и мыслящей

⁸⁹ В. И. Ленин о литературе и искусстве. Изд. 3-е. М., 1967, стр. 655. Следует напомнить, что В. И. Ленин с одобрением относился к литературно-критической деятельности В. И. Засулич, о чем говорит его оценка ее статей на литературные темы в легальной журналистике. Но Вера Засулич при всем том, конечно, не была Добролюбовым, да к тому же в «Заре» она не вела литературных обзоров.

⁹⁰ В. И. Ленин. Очередные задачи Советской власти. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 206.

⁹¹ В. И. Ленин. Начало демонстраций. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 372.

России, дорог писатель, страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания против „внутренних турок“ — против самодержавного правительства». ⁹²

50-летие со дня смерти Добролюбова дало повод В. И. Ленину снова высказаться о нем. В ликвидаторском журнале «Наша заря» в связи с этой датой появилась статья литератора М. Неведомского (Миклашевского) «Об Н. А. Добролюбова». Неведомский называл Добролюбова «трибуном действительности» и признавал, что его статьи были школой революционного демократизма. Но этого автора не устраивала именно последовательность Добролюбова и Чернышевского. С легкой руки Чернышевского и Добролюбова, жаловался Неведомский, идет «полное, априорное отрицание и заподозривание буржуазии и либерализма». Он высказывался за якобы своевременность «пересмотра» этого «параграфа» демократического кредо, доходя до утверждения, что в дни первой русской революции «это унаследованное от эпохи „Современника“ «абсолютное отрицание» оказывало демократии подчас «плохие услуги». ⁹³ Ленин, особенно ценивший как раз боевой, самый последовательный демократизм Добролюбова и Чернышевского, разоблачение ими либеральных «измен», был возмущен выступлением ликвидаторского органа и с негодованием писал о Неведомских «с их новым „пересмотром“ идей Добролюбова задом наперед, от демократизма к либерализму». «Наше дело, — писал Ленин, — развивать демократический подъем, пестовать новую, по-новому растущую в новой России революционную демократию». ⁹⁴

Не очень большой количественно, но необычайно важный по содержанию материал, посвященный в трудах В. И. Ленина Добролюбову, говорит о многом. Воспитанный в значительной степени на Добролюбова, как и на других корифеях передовой общественной мысли, Ленин пронес от начала до конца своей

---

⁹² Там же, стр. 370. Здесь уместно вспомнить о том, что старшим братом В. И. Ленина Александром Ульяновым (казненным по делу 1 марта 1887 г.) в конце 1886 г., когда исполнилось 25 лет со дня смерти Добролюбова, была написана и отгектографирована прокламация, посвященная разгону прошедшей тогда известной «добролюбовской демонстрации» в Петербурге: «Все, что так дорого для каждого сколько-нибудь образованного русского, что составляет истинную славу и гордость нашей родины, всего этого не существует для русского правительства... Такие манифестации поднимают дух и бодрость общества...» (Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. Сборник, составленный А. И. Ульяновой-Елизаровой. М.—Л., 1927, стр. 357). Так неожиданно получалась своеобразная переключка между двумя братьями-революционерами!

⁹³ «Наша заря», 1911, № 11, стр. 61, 65—66.

⁹⁴ В. И. Ленин. Избирательная кампания в IV Думу и задачи революционной социал-демократии. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 250—251.

деятельности глубокое уважение и любовь к лучшему сподвижнику Чернышевского. Он дорожил его традициями и использовал их в своей борьбе со всяким отступничеством, в борьбе за победу дела революции.

* * *

К любимым мыслителям-писателям В. И. Ленина принадлежал и Д. И. Писарев, талантливейший публицист и критик 60-х годов, философ, ученый, блестящий популяризатор знаний, участник революционного движения. Писарев начинал писать еще при жизни Добролюбова, до ареста Чернышевского; расцвет его деятельности и апогей его влияния приходится на время после смерти Добролюбова и насильственного устранения Чернышевского. Он испытал большое воздействие со стороны этих вождей литературно-общественного движения своей эпохи, но его взгляды далеко не полностью совпадали с их взглядами. Несмотря на значительные отличия, общее между ними по существу перевешивало, однако это отнюдь не всеми сознавалось и признавалось. Говорили — и это отвечало тому, что было в жизни — о «писаревцах» и «добролюбовцах», противопоставляя их, но встречались и утверждения о более или менее единых «писаревско-добролюбовских» взглядах (против таких утверждений, между другими, энергично возражал, например, Н. Михайловский, хотя он не относился к наиболее резким и крайним «хулителям» Писарева).

Писарев, по свидетельству Н. К. Крупской, принадлежал к тем авторам, на творчестве которых воспитывался В. И. Ленин. В одной из своих статей о Ленине Крупская писала, что усиленно Писарева читал старший брат Ленина Александр Ульянов, увлеченный писаревскими работами по естествознанию, «в корне подрывавшими религиозные воззрения». К этому она добавляет, что «читал Писарева усиленно и Владимир Ильич, когда ему было еще лет 14—15».⁹⁵ Сообщая в другом месте о том, что в сибирском альбоме Ленина среди других карточек (Герцена, Чернышевского и т. д.) была и карточка Писарева, Крупская поясняет, что Писарева «Владимир Ильич в свое время много читал и любил».⁹⁶

Весьма интересны мысли, высказанные по тому же поводу в статье Н. К. Крупской «Вторая эмиграция. (Отрывок из воспоминаний. 1908—1917 гг.)». Рассказывая об очень положительной оценке Лениным известных заметок о мещанстве А. М. Горького, напечатанных в конце 1905 г. в большеви-

⁹⁵ Н. К. Крупская. О Ленине, стр. 35.

⁹⁶ Там же, стр. 93.

стской «Новой жизни», Крупская писала: «Поколение марксистов, к которому принадлежал Ильич, вырабатывало свои взгляды в годы реакции (имеется, конечно, в виду реакция 80-х годов XIX в., — Ш. Л.), когда придушена была всякая общественная жизнь. Марксистские убеждения особо настоятельно требовали применения их в жизни, широкой агитационной и пропагандистской деятельности. Окружающая же жизнь обступала своей обыденщиной и казалась цестерпимой. Молодому поколению, выросшему в огне революции, трудно понять, как давил этот уклад, создаваемый всем тогдашним строем. Владимир Ильич очень любил Писарева, резко критиковавшего всю эту давящую условность обывательщины, нравилось ему и то, что писал по этому поводу Чернышевский».⁹⁷

Существенно и еще одно свидетельство Н. К. Крупской, содержащееся в ее статье «Своерременные цитаты», опубликованной к 95-летию со дня рождения Писарева в «Правде» в октябре 1935 г. «В молодости, — пишет она, — я очень увлекалась Белинским и Добролюбовым, а Писарева в первый раз читала уже марксисткой, когда ехала в Сибирь, в ссылку, к Владимиру Ильичу... Меня пленила резкая критика крепостного уклада Писаревым, его революционная настроенность, богатство мысли. Все это было далеко от марксизма, мысли были парадоксальными, часто очень неправильны, но нельзя было читать его спокойно. Потом в Шуше я рассказывала Ильичу о своих впечатлениях от чтения Писарева, а он мне рассказал, что сам зачитывался Писаревым, нахваливал смелость его мысли... В брошюре „Что делать?“ (1902) Владимир Ильич цитирует Писарева, освещая вопрос о том, как важно ставить рабочему движению ясные цели и работать над их осуществлением, освещая вопрос о связи мечты с действительностью».⁹⁸

Это место ленинского труда широко известно. Ленин говорил о громадном значении общего партийного печатного органа в деле объединения и расширения всей партийной революционной работы, об обучении и воспитании в связи с этим «армии испытанных борцов». «По лесам или подмосткам этой общей организационной постройки, — писал Ленин, — скоро поднялись и выдвинулись бы из наших революционеров социал-демократические Желябовы, из наших рабочих русские Бебели, которые встали бы во главе мобилизованной армии и подняли весь народ на расправу с позором и проклятьем России» (с царизмом, самодержавием). «Вот о чем нам надо мечтать!», — во-

⁹⁷ «Правда», 1928, № 94, 22 апреля. «Вот почему нравились Ильичу заметки Горького о мещанстве», — заключает этот отрывок Н. К. Крупская.

⁹⁸ Н. К. Крупская. Об искусстве и литературе, стр. 164—165.

склидал Ленин. При этом, обосновывая мысль о значении умной, вдохновляющей, толкающей вперед мечты, Ленин обращался к Писареву. Он цитировал статью Писарева «Промехи незрелой мысли», впервые появившуюся в конце 1864 г. в журнале «Русское слово», главной литературной силой которого и был находившийся тогда в заточении в Петропавловской крепости Дмитрий Иванович Писарев. Ленин привел слова Писарева: «Моя мечта может обгонять естественный ход событий или же она может хватать совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий никогда не может прийти». Писарев был за первого рода мечты, которые не только не вредны, но могут «поддерживать и усиливать энергию трудящегося человека». Разлад между мечтой и действительностью, по словам Писарева, не приносит никакого вреда, если мечтающая личность серьезно верит в свою мечту, внимательно вглядывается в жизнь, «сравнивает свои наблюдения с своими воздушными замками и вообще добросовестно работает над осуществлением своей фантазии. Когда есть какое-нибудь соприкосновение между мечтой и жизнью, тогда все обстоит благополучно». Прочитав Писарева, Ленин заключал: «Вот такого-то рода мечтаний, к несчастью, слишком мало в нашем движении. И виноваты в этом больше всего кичащиеся своей трезвенностью, своей „близостью“ к „конкретному“ представители легальной критики и нелегального „хвостизма“»⁹⁹ (т. е. «легальные» ревизионисты и «нелегальные» социал-демократы экономисты).

В вопросе о роли мечты, фантазии, окрыляющей, возбуждающей к активности, к смелой, не страшющейся препятствий, борьбе, В. И. Ленин считал себя единомысленным с Писаревым, о чем он снова через ряд лет говорил в «Философских тетрадях»: «Недене отрицать роль фантазии и в самой строгой науке: ср. Писарев о мечте полезной, как толчке к работе, и о мечтательности пустой».¹⁰⁰

Важное значение для понимания ленинского отношения к Писареву имеют его замечания на рукопись статьи Д. Рязанова «Две правды», которая была представлена редакции «Зари» (выходившего при ленинской «Искре» теоретического

⁹⁹ В. И. Ленин. Что делать? Полн. собр. соч., т. 6, стр. 171—173. Ср.: Д. И. Писарев, Соч., т. 3, М., 1956, стр. 147—149.

¹⁰⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 330. Кроме статьи «Промехи незрелой мысли», мы находим у В. И. Ленина напоминание (без имени Писарева) о статье «Прогулка по садам российской словесности» в работе 1915 г., «крах платонического интернационализма», где Ленин насмешливо говорит о выступлениях центристской газеты «Наше слово» как праздничной прогулке по садам интернационалистской словесности (Полн. собр. соч., т. 26, стр. 199).

журнала революционных марксистов) и не принята ею для опубликования. Замечания относятся к осени 1901 г. Судя по цитатам из рукописи и вопросительным знакам, поставленным Лениным против соответствующих мест рязановской статьи, В. И. Ленин не согласился с характеристикой Писарева и его истинных последователей как сторонников (или только сторонников) «индивидуалистических идеалов», исключительной проповеди «личного счастья», с головой будто ушедших в вопросы «личного самосовершенствования».¹⁰¹

Еще одним важным показателем отношения В. И. Ленина к Писареву может служить оценка, данная им статье Веры Засулич о Писареве. Статья печаталась под псевдонимом «Н. Каренин» в легальном журнале «Научное обозрение», в нескольких номерах за 1900 г. Наука располагает ленинской оценкой тех частей статьи В. И. Засулич, которые были опубликованы в мартовской и апрельской книгах «Научного обозрения» указанного года. В апреле 1900 г. В. И. Ленин спрашивал в письме к матери, видела ли его сестра М. И. Ульянова эти номера журнала, и указывал: «Превосходна там статья о Писареве».¹⁰² Замечание Ленина позволяет говорить о солидарности его, по крайней мере с наиболее определяющими, главными положениями статьи Веры Засулич (в той части статьи, во всяком случае, которая появилась в упомянутых Лениным номерах журнала).

Статья Засулич носила в большой степени полемический характер. Полемика была непосредственно направлена против трех авторов — народника (к этому времени сильно «поливнявшего», примыкавшего к либеральному народничеству) А. М. Скабичевского (его книги «История новейшей русской литературы»), консерватора К. Ф. Головина (его книги «Русский роман и русское общество») и тогда еще умеренного либерала (впоследствии крайне поправившего) И. И. Иванова (его серия статей «Писарев, его сподвижники и враги» в «Мире божьем» за 1899 г. вскоре вошла в книгу «История русской критики»). Головин стоял, конечно, особенно далеко, но и со Скабичевским и Ивановым Вера Засулич сводила весьма и весьма серьезные счеты. Засулич требовала рассмотреть взглядов Писарева в их развитии. Она видела «громкую разницу» между Писаревым первых лет его творчества и последующих.¹⁰³ По Скабичевскому, Писарев «всегда оставался

¹⁰¹ В. И. Ленин. Замечания к статье Рязанова «Две правды». Полн. собр. соч., т. 5, стр. 403.

¹⁰² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 55, стр. 183.

¹⁰³ «Научное обозрение», 1900, № 4, стр. 482; см. также: В. И. Засулич, Сборник статей, т. II, СПб., 1907, стр. 226.

чистопрошным индивидуалистом, выставляя на первый план прогресс личности путем самосовершенствования»; у Писарева, по его утверждению, на первом плане стояло «стремление к наслаждению, к тому, чтобы провести жизнь как можно приятнее», в чем он и полагал свою теорию эгоизма, а на народ у него было «презрительное, барское» воззрение.¹⁰⁴ В этой оценке Скабичевский был довольно верным выразителем распространенной в народничестве с давних пор точки зрения на Писарева (правда, не для всех народнических литераторов и критиков характерной). Засулич для зрелого Писарева решительно отвергала эту позицию. Во «втором периоде» деятельности Писарев, по ее словам, отбросил свой «ребяческий эгоизм». Для него величайшим в мире стало «наслаждение деятельностью на пользу трудящегося большинства».¹⁰⁵ Она дважды приводила знаменитые слова из статьи Писарева «Реалисты» о том, что конечная цель всего мышления и всей деятельности каждого честного человека состоит в разрешении навсегда неизбежного вопроса о голодных и раздетых людях, и что «вне этого вопроса нет решительно ничего, о чем бы стоило заботиться, размышлять и хлопотать».¹⁰⁶ Засулич не оспаривала различий во взглядах Писарева и Добролюбова. Добролюбов ждал «скорого разлива народной реки» — революции, Писарева «эта вера, видимо, миновала».¹⁰⁷ «Самобытный, стихийный разлив народной реки не играл в его надеждах почти никакой роли», что не означало, впрочем, что он «не считал такой разлив желательным или возможным», но *свою* задачу он видел в размножении «мыслящих людей», в том, чтобы в последнем итоге «заразить этим мышлением трудящееся большинство». Не отрицая разногласий, Засулич делала главное ударение на том, что сближало, объединяло Писарева с Чернышевским и Добролюбовым, и подчеркивала в особенности, что передовая молодежь «дополняла» Добролюбова и Писарева — «одного другим»; читатель брал «у каждого из юношей-вождей то, что было ему всего дороже» и соединял «все это воедино».¹⁰⁸ Статьи Писарева, по словам Засулич, для сме-

¹⁰⁴ А. М. Скабичевский. История новейшей русской литературы. 1848—1892 гг. Изд. 3-е. СПб., 1897, стр. 99, 101.

¹⁰⁵ В. И. Засулич, Сборник статей, т. II, стр. 255.

¹⁰⁶ Там же, стр. 229, 235. Ср.: Д. И. Писарев, Соч., т. 3, стр. 105.

¹⁰⁷ В. И. Засулич, Сборник статей, т. II, стр. 241—242. «В последние годы деятельности Добролюбова ожидания, опасения... наводнения стояли в воздухе и для Добролюбова были, по-видимому, почти единственным лучом света», — писала Засулич в «Научном обозрении» (1900, № 3, стр. 494); впоследствии в «Сборнике статей» она пояснила, что «наводнения» были цензурным псевдонимом «восстаний».

¹⁰⁸ В. И. Засулич, Сборник статей, т. II, стр. 244, 245, 249, 262. Статья Засулич в некоторой мере автобиографична и отражает во мно-

нявшихся поколений его молодых читателей 60-х и 70-х годов являлись «энергичной проповедью долга перед трудящимся большинством, ученья и труда ради уплаты этого долга».¹⁰⁹

В. И. Ленину бесспорно imponировала решительная отповедь, которую давала Засулич грубо вульгаризаторским тенденциям в оценке Писарева.¹¹⁰ Его должно было привлекать то, что Засулич выявляла сильные стороны деятельности Писарева, которым несомненно и сам он придавал особое значение.

Не все в Писареве, вообще говоря, могло удовлетворять Ленина. Хорошо известны и противоречия, и неоправданные «крайности» писаревских высказываний, и можно было бы легко привести примеры весьма различных оценок тех или иных явлений, хотя бы в области культуры, того или иного подхода к наследию, у Ленина и Писарева. Многие разделяло и экономические и социологические воззрения Ленина и Писарева. Ленин не мог не ценить материализма и атеизма Писарева, но нельзя забывать сугубо критического отношения Ленина к Бюхнеру, Фохту, Молешотту (этим, по отзыву Ленина, «пигмеям» по сравнению с Фейербахом), которые между тем оказали серьезное влияние на взгляды Писарева.

Но Ленин любил Писарева за яркость и смелость мысли, за ее честность и прямоту, за дерзания, ценил за острейшее

гом процесс ее личного развития, ее восприимчивости в юности Писарева, Добролюбова, Чернышевского. Конечно, в жизни бывало порой и иначе; известно, например, отрицательное отношение к произведениям Писарева со стороны «шутников» в середине 60-х годов. У них, как и у части революционных народников 70-х годов, существовало опасение, что проповедь своеобразной теории «реализма» Писаревым способна отвлечь молодежь от активного участия в революционной борьбе.

¹⁰⁹ В. И. Засулич, Сборник статей, т. II, стр. 259.

¹¹⁰ Статья Засулич была, можно сказать, первой специальной работой о Писареве, написанной с марксистских позиций. Это был сильный отпор взглядам таких людей, как А. Вольнский, Скабичевский, Иванов и т. д. Однако это все-таки не был «первый» отпор (см.: Советская историческая энциклопедия, т. 11, стлб. 164). Не говоря уже о Плеханове, взгляды которого, правда, далеко не вполне совпадали в вопросе о Писареве со взглядами Засулич (это был редкий случай известного их разномыслия), но который, например, писал, что Скабичевский о Писареве «говорит поистине вопиющие вещи» (это напечатано в «Новом слове» в 1897 г.), можно, к примеру, назвать опубликованную в «Русском богатстве» в 1899 г. статью за подписью «А. Тельшев» «Писарев перед судом учителя истории» с резкой критикой И. И. Иванова. Автор о влиянии Писарева уже в 80-х годах говорил: «...никто не поднимал самый тон нашей внутренней жизни так, как он; никто не вселял такой бодрости; никто не отрезывал так путь ко всякой слежке с голосом совести и мысли». В «прекрасном образе» Писарева, заявлял тот же автор, «нам светится наша юность и правда этой юности» («Русское богатство», 1899, № 5—8, август, 2-й отд., стр. 124, 125).

обличение отсталости, мещанства, обывательщины, за резкую и остроумную критику Писаревым либерализма.

Мы приводили данные о высокой оценке В. И. Лениным демократического просветительства 60-х годов. Но Писарев-то и был в своем роде «образцовым» представителем этого просветительства. Он был одушевлен самой горячей враждой к крепостничеству, ко всем его порождениям и пережиткам, он был самым горячим защитником и самым пламенным пропагандистом просвещения, науки (прежде всего естествознания), борцом за всестороннюю свободу личности, поборником «европейских форм жизни», он выступал защитником прав и интересов всех обездоленных и угнетенных и предъявлял передовому общественному мнению требование разрешить раз и навсегда вопрос о «голодных и раздетых».¹¹¹

Говоря выше о различиях во взглядах между Лениным и Писаревым, мы, в частности, имели в виду явно выраженную у Писарева недооценку общественно-политического значения блестящей деятельности великого русского сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина. Как уже было отмечено, Щедрин принадлежал к самым любимым писателям В. И. Ленина. Из мастеров русской художественной прозы он, возможно, был Ленину даже наиболее близок.¹¹² Образы Щедрина, его выражения бесчисленное множество раз использованы Лениным в его произведениях. Они Ленину служили подлинным боевым оружием в борьбе с врагами революции и народа. В. И. Ленин в свое время призывал большевистскую «Правду» «вспоминать, цитировать и растолковывать» в газете «Щедрина и других писателей „старой“ народнической демократии», считая, что это для массового читателя «Правды» «уместно, интересно», поможет осветить современные вопросы рабочей демократии «с иной стороны, иным голосом».¹¹³

---

¹¹¹ Литература о Писареве, и старая, и тем более советская, очень значительна. В советской историографии, литературоведении, историко-философской науке имеются труды Б. П. Козьмина, В. Я. Кирпотина, В. Ф. Переверзева, Л. А. Шлоткина, А. Н. Маслина, Ф. Ф. Кузнецова, Л. Э. Варустина, В. С. Кружкова, Ю. С. Сорокина, Э. И. Розенберга, Э. С. Виленской, Б. А. Чагина и др. Мнения исследователей далеки от единства, причем встречаются как случаи необоснованного принижения места и значения Писарева, так и попытки «модернизации» в той или иной форме и степени его взглядов. Тем не менее советскими авторами сделано очень много для возможно более полного выявления сильных и слабых сторон писаревского наследия и для определения его особенностей, его роли в истории русской передовой общественности и культуры.

¹¹² В. Д. Бонч-Бруевич в статье «Ленин о книгах и писателях» не без основания замечал, что Щедрин Ленин, «кажется, более всех любил из болельщиков» («Литературная газета», 1955, № 48).

¹¹³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, стр. 89.

В период первой русской революции (ее подавления царизмом — в 1907 г.) Ленин подчеркивал, что еще Некрасов и Салтыков (как известно, бывшие близкими соратниками и в 60-е, и в 70-е годы) «учили русское общество различать под приглаженной и напомаженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушные подобных типов».¹¹⁴

Высоко ценя яркость и выпуклость созданных Щедриным художественных образов, последовательно демократический дух его творений, В. И. Ленин останавливался на беспощадном обличении сатириком — соратником и последователем Чернышевского — либерализма. В работе о «друзьях народа» Ленин напоминал читателям «метко описанную Щедриным историю эволюции российского либерала», начинающего с просьбы у начальства реформ «по возможности», продолжающего тем, что кланчит «хоть что-нибудь» и копчающего вечной и неизбываемой позицией «применительно к подлости».¹¹⁵

Либералов Щедрин, по словам Ленина, заклеил навсегда этой формулой «применительно к подлости».¹¹⁶

Ленин цитировал произведения Щедрина разных периодов — как 60—70-х годов (например, неоднократно обращаясь к образу Иудушки из «Господ Головлевых»), так и 80-х. Он любил щедринскую сказку «Либерал», опубликованную в пору реакции 80-х годов (там именно и фигурирует знаменитая формула «применительно к подлости»), в ту тяжелую пору в истории русского общества, когда так мощно звучал гневный голос замечательного писателя-борца.

В лице Щедрина (это относится и к горячо любимому Лениным гениальному народному поэту Н. А. Некрасову¹¹⁷) Владимир Ильич справедливо видел деятеля, который сумел с честью пронести на протяжении десятилетий славное знамя Чернышевского и Добролюбова.

---

¹¹⁴ В. И. Ленин. Памяти графа Гейдена. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 43.

¹¹⁵ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа»... стр. 268.

¹¹⁶ В. И. Ленин. Еще один поход на демократию. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 84.

¹¹⁷ Отмечал, что Некрасов «колебался, будучи лично слабым, между Чернышевским и либералами», Ленин подчеркивает тем не менее, что «все симпатии его были на стороне Чернышевского» (Еще один поход на демократию, стр. 84).